

УДИВИТЕЛЬНЫЙ
Самсон

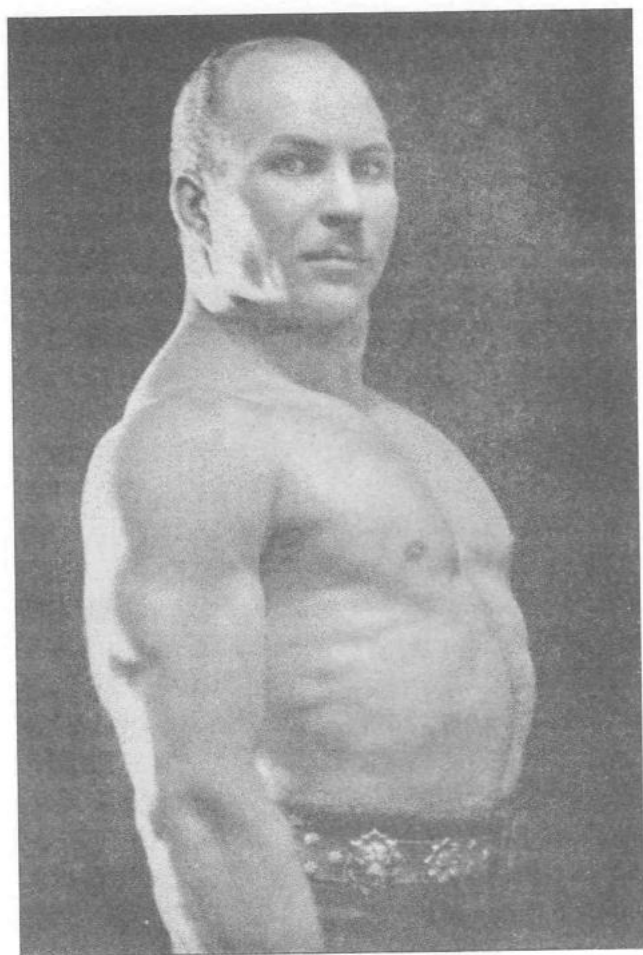

Alexander Zass

УДИВИТЕЛЬНЫЙ
Самсон

2010

Удивительный СамсоН

Рассказано им самим...
и не только

УДК 792. И (092)
ББК 85.353-8 (Англ)
У30

THE
AMAZING SAMSON
as told by himself

Перевод на русский язык осуществлён по тексту книги,
опубликованной издательством
SIMPKIN, MARSHALL, HAMILTON, KENT & CO. LTD
в 1925 году в Лондоне
Перевод с английского Рустема Галимова

Оренбургский благотворительный фонд «Евразия»
благодарит Жаклин Рикардо за право использования
отрывков из её неопубликованного произведения
SAWDUST IN MY HEART
© by Jacqueline Ricardo

Перевод с английского Игоря Храмова

Составление, вступительная статья и послесловие Игоря Храмова

Книга издана при финансовой поддержке Анатолия Богданова
(производственная фирма «Строительно-монтажная компания», г. Екатеринбург)

У30 Удивительный Самсон. Рассказано им самим... и не только
пер. с англ. Р.А. Галимова/сост., автор вступит. статьи и послесловия
И.В. Храмов. – Оренбург: Оренбургское книжное издательство,
2010. – 304 с.: ил.

ISBN 978-5-88788-177-5

В издание вошли мемуары выдающегося силового атлета первой половины XX века и дрессировщика Александра Ивановича Засса, выступавшего в Европе под сценическим псевдонимом Самсон и снискавшего титул Сильнейшего человека Земли. Эта книга была издана в 1925 году в Лондоне и впервые предлагается вниманию читателей на русском языке. Во вступительной статье и послесловии изложена биография А.И. Засса, вокруг имени которого возникло множество загадок и легенд — как в России, так и за рубежом. Книга повествует о его становлении как атлета и артиста цирка, о полном приключений пребывании на фронтах Первой мировой войны, о работе в европейских цирках, а также об обретённой Самсоном второй родине — Великобритании, где Засс пережил десятилетия невероятной популярности и умер в 1962 году, так и оставшись Русским Самсоном.

ISBN 978-5-88788-177-5

© Simpkin, Marshall, Hamilton, Kent & Co. Ltd. 1925

© by Jacqueline Ricardo, 2010

© Галимов Р., перевод, 2010

© Храмов И., составление, вступительная статья, послесловие, перевод, 2010

© ООО «Оренбургское книжное издательство», 2010

О выдающемся цирковом атлете первой половины XX века, снискавшем славу сильнейшего человека мира, Александре Ивановиче Зассе, написано очень много. Стоит лишь запустить поиск в Интернете на его имя, как тут же найдутся тысячи страниц с отрывками из его биографии, фотографиями, где Засс рвет цепи, гнет металл и переносит на плечах лошадь. Имя Засса известно любому, кто хоть раз в своей жизни соприкасался с тяжелой атлетикой, бодибилдингом, интересовался историей цирка. Тем удивительнее тот факт, что на самом деле об Александре Зассе известно очень... мало!

Редкий мальчишка Советского Союза не держал в руках книгу Александра Драбкина и Юрия Шапошникова «Тайна Железного Самсона». Увлекательное повествование об атлете, с юных лет мечтавшем о работе в цирке, упорно занимавшемся самостоятельно и со временем ставшем легендарным Самсоном, открыло мир силы и спорта для многих тысяч ребят. Именно эта замечательная книга, вышедшая сотысячным тиражом в 1973 году, да еще более поздние публикации «Писем из Хокли» одного из ее авторов — племянника Александра Засса Юрия Владимировича Шапошникова — были разобраны на цитаты по русскоязычному Интернету.

Но они не раскрыли тайну Самсона. Более того, они создали легенду о Железном Самсоне.

Имя Самсона, а этот сценический псевдоним Александр Засс взял уже после Первой мировой войны, оставшись в Европе и будучи довольно популярным силовым атлетом, не менее известно по сей день и за рубежом. Обосновавшийся в 1925 году в Великобритании Александр Засс был без преувеличения знаменит. Его знали и по имени, данному при рождении, и по сценическому имени. Чаще его называли «амайзинг» — Удивительный Самсон, иногда — Русский Самсон, но никогда — «железный». Публикаций о нем в западных книгах, журналах и англоязычном Интернете даже больше, чем в России, но и они — лишь переложения одной единственной книги, правда, максимально приближенной к истине — мемуаров самого Александра Засса, изданных в 1925 году в Лондоне. «Удивительный Самсон, рассказано им самим» — произведение увлекательное, уникальное, но также не дающее исчерпывающей информации о том, кем же был Засс в действительности и, разумеется, оставляющее современного читателя в полном неведении относительно того, как сложилась судьба нашего соотечественника, скончавшегося под Лондоном в 1962 году, за десятилетия, прошедшие после выхода его книги в свет.

Предлагая читателю перевод «Удивительного Самсона» на русский язык, мы посчитали необходимым поделиться и результатами собственных многолетних исследований биографии Александра Засса. Эта книга не претендует на истину в последней инстанции. Мы постарались лишь развеять пелену домыслов и легенд, окружавших удивительного человека с нелегкой судьбой. Ведь тайн в жизни Самсона было немало. Быть может, нам удастся приоткрыть хотя бы несколько из них?

THE AMAZING SAMSON

AS TOLD BY HIMSELF

WITH A FOREWORD BY

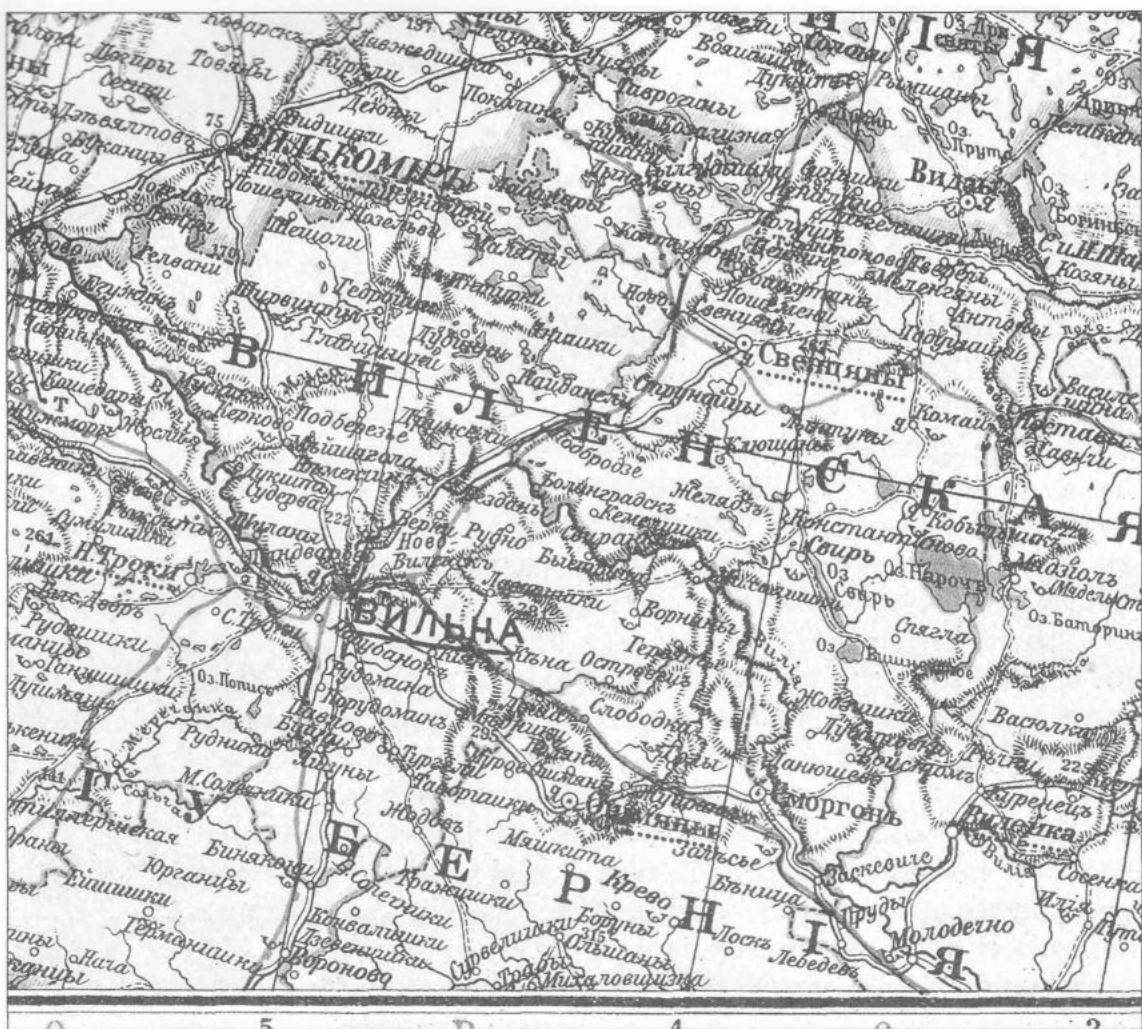
W. A. PULLUM

9-ST. CHAMPION WEIGHT-LIFTER OF THE WORLD

LONDON

SIMPKIN, MARSHALL, HAMILTON, KENT & CO. LTD

1925

Карта Виленской губернии

ПРЕДИСЛОВИЕ

Начнём с тайн, вернее, некоторых неувязок в биографии нашего героя. Большинство из них могут оказаться незаметными читателю мемуаров, а какие-то бросятся в глаза сразу же. «Я родился в 1888 году в Вильно, в Польше», — начнёт свое повествование Александр Засс в 1925 году. На самом деле столица Литовской Республики, нынешний город Вильнюс, на тот момент уже больше сорока лет не был в составе Польши, а являлся центром Виленской губернии, входящей в Северо-Западный край Российской Империи. В выписке из метрической книги о родившихся в 1888 году, хранящейся в домашнем архиве Шапошниковых, сказано, что 23 февраля у крестьянина Ивана Петровича Засса католического вероисповедания и его православной супруги Екатерины Емельяновны родился сын Александр, который 25 февраля был крещён по православному обряду. Только вот где появился мальчик на свет, в метрике не указано, да и поиски наши как в Вильно, так и в Свенцяном уезде Виленской губернии, откуда родом отец Александра, успехом не увенчались. Более того, при детальном изучении выписки пришло понимание того, что уехали Зассы с виленщины вскоре после рождения сына, ведь документ сей был выдан 12 августа того же года весьма далеко — в церкви села Панского Алексинского уезда Тульской епархии.

Екатерина Емельяновна и Иван Петрович Засс, 1904 год

Александр с мамой, 1913 год

Александр с двоюродной сестрой Надей

Сергей Земцов с сыном Кириллом перед домом Зассов в Саранске. Здание не сохранилось

тель — Пуллум решили не забивать голову англоязычного читателя ненужными подробностями, и эти географическо-исторические экскурсы в окончательный вариант книги не вошли. Правда, мордовские земли упорно именуются автором «Туркестаном», но и такая географическая неувязка вряд ли волновала почитателей силы и спорта.

В самом Саранске Зассы всё же жили, причем достаточно долго. Давний фанат Самсона и исследователь его жизненного пути Сергей Земцов, проживающий в бельгийском Антверпене, поднял местные архивы и установил, что в 1910 году в Саранске на 2-й Троицкой улице, 18 (теперь это улица Богдана Хмельницкого, 19) семья имела свой дом. Интересно, что и дом, и счет в банке были оформлены не на главу семейства, а на Екатерину Емельяновну. По-видимому, мать Александра была волевой и целеустремленной женщиной. Она даже баллотировалась и прошла на выборах в Саранскую городскую Думу.

Жизнь немало помотала Александра Засса по свету. Но поистине судьбоносным для него стал приезд в Оренбург в 1908 году. Кстати, это как раз и явилось причиной того, что именно в Оренбурге мы и начали кропотливую работу по сбору материалов о нашем, пусть и ненадолго задержавшемся в этом городе, земляке. В книге «Тайна Железного Самсона» рассказывается о трех пребываниях Засса в Оренбурге, два из которых, как пишут авторы, широко анонсировались. Несколько лет поисков в архивах Оренбурга и в газетном фонде Российской Государственной библиотеки в Москве не дали никаких результатов — упоминаний об Александре Зассе просто не было! Лишь мемуары самого атлета пролили свет на необъяснимую загадку. Александр провел в Оренбурге в 1908–1909 годах всего шесть месяцев! Это было первое и, по-видимому, последнее пребывание атлета в городе. Но какое значимое!

Действительно, направленный отцом в Оренбург, Александр должен был устроиться в паровозное депо, но пришёл работать в цирк Андржиевского, как раз находившийся здесь на гастролях. С начала октября 1908 года «Оренбургская газета» анонсировала

приезд «первоклассного цирка Д.Н. Андржиевского со своей многочисленной труппой». Дмитрий Платонович Андреюк (1873–1937), а именно так на самом деле звали Андржиевского, выступал в балаганах с атлетическим номером, был борцом, дрессировщиком. В интересующий нас период он держал в провинции небольшие цирки. У него-то Александр и стал «цирковым». Полгода в Оренбурге и

Вокзал в Оренбурге. Открытка начала XX века

близлежащих населённых пунктах, где останавливался цирк шапито Андржиевского, как раз и были сроком, отведённым Зассу на обучение в паровозном депо. Время истекло, цирк собрался за пределы Оренбургской губернии, и Зассу предстояло нелёгкое решение: поехать в Саранск к отцу, чтобы сообщить о своём выборе жизненного пути и, уже вполне открыто, продолжить цирковую карьеру.

Тут мы встречаемся с очередной мистификацией Александра Засса. Если следовать тексту мемуаров, он отправился на вокзал, чтобы ехать в Саранск, и на платформе увидел афишу ташкентского цирка Юпатова. Как могла оказаться афиша цирка из Ташкента в далёком Оренбурге? Непонятно. Скорее всего, цирк Юпатова гастролировал где-то поблизости, но в самом Оренбурге Юпатов не был. По крайней мере, об этом не осталось никакого следа в местной прессе тех лет, хотя цирковая жизнь освещалась тогда довольно бойко. Так, летом 1909 года газеты пестрели анонсами и отзывами о выступлениях «Большого русского цирка М.Н. Злобина в новом здании на Конно-Сенной площади». В феврале его место занял цирк Труцци из Симферополя. О цирке Юпатова в Оренбурге — ни слова. А Засс, по его словам, садится в поезд на Ташкент, «так как город находится рядом», и «через пару часов» уже попадает в цирк Юпатова. Если предположить, что Александр

отправился в путешествие всё-таки в Ташкент, то откуда же он писал отцу, прося денег «для получения выгодного и перспективного места», а на самом деле — для внесения залога, который Юпатов требовал от всех своих артистов? Филипп Афанасьевич Юпатов (1873–1958) был известным ташкентским антрепренёром. Проводил выступления на узбекском языке, до революции держал цирки в Ташкенте, Бухаре, Самарканде. В 1914 году выстроил в Ташкенте стационарный деревянный цирк на базарной площади. Но был ли он в 1909 году со своей труппой близ Оренбурга? Это остаётся пока неразгаданной загадкой Самсона.

Ещё одна неясность связана с армейской службой становившегося всё более известным силача. Уже работая в цирке Ивана Ивановича Хойцева, который держал своё заведение в Алма-Ате, гастролируя по городам Средней Азии, Засс призывается на службу. По идее, это должно было случиться по достижению им 21 года, то есть в феврале 1909-го, но, судя по рассказам Александра, где-то примерно до 1911 года он путешествует с цирком. Была ли ему предоставлена отсрочка по каким-то семейным обстоятельствам? Этого мы не знаем. Зато мы знаем, что получив повестку с предписанием явиться в Вильно — тогда новобранцев призывали по месту рождения — Засс добирается туда целых 23 дня, что вполне могло соответствовать действительности. А по прибытии он получает новое предписание — отправиться на российско-персидскую границу в составе 12-го туркестанского стрелкового полка. В 1908–1910 годах в Персии (так раньше назывался современный Иран) полным ходом шла гражданская война. Нестабильность в стране сохранялась и после. 11 ноября 1911 года по истечении срока ультиматума Россия перешла границу Персии «с целью защиты собственных экономических интересов». По-видимому, Александр Засс должен был участвовать в этих событиях, но он не оставил об этом периоде никаких воспоминаний. Более того, он неожиданно быстро отслужил. Прошёл учебу, получил, по-видимому, унтер-офицерский чин, а уже в 1913 году родителям пришла по почте цирковая афиша от сына с анонсом его сольного выступления.

С 1906 года в Российской армии была введена трёхлетняя воинская повинность, и раньше 1914 года закончить службу Засс теоретически не мог. Практически он оставил нам на память ещё одно белое пятно в своей биографии.

Интересный факт, который по понятным причинам не мог войти в советское издание «Тайны Железного Самсона», упоминается в мемуарах — после службы и, по-видимому, недолгой работы Александра тренером в Симбирске (сегодня Ульяновск), отец помогает ему перебраться поближе к дому. Он содействует сыну в приобретении кинотеатра в городке Краснослободске, что в 107 километрах от Саранска на левом берегу реки Мокша. В своей книге Самсон признаётся, что дело это у него не заладилось, и он прогорел.

После объявления Германией войны Российской империи 1 августа 1914 года Засса мобилизуют. Александр попадает в 180-й Виндавский пехотный полк, расквартированный тогда в Саранске, в составе которого сразу же направляется в Люблин. Самсон всё время называет полк «кавалерийским», что неверно по формуловке, но по сути соответствует тому, куда Александр был зачислен, оказавшись на российско-австрийском фронте — в полковую разведку. Небольшой группой они совершали конные рейды по тылам противника. За храбрость, проявленную в боевых действиях, Засс был повышен в звании, но, конечно, не до лейтенанта, как он пишет в мемуарах, — такого чина в Российской армии не было. После тяжёлого ранения Александр, которому в то время было 26 лет, попадает в плен к австрийцам. Об этом периоде он подробно и увлекательно рассказывает в своей книге, которую мы и предлагаем сегодня читателю. С тех пор Александр Иванович Засс никогда не увидит Россию, но всегда будет помнить о стране своего детства и юности, и самое главное, живя во Франции и Великобритании, выступая в Ирландии или США, «сильнейший человек Земли» до самой смерти останется именно Русским Самсоном.

УДИВИТЕЛЬНЫЙ САМСОН

История его жизни,
рассказанная им самим

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

В Англии с моим появлением сразу вырос интерес и к силе, которую я демонстрирую, и ко мне лично. «Вы всегда были таким?», — спрашивали некоторые из праздного любопытства. Других интересовало, каким образом и они могли бы стать такими же, тем более, по слухам, я не всегда отличался особой силой. Раз за разом ко мне обращались с вопросами о моей жизни и приключениях. Из-за этого интереса и в попытке удовлетворить его, я решил рассказать всё о своей жизни.

Моё настоящее имя, чтоб вы знали — Александр Засс, и родился я в 1888 году в Вильно — это в Польше*, так что вы поняли: мне сейчас тридцать семь лет. Некоторые думали, что мне гораздо больше, вероятно потому, что у меня осталось не так много волос на лбу. Они, конечно, прямо не говорили о моём возрасте, видимо, из большой вежливости. Больше не приходит в голову ничего другого.

Нас в семье было пятеро: я, два моих брата и две сестры. Один из братьев был очень силен. Но, к моей печали, его убили на войне,

*Тогда Польша входила в состав России (прим. составителя)

add page two

A

Although we ~~l~~lived in Russia my family came from Vilna, Poland, where I was born in 1888. ^{when} ~~Before~~ I was four years old my father ~~accepted~~ the post of manager to the estates and we moved to a new life. I was so young, however, that I really knew no other world than the country around Seran~~sk~~. It was a land of violently hot summers which gave way to cruel and unmercifully cold winters. Swiftly arriving snowstorms blotted out the cold, pale-looking sun. Several hundred miles ^{to the} further south ^{east} lay the dry, dusty, dangerous deserts of ~~Kaz~~ Kazakhstan, Uzbekistan and Kirghizia. Deserts which ~~xxxxxxxxxx~~ constantly moved, ^{and were} restless and remorseless in the devastation caused by the sinister, shifting sands.

A whole forest ~~would~~ dissappear ~~xxxx~~ overnight and yet, another, covered a few days before ~~would~~ reappear.

It was a frightening, untrustworthy land, as I learned ~~in~~ when I spent a summer ~~xxxx~~ travelling across it with my father.

иначе бы вы о нём слышали, потому что он хотел стать циркачом и показывать свою великую силу. Такими же были одна из моих сестёр и наш отец. Он ещё жив, вам это будет приятно узнать. Ему сейчас восемьдесят, и он может показывать силовые трюки, несмотря на преклонный возраст. Мой отец — замечательный человек и очень суровый. Я сейчас подробнее расскажу вам о нём.

Отец управлял пятью большими имениями в России, куда он переехал, и я работал у него вместе с братьями и сестрами. Наше детство проходило на полях, ибо наша семья была крестьянской. Всегда было вдоволь еды и питья, но, тем не менее, нам нужно было много трудиться за всё, что мы имели. Мне не очень нравилась эта работа, знаете ли, но поскольку ничего другого для меня не было, приходилось её выполнять. Об этом отцу я не говорил, иначе бы он меня наказал.

Сейчас в Туркестане* — это там, где находились имения — погода летом очень жаркая, и я очень надеюсь, что вы не будете шокированы, если скажу, что когда мы работали целыми днями на полях, на нас почти не было никакой одежды. В вашей стране, я теперь знаю это, такое бы считалось очень странным. Но мы об этом не думали, потому что нам так было привычно, и никто не обращал на это внимания. А из-за того, что тела были на воздухе и солнце — которое, я заметил, у вас редко показывается надолго — мы всегда были здоровы. Наша кожа становилась закалённее, чем если бы мы всегда были одетыми. Во всяком случае, не очень полезно слишком кутаться в одежду. По крайней мере, я так считаю.

Как только я достаточно вырос, чтобы на меня можно было положиться, отец стал посылать меня в далекие поездки на лошади с большими денежными суммами, которые я должен был помещать в банк на счет княгини, владелицы имений. Много зерна производила эта земля, и когда весь урожай продавался, надо было отправлять выручку. Иногда отец сам отвозил деньги. Но после того, как он однажды показал мне, как это делается, эта обязанность была возложена на меня.

*Так у автора (прим. составителя)

Сёстры Александра: Вера, Мария и двоюродная сестра Надежда, 1917 г.

Надо сказать, мой конь был очень умным животным. Казалось, он всегда знает, когда приходит пора отправляться в путь, и радуется возможности вырваться на волю. Таким же был мой пёс, огромный волкодав, который всегда сопровождал меня. Я всё время учил его разным штучкам, точно так же, как я учил своего коня подчиняться командам. И коня, и пса я мог заставить сделать многие вещи, даже не сказав им ни слова. Казалось, что животные всегда понимают, чего я хочу от них. Позднее, работая в цирке, я стал дрессировщиком. А за то, что мог учить животных трюкам, я одно время имел возможность получать больше еды, когда был в плену. Но обо всём этом я расскажу вам подробнее в другой части моей истории.

Так и шла моя жизнь. Она не была особенно интересной и день ото дня состояла, по большей части, из тяжёлой работы. Я практически жил в седле, часто подолгу находясь далеко от дома: мне приходилось ездить от одних имений к другим, чтобы следить, нормально ли идёт там работа. Теперь я здорово помогал отцу, и он, бывало, заранее сожалел о том времени, когда мне придётся его покинуть. Ибо, должен сказать вам, он решил, что я обязан получить техническое образование, которое поможет мне стать машинистом паровоза. Но перед этим, знаете ли, надо было служить подмастерьем в локомотивном депо.

Однако сам я не имел желания быть ни машинистом, ни чем-то в этом роде. Разъезжая с моей сумкой по разным городам, я видел довольно много чудесных цирков, которыми славилась в те дни Россия. В самом деле, по всему европейскому континенту ездили те цирки. Жизнь циркача казалась мне великолепной. Так красиво смотрелись и атлеты, и животные. Какие сильные мужчины, какие красивые и грациозные женщины! А какие умные звери: медведи, лошади, обезьяны и собаки!

Так вот, втайне от отца я думал о цирках, а не о паровозах. Конечно, если бы даже только намекнул, что не желаю выполнять его волю, он бы очень рассердился. Поэтому я молчал. Он был, как я вам говорил, очень строг, поэтому мог безжалостно высечь меня за непослушание. Даже мысль о неповиновении могла заставить его высечь меня. А он был вправду очень сильным, мой отец, так что никому не стоило играть на его нервах.

И хотя я не давал отцу никаких поводов подозревать, что цирковая жизнь для меня более привлекательна, чем работа по вожделению паровозов, ему предстояло в скором времени узнать правду. Это случилось весьма любопытным образом. Совсем случайно, как вы сами поймёте.

Однажды отец должен был поехать из Саранска, где мы жили, в городок, расположенный милях в пятнадцати, так как там в определённые дни недели проходила большая ярмарка по торговле лошадьми, птицей и быками. И на этой ярмарке отцу надо было

продать несколько лошадей. Как красивы они были! Все они выращены в наших имениях. Такие большие, сильные, здоровые на вид — за них можно было выручить много рублей. В тот день мы выехали рано утром и за несколько часов добрались до цели. Мы не могли ехать слишком быстро по неровной холмистой местности, вы понимаете.

Отец, как и хотел, быстро продал животных, выручив за них действительно очень хорошие деньги. Он был доволен этим и сказал, что раз мы так рано закончили дела, будет неплохо пройтись осмотреться по городу: у нас осталось полно времени до возвращения домой.

Лошадь с повозкой, на которой ехал на ярмарку отец, мы оставили в ближайшей харчевне. Ну а та, на которой скакал сюда я, была предназначена для продажи. Теперь мы налегке отправились на разведку.

Скоро выяснилось, что накануне в городок приехал большой цирк, который вот-вот начнёт своё первое дневное представление. Большие толпы стояли и ждали, чтобы попасть внутрь, и я спросил отца, не пойти ли и нам тоже. Немного подумав, он согласился. И мы пошли.

Сейчас, когда в Англии нет таких цирков, какие раньше были у нас в России и в других краях Европы, думаю, вы не поймёте, что за разнообразные, интересные и волнующие представления там случалось увидеть. Поэтому я хочу попытаться немного объяснить, чтоб вы поняли; ведь вам, я думаю, окажется интересно узнать о них. Кроме того, я всё равно должен буду вскоре говорить обо всём этом, так как большая часть моей жизни — это цирковая жизнь. Поэтому лучше приступить сейчас.

Цирки, скажу я вам, всегда в дороге, если это не заведения с большим штатом исполнителей и животных. Когда они такие, они надолго обосновываются в городах, уезжая лишь после того, как показали все трюки с животными и все номера и силу исполнителей, а поскольку они все очень «умные», и всегда, как у вас говорят, «имеют кое-что в рукаве», они обычно остаются надолго.

Работать в таком цирке хорошо, ибо денег и еды там можно получить достаточно, чтобы прожить, и даже немного больше.

Но у маленьких цирков, каковых намного больше, дела обстоят по-другому. Часто у артистов безденежье и мало еды. Животных надо обязательно хоть как-то кормить, ведь они не могут хорошо работать, когда недоедают. А так как они не понимают, почему это у них нету корма, когда им хочется есть, они становятся угрюмыми или яростными, такова уж их природа. В этом случае быть дрессировщиком не очень-то здорово. Опасно. Если вы не собираетесь жить долго, тогда это не беда, но если наоборот...

В цирке есть много чего: акробаты, борцы, силачи, гимнасты, летуны на трапециях, искусные фехтовальщики и метатели ножей, чудесные музыканты, жонглёры и фокусники, эквилибристы, маги, люди — ошибки природы, клоуны и дрессированные животные. Так вот, всех их в маленьких цирках вы, конечно, не увидите, вам это, несомненно, понятно, да и в больших-то не покажут всех сразу. В моё время, однако, я видывал всех этих исполнителей под одной полотняной крышей. Эта цирковая жизнь великолепна для тех, кто любит разнообразие и волнение — и для тех, кто ничего не имеет против тяжёлой работы и скудных пайков.

Но я должен рассказать вам о том цирке в ярмарочном городе, иначе забуду о чем-нибудь, ведь сейчас я понимаю, что это стало действительно важным событием в моей жизни. Думаю, вам это тоже будет интересно.

Итак, мы попали внутрь цирка и уселись, и очень скоро представление началось. Сначала были какие-то акробатические номера и балансировка на руках, затем последовала очень ловкая езда на лошади без седла, причём девочка-наездница с виду оказалась ненамного старше меня. А мне в то время, знаете ли, было не больше двенадцати лет.

Затем появился чудесный факир — или он мне тогда таким показался. Я не мог поверить своим глазам, он творил такие любопытные вещи! Уверяю вас, люди его побаивались. Возможно, вы не знаете, но крестьянство в России столь же суеверно, сколь и

религиозно. Они верят в приметы и знамения, и от всего, что не вполне могут понять, они стараются держаться подальше. Я тоже боялся, потому, что думал, как будет ужасно, если он превратит меня в кролика или цыплёнка, или во что-то вроде того, что он проделывал у всех на глазах со своими ассистентами. Надеюсь, что вы не посмеётесь надо мной за эти слова, ведь, не забывайте, я был всего лишь ребенком и верил — такие вещи возможны. Позднее, конечно, я думал иначе.

Увиденное мной к этому моменту было очень занимательно, но то, что последовало дальше, оказалось ещё интереснее. Показали очень хороший «собачий номер»; думаю, я должен сказать, это означает ту часть программы, где выступают собаки. То, что вытворяли животные по команде их тренера, было настолько удивительным, что я восхищался. Вы, наверное, помните, как я говорил о трюках своих животных — коня и пса. Но они не умели того, что я сейчас видел. О нет!

Потом пришли борцы — огромные, здоровые, могучие мужики с чудовищными мускулами, однако такие шустрые, что временами глаза не успевали уследить за их движениями. Я почувствовал желание стать такими, как они, когда вырасту. Чтобы выглядеть большим! Чувствовать себя таким же сильным! Зарабатывать много денег! Позднее я понял, что всё не так. Большие и сильные — возможно! Деньги — тоже да! Но не для меня!

Самым последним был настоящий силач, поднимающий очень тяжёлые гири, но с такой легкостью! Столь же легко он поднимал множество людей на своих плечах, на ногах и на спине, сворачивал железные прутья вокруг своей шеи, как проводки, и разрывал цепи, просто скручивая их руками. И чтобы проверить, правду ли говорит шпрыхштальмейстер, многие вставали со своих мест и сами пытались повторить эти трюки, и мой отец тоже. Я хотел подойти поближе, но отец сказал «нет!». Поэтому я должен был оставаться на месте всё то время, когда происходило это развлечение.

Ибо в России и даже в Англии не всегда верят тому, что говорят в цирках или на сценах, а желают удостовериться сами. А мно-

гие думают о себе, что они сильнее, чем есть на самом деле. Как говорят здесь — вы это называете сленгом, не так ли? — «они дураят себя». Так, когда не очень сильные люди подходят к всамделишным тяжелым гилям и пробуют их поднять, порвать очень крепкие цепи или согнуть железные прутья из жесткого металла — ну, это взаправду очень весёлое зрелище. И здесь, в этом первом моём цирке, можно было увидеть эти смешные, комичные дела. Замечательно! Я наслаждался всем этим. Но отец мой не выглядел комично. Он поднимал гири выше, чем это делали другие, а также заметно сгибал прутья. Только цепей он не мог разорвать. Но, возможно, и это бы ему удалось сделать, потратить он немного больше времени на свои попытки. Ведь мой отец был действительно силен, как я уже рассказывал, это так.

После окончания соревнования силачей цирк ненадолго закрылся перед очередным представлением для новой публики, в точности как в Англии это делается в мюзик-холлах, только большее количество раз: может, восемь, а может, все девять раз в день. Я хотел остаться и войти снова, но отец сказал: «Нет. Ты хорошо развлёкся, сын мой, и я тоже. Сейчас мы пойдём дальше, пройдем ещё по городу, затем отправимся засветло домой».

Итак, нехотя оставил я цирк за спиной. Но в голове моей все мысли были только о нём и ни о чём другом. Что говорил отец, не помню, ибо невозможно очень много думать об одном и одновременно обращать внимание на другие вещи. А я мог думать только о цирке. Это единственное, что интересовало меня. Я хотел не просто снова попасть туда, я хотел быть с цирком, я хотел быть цирковым. Как никогда сильно я чувствовал зов этой чудесной жизни, разливающийся по моим венам.

Вскоре мы дошли до места, вернулись на постоянный двор, где были размещены наша лошадь и наша телега, и собрались ехать домой. Но перед отъездом мы сели и сытно поели, так как к тому времени сильно проголодались. После мы немного посидели у огня, отец потягивал любимый напиток, а я смотрел на огонь. Но перед глазами у меня был цирк. И пока я смотрел на творение своего

воображения, ко мне пришла дерзкая мысль: настолько дерзкая, что я испугался, что отец услышит громкое биение моего сердца и встревожится. «Да, — сказал я себе, — я сделаю это!» И, отпросившись у отца, вышел из комнаты.

ГЛАВА 2

Оставив отца в столовой постоялого двора, удобно сидящим у теплого камина, я думал только об одном: так или иначе попасть снова в цирк и увидеть чудесных артистов. О последствиях этих действий я несколько не думал. Всё, о чем тогда помышлял, сводилось к удовольствию от принятого решения и желанию его выполнить.

За воротами постоялого двора, признаюсь, я колебался, но только на мгновение. Очень быстро храбрость вернулась ко мне, и я помчался к цирку, ускоряя бег, стараясь скрыться из виду до того, как меня спохватятся. Примчавшись, я снова оказался возле цирка и увидел людей, входивших в шатер. Заняв место в этой толпе, я заплатил из своих карманных денег требуемую за вход сумму и весь в волнении прошёл через дверь, чтобы увидеть то чудо, которое подтолкнуло меня к непослушанию.

Как только представление началось, все мысли о том, что мне будет, когда снова встречу с отцом, быстро улетучились. Зрелище захватило меня настолько, что я забыл и думать ещё о чём-либо ином, ну вы в состоянии это представить. Сначала циркачи показали один номер, потом другой.

Все было так же блестяще, как и раньше, и я увидел ещё несколько новых трюков. Не всегда, надо вам знать, артисты делают одно и то же, конечно, если это не какой-то гвоздь программы, про который зазывалы рассказывают на улице, чтобы привлечь побольше зрителей.

Представление закончилось по моим ощущениям очень быстро, а другого в этот день больше не планировалось — о чём сообщил шпрыхсталмейстер, так как время было уже довольно позд-

нее. Люди встали со своих мест и начали расходиться по домам. Тут я задумался, что же мне делать. Отец, предположил я, станет меня искать, а мне не очень хотелось с ним видаться, ибо он, конечно же, будет страшно злиться. То, что я и в самом деле очень боялся, вы сами, надеюсь, можете догадаться.

От этих горьких мыслей пришло неожиданное решение: если удастся, лучше всего остаться на ночь в цирке. Намного лучше, чем выйти на улицу и встретиться с отцом или, того хуже, отвечать какому-нибудь полицейскому, почему это я, чужак в незнакомом городе, так поздно гуляю. Ибо, должен вам доложить, полиция быстро бы об этом узнала. В России знают намного больше, чем такие пустяки. Российская полиция на самом деле знает очень много о том, что её интересует. Вы, возможно, когда-то читали об этом.

Но как незаметно остаться в цирке? Чувствовал, это будет очень трудно сделать. Тем не менее, раз эта мысль уже пришла мне в голову, я знал, что ничего лучшего сделать нельзя, так что как-то нужно что-нибудь придумать. Я догадывался: наверняка есть много местечек, где можно спрятаться. Но, что бы я ни задумал, это надо делать быстро, так как цирк на глазах пустел.

Итак, с почти созревшим в голове планом, двинулся туда, где стояли большие деревянные ящики, делая вид, что ищу своего отца. (Как же я был рад, что его тут на самом деле не было). Мало кто обращал на меня внимание, и вскоре я добрался до намеченного места. И там, возле этих ящиков, остановился и огляделся. Не так уж много людей к тому времени оставалось в цирке, где погасили почти все огни.

Приметив, что на меня никто не смотрит, я проскользнул за ящики и сел там, не вполне представляя себе, что делать дальше. Там я и находился, когда внезапно послышались голоса. Они приближались. Заглянув за угол ящика, чтобы рассмотреть, что происходит, я пришёл в ужас, увидев двух цирковых служащих, которые шли с фонарями, проверяя, всё ли в порядке в цирке перед наступлением ночи. Все лампы, скажу я вам, к тому времени пога-

сили, и в цирке стало темно. Если бы меня обнаружили, мне было бы нечего сказать в оправдание. Я взаправду очень боялся. Да, в самом деле, я был напуган, и не думаю, что вы меня осудите за это.

Однако быстро решил, что делать. Спрячусь прямо там, где нахожусь! Укроюсь в одном из этих ящиков, который был открыт и лежал на боку. В него я заполз, закопавшись в сене с опилками. Как раз вовремя, так как скоро увидел отблески качающихся фонариков. Но меня не увидели, так глубоко я запрятался. Мне показалось, что прошла вечность, прежде чем огни удалились и эти люди ушли. Я по-прежнему не шевелился, на случай если они вернуться: не хотел зря рисковать.

Никто больше не прошёл мимо меня, и вскоре все звуки, не считая тех, что издавали животные, утихли. Только тогда я повернулся, чтобы можно было лежать поудобней, и, смертельно уставший, провалился в сон. Когда проснулся, кругом стояла тишина. Выбрался наружу и огляделся. Не слишком много поначалу я мог разглядеть: было довольно темно. Но как только мои глаза привыкли к мраку, понял, что остался один-одинёшенек в цирке.

Итак, я начал осторожно его исследовать. Мне хотелось есть и пить, потому надеялся, что смогу найти что-нибудь закусить. Увы — не получилось! Но то, что отыскал, доставило мне много радости. Прямо в одном из уголков цирка, за какими-то столами и стульями, я споткнулся об гири силачей. «Очень хорошо, — сказал я себе, — сейчас смогу попробовать свои силы». Но, как ни старался, мне не удалось поднять самую большую штангу на мало-мальски значимую высоту. Она и взаправду весила много, несомненно, не меньше того, что про неё заявляли. Я и раньше этому верил, по правде говоря, но проверить её тяжесть на себе было гораздо лучше, чем полагаться на чьи-то слова. Как это по-разному ощущается: опробовать тяжесть на себе или просто узнать о ней со слов. Вы согласитесь с этим, я знаю!

К утру животные начали шуметь, потому что они проголодались, так же как и я, и хотели, чтобы их покормили. Оставаться там дальше означало быть застигнутым теми, кто в любой момент

мог прийти к клеткам. Ещё раз огляделся в поисках хоть чего-нибудь съестного — опять неудача! Я стал пробираться вдоль кромки циркового полотна, нащупывая, где шатер был бы не столь туго натянут и его можно приподнять и вылезти наружу. Долго искал напрасно, и даже решил, что никогда не смогу выбраться. Затем нашел место, где канаты не были сильно натянуты, и, осторожно приподняв полотно, выглянул из-под него. Никого поблизости не было видно, так что я выполз и поднялся на ноги, очень довольный вновь оказаться на свободе. Над стоящими вдали холмами только занималась заря.

Минуту-другую я оставался на месте, размышляя, что же делать дальше. В холодном сумраке утра события кажутся совсем не такими, какими они были вчера вечером. Я страшился отцовского гнева, осознавая его причины. Однако возвращаться домой придётся, так как больше идти было некуда. Что делать и что говорить, когда вернусь, не знал. А что я мог сказать? Я не знал ничего такого, что спасло бы меня от наказания и, возможно, изгнания из дома.

Итак, с тяжёлым сердцем отправился я в путь из Саранска за пятнадцать миль, как вы помните, это я уже говорил, таких долгих теперь миль. Совсем других, чем накануне, когда, сидя в седле, я гнал табун лошадей. Много раз по пути я останавливался, обдумывая, что мне делать и говорить, когда, наконец, прибуду в отцовский дом. Ничего поесть найти не мог, а воровать не хотел. Только вода из чистых ручьев была для меня бесплатна, и этим я был доволен, так как жажда иссушала.

Около полудня я увидел свой дом и остановился. Остановка, однако, означала только короткую отсрочку неизбежного. Так, подбадривая себя, со сбитыми ногами, голодный до обморока, несчастный, доковылял остаток пути до дома, покорившись, но страшась того, что, как я чувствовал, наверняка ждёт меня.

На ватных ногах я приблизился к воротам. Преодолев себя, большим усилием воли, толкнул калитку и решительно подошёл к двери, в которую робко постучался, на что сначала не было ответа. Тогда я постучался снова, немного громче, но по-прежнему никто

не отвечал. Не вполне понимая, отчего там так тихо, постучался ещё раз, гораздо сильнее, чем раньше. До моих ушей донёсся звук шагов, я узнал поступь брата. В следующий миг дверь открылась, и он застыл на пороге, изумлённо глядя на меня.

«Что случилось? — сказал он вместо приветствия. — Где ты был всю ночь? Мы очень волновались, думали, что тебя украла шайка грабителей. Это правда? Живо отвечай, мне не терпится узнать!»

Но я пропустил его слова мимо ушей. Со страхом перешагнув порог, в свою очередь, спросил, где отец. Он отвечал, что тот вернулся в город, где был накануне рынок, чтобы узнать, есть ли у полиции, куда он сообщил прошлой ночью о моем таинственном исчезновении, какие-то новости обо мне. Если бы я держался на обратном пути прямой дороги, то наверняка бы увидел его, или бы меня обнаружил какой-нибудь полицейский. Но я, должен сказать, выбирал для путешествия по возможности лесные участки, так что меня едва ли кто-то заметил.

Выслушав это, я рассказал брату все, что натворил. Услышанное его заинтересовало и взволновало, так как ему тоже нравился цирк, хотя, наверно, не так сильно, как мне. А ещё он очень жалел меня, и он был рад за себя, так как не он «был обут в мои ботинки», как вы выражаетесь в Англии. Он тоже много раз, знаете ли, испытывал на себе гнев отца.

Узнав, куда поехал отец, я решительно настроился тут же оседлать коня и поскакать ему навстречу. Но мать, которая подошла к нам и все слышала, посоветовала не делать этого, говоря, что намного лучше будет мне немедленно пойти работать и выполнять свои обычные обязанности, чтобы к возвращению смягчить отцовский гнев.

Итак, обильно поев и попив, что мне было весьма необходимо, я принялся за обычные работы и направил коня к дому только тогда, когда солнце почти зашло.

Уже затемно вернулся домой, устроил коня на ночлег и приготовился к встрече с надвигающейся бедой. Однако, только выйдя из конюшни и свернув на тропинку, идущую к дому, я увидел при-

ближающегося ко мне отца. Было очевидно, что ему всё рассказали о моей проделке, ибо в руке он держал пастуший кнут. Последний, я знал без пояснений, скоро будет обвиваться вокруг меня.

Инстинктивно я подумал о бегстве. Но ноги не хотели мне поинноваться. Обычно резвые, теперь они налились свинцом. Отец стремительно подошел ко мне, и в каждой черточке его лица сквозила ярость. Его рука тяжело упала на мое плечо, но с уст не сорвалось ни слова. Пока он не выпорол меня, он вообще не разговаривал.

Затем всё, что накопилось у него в голове, легко возникло и на языке. Он говорил мне такие вещи, что я просто не в силах их произнести. Меня поселят в отдельную комнату, где буду есть и спать в одиночестве. Я не получу ничего, кроме чёрствого хлеба и воды, чтобы надолго запомнил, как низко я упал в его глазах.

Итак, я поплёлся в предназначенное для меня место, несчастный, мучимый болью, чтобы там обдумать свое глупое непослушание. Той ночью для меня не было ни сна, ни какой-либо еды. Вода, однако, у меня была, мне дали большой кувшин, из которого я жадно пил, так как меня лихорадило. Вся сила моего отца, думаю, вместилась в тот пастуший хлыст, который так много раз опустился на моё тело. Ранним утром мне принесли хлеба и велели немедленно отправляться работать. Гнев отца несколько остыл после того, как он отхлестал меня, но в душе не было добрых намерений ко мне. Итак, очень довольный лишь оттого, что можно выбраться из дома, я быстро, как было велено, поехал, чтобы вернуться только к наступлению ночи. Оказавшись дома, направился к предназначенной для меня комнате, в которой должен был спать и есть в одиночестве, усталый, с такой болью на душе и в теле, что трудно описать.

Недолго пробыл там совсем один, когда отец зашёл навестить меня, и я испугался, что он продолжит и дальше наказывать меня. Но в этот раз кара совсем не была связана с физической болью. Отец сообщил, что я больше не буду выполнять свою обычную работу. Цирка тоже больше не увижу, так как уеду на юг ухаживать за

множеством коров, лошадей и верблюдов, которых содержали в самом отдалённом имении. И прямо на следующий день я должен был приступить к новым обязанностям. Таковы оказались указания отца, и они причинили мне большую душевную боль. Ведь я знал, что эта работа очень долгая и тяжелая даже для мужчины, и совсем неинтересная.

На рассвете отец пришёл ко мне и велел вставать и идти за ним. Весь день мы ехали на лошадях, добравшись до цели нашего путешествия уже затемно. Здесь меня передали управляющему имением вместе с рассказом о моей проделке. Это было очень унижительно, так как мне предстояло в будущем выполнять его распоряжения под страхом дальнейшего отцовского наказания. При том, что управляющий ранее должен был добросовестно докладывать *мне* и выполнять *мои* указания, когда я объезжал с проверкой все имения и заезжал навестить его.

На следующий день отец уехал, после того как увидел, что я приступил к работе по выполнению моих новых и неприятных обязанностей. Они, скажу вам, сводились к присмотру за множеством животных и поиску пастбищ для них. Я должен был также следить, чтобы они не сбились с пути и их не сожрали дикие звери, что было вероятно. Вы, возможно, удивитесь, когда скажу, что всего под моей ответственностью было более 200 верблюдов, около 400 коров и более 300 лошадей. Должен сказать, не сразу, позже, когда научился управляться с этим делом, мне доверили такое стадо. Это, однако, не весь скот, содержавшийся в имении. Нет-нет! Столько животных было только под моей опекой. Примерно по столько же имелось у других пастухов. Но то были взрослые мужчины, тогда как я являлся не более чем подростком.

Так я проводил лето, и со временем работа стала мне все больше нравиться. Единственными моими спутниками целыми днями были животные, и я старался сделать их своими друзьями, вместо того чтобы хлестать их, когда они упрямылись и показывали норов. С лошадьми управлялся лучше всего, так как они были самыми умными из моих подопечных. Верблюды и коровы, как вы, не-

сомненно, знаете, не такие смышлёные, и не с такой готовностью выполняют команды, как лошади. Верблюды, к тому же, иногда сильно плюются. Но я всегда находил какой-нибудь способ заставить их понять, чего от них хочу, при этом мне хорошо помогала в работе моя свора собак, которые повсюду меня сопровождали. У меня их было шестеро, очень свирепых к чужим зверюг и преданных мне, потому что я их понимал и был добр. Ещё я научил собак многим забавным трюкам.

Всё это время, в первое лето, проведённое вдали от дома, я часто мыслями возвращался в цирк и его чудесную жизнь. Пытался исполнять трюки наездников, какие видел в тот незабываемый вечер, и очень неплохо преуспел после многих падений. Я стал совершенно свободно чувствовать себя на лошадиной спине, так, как другие на земле. Также постоянно забавлялся борьбой с самой большой своей собакой. Любовь к атлетическим занятиям не оставляла меня, и я тренировался в лазанье на очень высокие деревья, что в первую очередь, думал я, укрепляло мои руки и ноги. С макушек деревьев было видно, куда могло забрести любое из моих животных, а такое случалось очень часто. Тогда я либо спускался и скакал галопом за ними, либо посылал своих собак, чтобы пригнать их обратно.

Это была одна из вещей, которым я довольно легко научил их, так же, как и нападать разом на любого дикого зверя, который представлял опасность для стада. Им много раз приходилось делать это, иногда с риском для жизни. И тогда мне нужно было застрелить их врагов из винтовки, и, будучи хорошим стрелком, я никогда не промахивался. Сколько же медведей уложил таким образом!

Вскоре, однако, начиналась зима, и я гадал, что мне делать. Ибо в южной России, вы должны знать, мы не ходим в школу круглый год, а только в зимние месяцы, начиная с 15 ноября и заканчивая занятиями 15 апреля. Но мне недолго пришлось теряться в догадках: вскоре для меня пришло указание от отца возвращаться в Саранск, чтобы там продолжить учиться. Письмо отца было очень дружелюбным, так как ему докладывали о моем хорошем поведении. А всем, кто ра-

ботал в имении, было искренне жаль со мной расставаться. Итак, я вновь возвращался домой, радуясь этому, как никогда. Вы легко поймете, почему я испытывал такие чувства. Было действительно очень приятно снова быть с моей семьёй: ведь отец совсем простил меня.

ГЛАВА 3

Когда я был мальчишкой, в российских школах обучали детей не только тем вещам, которые изучают их сверстники в других странах. Подрастая, они получают техническое образование в ремёслах, которыми собираются заниматься после окончания школы, а это происходит, когда им исполняется восемнадцать лет. В большинстве случаев, должен сказать, всё решают родители, именно так было и со мной, поскольку не кто иной, как отец, выбрал для меня работу машиниста.

После возвращения у меня хватило смелости сказать, что мне эта работа никогда не будет нравиться. Отец оставался при своем мнении и, естественно, приходилось следовать его желанию. Но я не мог заставить себя изображать какой-то интерес к этой работе, и потому не очень успешно занимался в подготовительном классе, что очень огорчало отца. Он, однако, не бил меня за это, просто ворчал без конца. На что я однажды сказал, что никогда не смогу учиться лучше, чем теперь, потому как сердце мое не лежит к занятиям. На что отец очень серьезно спросил, а что же я на самом деле хочу. Не задумываясь, я выпалил, что хочу быть цирковым артистом.

Сначала отец был разгневан! Но немного погодя успокоился и рассказал о всей безрассудности такого поступка. «Если ты пойдёшь туда, — сказал он, — то будешь всю жизнь жалеть об этом. Это очень тяжело, и только очень немногие добиваются успеха и хорошо зарабатывают. Больше тех, кто голодает и мёрзнет, чем тех, кто сыт и в тепле. Обрати внимание, сын, на мои слова, ибо это просто здравый смысл. Не думай больше о цирке».

A rather sad boy returned to Penza after the Christmas holidays. Back to the piston engines and the cog wheels, oil and grease, to a ~~hard~~ study of physics and mechanical engineering which was far removed from the Big Top. Alec tried hard to work up enthusiasm for the huge locomotives that the students were taken to see ~~and~~ at the railway depot at Orenburg. In less than two years he would be clambering inside the boilers of these iron monsters cleaning and repairing them. He shuddered at the thought. It seemed that ~~he would never be able to~~ ~~feel~~ feel the sawdust and ~~stand under the~~ stand under the heavy canvas, cool in the hot weather and ~~or~~ listen to the steady patter of rain, or hear the call to slacken the guy ropes, in the rainy season.

Still he tried and tried hard, to master the subjects he was taught. Other boys in the class received more approval and more praise from the masters than did he. The only reason behind his effort was the desire to please his father.

Slowly the winter came and went. It ^{was} ~~seemed~~ a season of torture to Alec who was looking forward to going back to the place he once feared and hated - the huge estate in the south with ~~its~~ its ^{His} horses and camels. ~~His~~ ^{His} dogs he knew would be missing him. His disappointment was great when he learnt that his father had decided to give him his old job back for the summer.

He quickly returned to the routine of riding round the estates checking this problem and seeing that the animals were being properly looked after.

Хотя я знал, что отец мой очень серьёзен, но слушал его только ушами, а не сердцем, как он просил. Я был убеждён, что даже если он сам верит в то, что говорит, все его суждение не может быть абсолютной истиной. Разве не видел я собственными глазами великолепие цирка, роскошную жизнь его артистов? Конечно, отец не всё рассмотрел внимательно! Откуда мне было знать, что взору взрослого видно больше, чем глазам юнца?

Итак, коль скоро отец не давал согласия на мою цирковую карьеру, я продолжил занятия механикой, хотя и без какого-либо большего успеха, чем прежде. Очень старался заинтересовать себя тем, чему меня учили, но, увы, все было без пользы. Мои одноклассники удостаивались больших похвал и большего одобрения мастеров, чем я. Но я всегда пытался быть усердным, хотя бы из желания порадовать отца. Цирковая жизнь, казалось, была не для меня.

Зима прошла, и вновь настало лето. Но в этот сезон меня не послали пасти лошадей, верблюдов и коров. Вместо этого отец приставил меня к прежним обязанностям, что очень порадовало. Позднее мне поручили ещё более важное дело, которому я отдал все силы. Что угодно отвлекало меня от ненавистного изучения локомотивов.

А тут ещё я случайно увидел в газете, которую получал отец, хорошее известие о выходе новой книги Сандова*; я загорелся получить ее. И послал в Москву нужную сумму, это было семьдесят пять копеек на наши деньги — на ваши, думаю, примерно то же, что и 1 шиллинг 6 пенсов в довоенных ценах. Вскоре заказанная книга пришла, и я немедленно начал изучать её. Должен сказать, мне было интересно всё, что в ней написано. И всё, о чем она рассказывала, казалось мне тогда замечательным. Там прочёл, что если кто-то хочет стать сильным, именно упражнения с гантелями дают приращение массы тела. Но гантелей у меня не было, и я не мог их достать. Как они мне нужны, думал я, ведь желание стать сильнее, чем был, сильно захватило меня. И я попросил у отца ещё денег, чтобы заказать эти снаряды в Москве или Петербурге,

* Кумир Александра Засса (прим. составителя)

где были большие спортивные магазины. Но он не соглашался. «Ты достаточно силен, — сказал он. — Даже сейчас ты намного сильнее любого парня твоего возраста. А когда вырастешь, станешь ещё сильнее. Возможно, что ты станешь однажды таким, как я сейчас. Довольствуйся этим, не забивай себе голову».

Я не мог долго терпеть, когда понял, прочитав ту книгу, что мне это необходимо. Искал способ, как обойти затруднение с гантелями, для чего привязывал камни к деревянным палкам, с которыми постоянно упражнялся, как было предписано в книге. Вскоре мои мышцы стали увеличиваться, поэтому я привязывал камни покрупнее к другим палкам, чтобы сделать их тяжелее. И не всегда занимался в точности так, как было написано в книге, и не делился ни с кем тем, что делаю и о чём думаю. Я просто хранил в тайне свои мысли.

Когда снова пришла зима, я, как и прежде, вернулся в школу. И,

может быть, от того, что у меня появилось увлекательное занятие в свободное время, техническая работа в школе не казалась мне столь ненавистной. Как бы то ни было, я упорно занимался, имея более важную цель. Ибо, если в прошлом году мастера только хмурили брови и отчитывали меня, то теперь я слышал от них поощрения. Что радовало душу отца, считавшего, что теперь у сына на уме не осталось мыслей о цирке.

Той зимой во время школьных занятий я много времени проводил в учебных мастерских возле железнодорожных путей. И однажды решил, что свинцовые пломбы, которые предохраняли двери вагонов, станут отличным материалом для изготовления гантелей, не таких топорных, какие я делал из палок и камней, и с которыми продолжал заниматься тайком. Но как их добыть, сначала было загадкой. Однако вскоре я нашёл выход.

Пытаться снять эти пломбы днём было бы глупо. Ведь служащие наверняка заметят, что кто-то возится с ними, и это будет означать исключение из школы, порку и тюрьму. Следовательно, единственно возможным временем была ночь. И я решил, как только наступит подходящая ночь, добыть несколько таких пломб.

Прошло немного времени, и наступило, как казалось, подходящее время для попытки. Это была очень тёмная безлунная ночь, дул сильный ветер. Все домочадцы крепко спали. Итак, я поднялся, оделся и, вооружившись большими ножницами, отправился к запасным путям, на которые только сегодня загнали состав вагонов, чтобы завтра утром их вскрыть, проверить содержимое и разгрузить.

Добравшись до путей, пристально огляделся вокруг и прислушался, нет ли кого, кто несёт охрану. Но нет, никого поблизости не было, так что я быстро приступил к работе и отрезал примерно от двадцати вагонов свинцовые пломбы, прикреплённые к дверям железнодорожными служащими на станции отправления. Хотя вагонов было больше, я не стал брать все пломбы: по правде говоря, храбрость оставила меня. Представив, что будет, если меня поймают, я вдруг испугался. И, объятый страхом, быстро нырнул в ближайший проём между вагонами, не чуя ног, помчался к дому быстрее ветра.

Не замеченный никем, я благополучно вернулся к себе. Теперь надо было решить, где спрятать пломбы, которые успели по дороге прибавить в весе. Первой мыслью было закопать их, и я, не откладывая, так и сделал. Осторожно ступая, боясь побеспокоить спящих, прокрался к одному из старых сараев на задах нашего

дома. Сарай использовался только под хранение кормов для лошадей и коров. И вот там я выкопал ямку и побросал туда пломбы. Быстро закопав их, отправился в кровать.

Нет, не затем, чтобы спать! О нет! Теперь, когда все было позади, я начал понимать, какое серьёзное противозаконное дело натворил. Ведь когда рассветёт, пропажу пломб быстро обнаружат, и тогда учинят розыск, будут разные подозрения. Что произойдёт, я не знал. Но мог представить. Очень, очень неуютно, должен сказать, чувствовал я себя всю ночь, Я готовый подняться задолго до рассвета, но это было бы неблагоприятно, потому что не похоже на мои привычки. Так, волнуясь, я лежал в постели, пока не настало время вставать. Быстро одевшись, принялся за работы, которые должен был сделать до занятий в учебных мастерских. Затем, когда наступило время, я отправился на занятия, гадая, что там увижу, когда приду.

Когда я пришел в мастерские, чуть позднее, чем обычно, повреждение пломб было уже обнаружено, и железнодорожные чиновники изучали нанесённый ущерб. Сам я не хотел выказывать излишнее любопытство, но через товарищей вскоре узнал, что там подумали обо всём этом. Говорили, что тут поработали воры, которые собирались залезть в вагоны, но их кто-то спугнул до того, как они смогли открыть двери, потому они и убежали. Но чего никто никак не мог понять, так это почему сорвали столько пломб, но не открыли ни одной двери. Могу сказать, это их очень озадачило.

ГЛАВА 4

После того как большая суматоха, вызванная пропажей вагонных пломб, улеглась, я выкопал их из тайника в углу старого сарая, где их прятал, и переплавил, сделав себе две пары гантелей: одну пару лёгких и другую, довольно тяжёлую. Я использовал их постоянно, как было сказано в той книге, и от этого мои мускулы начали наращиваться. Но особой силы не прибавлялось, что меня очень удив-

ляло. Тогда, возможно, я впервые стал понимать, что большие, объёмные мускулы не всегда означают большую силу, как многие ошибочно считают.

С течением времени мне надоело заниматься таким образом, ибо это становилось монотонным. А ещё я понял, что как бы ни старался, так и не мог получить ту силу, какую хотел. Должен сказать, что теперь ничто так не занимало мои мысли, как желание стать по-настоящему очень сильным человеком, таким, кто способен делать вещи, неподвластные обычным атлетам. Итак, я много думал о том, как найти способ набраться той великой силы, которую жаждал получить.

Сначала мне показалось, что использование более крупных гантелей может помочь делу, поэтому я решил изготовить новые, тяжёлые. Но никаких новых свинцовых пломб!

О нет! Я не был готов снова так рисковать. Так что я нашёл большие камни и, старательно пробив в них отверстия, вставил железные прутья, чтобы закрепить их в расплавленном свинце. Так я переплавил свои старые гантели, которые казались мне слишком легкими и больше не годились. Некоторые из этих каменных снарядов сделал короткими, другие — намного длиннее. По форме они были как гантельные штанги, только, конечно, очень грубо сделанные. Но так как это было всё, что я мог иметь, приходилось довольствоваться ими.

Вскоре я обнаружил, что с помощью этих снарядов, несмотря на их топорность, мог теперь делать намного больше. Стали возможными новые интересные движения, и я тренировался с ними при любой возможности. Должен сказать, от этих тренировок я стал сильнее. Да, намного сильнее! Но хотел быть ещё сильнее. Я совсем не собирался успокаиваться на том, каким был, ибо это не соответствовало моим притязаниям.

Тогда, глубоко интересуясь телесной силой, я обнаружил, что в моей стране есть люди, очень сведущие в таких материях, которые вполне были готовы учить других, тех, которым хотелось стать сильнее. Эти наставники атлетизма передавали свой боль-

шой опыт в школах физической культуры в больших городах, а также по переписке с теми, кто живет слишком далеко и не может приходить к ним лично. Узнав это, я чрезвычайно обрадовался, так как быстро понял, какой удачей это было для меня. Итак, несколько раз, скопив из карманных денег, я обращался к трём самым знаменитым профессорам атлетизма с просьбой стать их заочным учеником. Имена этих трёх русских преподавателей были Крылов, Анохин и Дмитриев, и каждый согласился обучать меня. Анохин, вы должны знать, тогда преподавал свою систему великому Георгу Луриху, который позже стал знаменитым силачом и чемпионом мира, борцом международного уровня.

Довольно долго я тренировался по системам упражнений этих профессоров, делая большие успехи под их руководством, и тем снискал их высокую похвалу. Моя сила теперь выросла, и в Саранске на меня смотрели как на здорового детину. Ни один из моих сверстников не мог делать то, что мог я, хотя почти все пытались. На самом деле было ещё немало взрослых мужчин, считавшихся довольно хорошими силачами, которые не могли успешно состязаться со мной в силовых упражнениях, так сильно я продвинулся в физическом развитии, изучая и применяя знания, содержащиеся в письмах трёх профессоров.

Был, однако, один человек, живший под Саранском, которого звали Иван Петров. Хотя он не был таким сильным, как я, но имел чрезвычайно цепкий и мощный захват. В его кистях была действительно могучая сила. Предметы, которые любой человек мог оторвать от земли только двумя руками, он легко поднимал одной. Железные прутья он складывал вдвое лишь силой пальцев. Эти профессиональные способности сделали его известным на много миль вокруг.

Дальше я начал думать о силе пальцев. Много опробовал, всё шло на пользу, про некоторые из упражнений расскажу. Я сгибал руками толстые зеленые ветки, это было лучше, чем сухое дерево, которое не особо гнется и сразу переламывается. Долго я тренировался, пока руки не стали настолько сильными, что могли сги-

бать даже короткие ветки, да так, что они ломались. Ещё я пытался поднимать и переносить камни большим и другими пальцами. Всё это сделало мои пальцы такими сильными, что я чувствовал уверенность: недалеко время, когда не только смогу повторить всё то, что делал этот человек с сильными руками, но и превзойти его.

Ибо тогда я мог думать только об этом! Не только сравняться с ним в его трюках, требовавших великой силы в руках, но и исполнить хотя бы один такой, какой даже он сам будет безуспешно пытаться сделать. Мне не нравились его насмешки над моими устремлениями и глумливые ответы на мои вежливые вопросы. Вскоре я собью его гонор, будучи всего лишь юнцом, и завоюю ту славу, какая была у него. Вот что я задумал, и такова была степень моей решимости.

Наконец я почувствовал себя достаточно сильным, чтобы бросить ему вызов, тогда я посвятил отца в эту тайну, рассказав, что собираюсь сделать. Сначала он только рассмеялся, сказав: «Что за глупость овладела тобой?» Но он прекратил смех, когда я показал, на что способен. «Ты и вправду очень силён, — был его приговор, — возможно, достаточно силён, чтобы победить в состязании в таких силовых трюках. Мы это скоро увидим».

Итак, мы обговорили с отцом, как наилучшим образом устроить такое испытание сил, и было решено всё это возложить на него. Соответственно, когда он в деревне упомянул мимоходом о моей силе, сказав, что, по его мнению, я легко могу справиться с такими силовыми трюками, какие выполняет руками наш знаменитый сосед, ко всему, что он говорил, отнеслись издевательски, чего, конечно, он ожидал и чего добивался. Итак, притворившись очень возмущённым, он сказал, что будет готов выставить быка в поддержку своего мнения и столько денег, сколько сможет собрать. Это побудило Петрова позвать отца и спросить, верно ли он понял то, что ему передали. «Да, совершенно верно, — ответил отец, — мой сын хочет встретиться с тобой в любое время и померяться силой, и я уверен, что он может побить тебя. Хочешь с ним

встретиться?» На этот вопрос Петров ответил, что очень хочет, не пытаясь даже скрыть своё презрительное отношение к тому, что казалось ему глупым вызовом.

Эта новость быстро распространилась, а когда день состязания наступил, множество людей собралось, чтобы поглазеть; всем было любопытно узнать, что я смогу сделать, но все единодушно считали — меня можно легко победить. Это очень устраивало отца, который поставил на кон практически всё, что имел, на условиях, что если выиграю, он очень разбогатеет. Я гордился от его уверенности, но слегка нервничал: меня смущала сумма риска. Ибо если проиграю, отец будет разорен. Но я не проиграю, я был убеждён. Для своего соперника я приготовил большой сюрприз.

Первый трюк заключался в том, чтобы согнуть железный прут толщиной с полдюйма и длиной полтора фута в форму подковы, и в этом я преуспел, легко повторив его за Петровым. Потом он согнул длинный железный прут на бедрах, обернув им себя, затем снова разогнул его — очень тяжёлый трюк, с которым я, однако, легко справился, так же, как и он. После этого он поднял с земли огромный камень, и я затем сделал то же самое. Камень, должен сказать, был обмотан толстой проволокой, к которой была привязана прочная рукоятка. Это требовало огромного напряжения пальцев и оказалось самым тяжёлым испытанием. Мы стояли на табуретках, поднимая этот камень, в России эти трюки всегда делаются так.

Пока что я справлялся со всеми трюками, которые Петров выполнял передо мной, и из-за этого волнение нарастало. Каждый был так уверен, видите ли, что меня можно легко победить, хотя все знали, что я был силен в других делах. А у меня ещё оставался сюрприз, который собирался преподнести в нужный момент! Было видно, что Петров, уже разъярённый от шуточек зрителей, в замешательстве и не знает, что делать дальше. Мне показалось, что подходящий момент настал.

Брошенный на отца взгляд дал ему понять, чего я хочу, и он выступил вперед, держа в руках блестящую стальную цепь. «А теперь,

если сможешь, сделай то, что сделает Александр», — сказал он Петрову и дал мне в руки эту цепь, которую я скрутил посередине и порвал звенья пальцами после долгого и трудного усилия. Мой соперник был озадачен. Он совсем не ожидал ничего подобного — взял два обрывка цепи, внимательно разглядел их, затем яростно кинул их на землю, явно отказываясь даже попытаться повторить этот трюк. «Александр Засс побеждает Ивана Петрова, — кричали зрители, — это великая и заслуженная им победа».

«Стойте! — воскликнул Петров громким голосом, прервав их ликование, — я ещё не побеждён. Засс удивил меня своим необычным трюком. Теперь взываю не только к его силе, но и к смелости. Думаю, он не примет вызов».

Что касается меня, то я был ошеломлён тем, как повернулось дело. Мне не приходило в голову, что у Петрова тоже может быть в запасе сюрприз для меня, в чём, должен признаться, оказался недальновидным. Я знал всё о сгибании железных прутков, ибо это были его любимые трюки. Я также знал о камне, в чём он также до этого момента был неоспоримым чемпионом. Но я не догадывался, чем он ещё может удивить. Что это был за трюк, о котором он говорит, презрительно считая, что он не по моей силе и храбрости?

Мне недолго оставалось мучиться загадкой. Некоторые зрители не соглашались с тем, что мне нужно выдержать новое испытание, говоря, что я честно выиграл. Но другие в голос шумно поддерживали Петрова, говоря, что предложенное им сейчас испытание должно стать окончательным. Я не боялся сделать попытку: мне было скорее любопытно узнать, что это будет. Итак, я возвысил свой голос над всеми и сказал, что вполне согласен и готов. Отец был того же мнения. «Ничто из того, что может сделать Петров, не может быть выше твоих сил, мой сын, — сказал он. — Не бойся этого испытания, ведь ты сильнее, и конечно победишь».

Ликующая улыбка появилась теперь на лице Петрова, он подошёл ко мне, держа в руках странную на вид железную полосу, каких я раньше не видел. Она была чуть длиннее двух футов и около полдюйма толщиной, а вдоль одной стороны и с обеих торцов было

множество зазубрин, образующих острые концы и углы. Её, объяснил Петров нам всем, он согнёт пополам о свою шею, не обращая внимания на боль, которую причинят ему острые концы, впивающиеся в плоть. Затем он замкнёт эту полосу вокруг моей шеи, и там она будет оставаться, пока я не упрошу его снять, признав таким образом его силу и храбрость. Боль от того, что придется держаться за обоюдоострые края, не позволит мне применить свою силу сполна, даже если её будет достаточно, чтобы преодолеть крепость этой полосы. Он сомневается и в моей силе, и в моей смелости попробовать выполнить этот трюк! Так презрительно сказал Иван Петров.

Выходит, назначение этой странной и страшной на вид железки заключалось в том, чтобы унижить меня на глазах у всех и совершенно разорить моего отца. Моя кровь вскипела! Что за ужасное испытание, думал я, ибо знал, что будет намного труднее разомкнуть согнутый прут после того, как он был согнут другим, испытывая при этом дикую боль. Но что мне было делать? Я уже дал согласие и не мог этого избежать, если б и захотел. Я сам попался в эту действительно хитроумную ловушку. Таковую, что, казалось, она погубит меня.

Но, быстро обдумав эту ситуацию, я рассудил: если Петров может презреть боль, то почему не может Александр Засс? Разве он храбрее меня? Никогда! Разве он так же силен, как и я? Нет, и это мне удалось доказать! Почему же тогда я должен позволить своему сердцу дрогнуть? И решительно сказал себе, что не сдамся.

В свою очередь, зная, что уверенная манера высоко ценится в любых состязаниях физической силы, я подначил его, чтобы он приступал.

Однако, если я думал, что этим приведу его в замешательство, то ошибался. Он быстро пристроил полосу за голову и, крепко ухватившись за ее концы, слегка согнул её вокруг шеи. Было видно что ему очень больно, но, подбадриваемый криками возбуждённых зрителей, он продолжал, пока не согнул ее пополам, как и обещал. Затем, не обращая внимания на кровь, которая текла из

ладоней и шеи, он нажал на нее ещё раз, согнув полоску намного больше. Это были мучительные усилия.

«Теперь я готов надеть это на Засса, — объявил Петров, — если он все ещё намерен принять это испытание». На что я ответил, что по-прежнему желаю этого. Итак, попросив меня встать на колени, он подвёл полоску под мой подбородок и начал соединять концы у меня на шее. Должен сказать он нисколько не пытался действовать осторожно, плотно прижав ленту прямо к моему горлу, да так, что я с трудом мог дышать. Он пытался ещё плотнее затянуть стальную петлю, но силы быстро покидали его. Поэтому, уверенный в том, что я всецело в его власти, он дал мне подняться, чтобы я попробовал освободить себя, если смогу.

Вам надо понять, что я не мог дотянуться до перекрёщённых концов полосы, так как они были за шеей. И перед тем, как начать справляться со своей задачей, мне надо было повернуть петлю, что ужасно терзало мою кожу. И всё-таки я не отступился и, наконец, повернул её в положение, когда можно было ухватиться за концы. Подбадриваемый отцом и теми из зрителей, что желали увидеть мой успех, я изо всех сил старался разомкнуть это железное ожерелье и вырваться из его мучительной хватки. Хоть это было трудно, я наконец смог сделать этот нечеловеческий трюк. Я обливался кровью, но каждая жилка моего тела билась с яростной радостью, и я стоял, ликуя. Это был мой триумф, даже если отец и был заранее уверен в нём. Я, Александр Засс, доказал, что смел не меньше любого взрослого мужчины. Также я доказал, что моя сила одолела предложенное мучительное испытание.

Зрители бурно аплодировали мне, тогда как Петров, униженный, начал покидать эту сцену. Но я не был намерен дать ему уйти прежде, чем он не докажет, что может исполнить тот же трюк, хвастливо предложенный мне. «Погоди немного, Иван Петров, — сказал я, — ибо мне любопытно узнать побольше о тебе. Думаешь ли ты, что у тебя достанет сил развернуть этот ошейник, после того, как согну его вокруг твоего горла? Сам-то я думаю, что не сможешь. Достанет у тебя смелости попробовать?»

Попасть в свой собственный капкан, как говорится, Петров совсем не ожидал, и по лицу его было видно, как он удивлён. Но отступать некуда, не было никакого шанса избежать этого страшного испытания, ибо толпа была единодушна. «Теперь очередь Петрова, — кричали они, — это он должен сейчас показать свою силу и смелость».

Ему пришлось нехотя согласиться, и я приставил к его шее согнутую наполовину полосу и быстро сомкнул её на горле. Возможно, теснее, чем он сделал это мне: я решил не дать ему легко освободиться. Если он сможет разогнуть металл после того, как мои руки потрудились, то ему придётся быть поистине сильным и храбрым.

Преодолевая боль, Петров пытался освободиться от стальной петли после того, как я отпустил его, но всё было напрасно. Он обильно потел, а из ладоней и шеи текла кровь. «Довольно! — крикнул он в конце концов. — Я побит. Разогни полосу, Александр Засс. Ты взаправду честно победил в состязании, и я признаю тебя победителем!»

Услышав такие слова, я подскочил на помощь к своему сопернику, ибо у него уже не было сил сопротивляться, и он был в большом отчаянии. Схватив концы полосы, которые безжалостно соединил, я сделал усилие, чтобы освободить его горло от стальной хватки: сам он ни на сколько не смог отодвинуть её от своей плоти. Я ободрал ладони, и в висках у меня стучало так, будто они сейчас разорвутся, а полоса сначала не поддавалась. Затем почувствовал, как она медленно пошла. И, напрягшись, как никогда, я развернул её.

Так закончилось то, что, согласитесь, было чудовищным испытанием силы тела и воли духа. От радости победы я забыл о боли, которую пришлось испытать, а острое чувство вражды к побеждённому противнику ушло. Ибо он показал высокую степень духа и силы. Каждый из нас мужественно стремился к победе. Но я был доволен, что Александр Засс победил, не только ради своей собственной гордости, но еще больше из-за того, что это принесло хорошие барыши моему отцу.

Теперь я был знаменитостью в Саранске, хоть и совсем молодым человеком. Молва о моей силе расходилась на много миль. Однако жизнь моя почти не изменилась. Летом я всё ещё посвящал себя делам отца, а зимой ходил в школу, как я говорил вам до этого. Конечно, я был по-прежнему привязан к изучению механизмов локомотива и учился управлять им. Но как же я это ненавижу! Даже трудно сказать, как сильно.

В конце концов, пришло время, когда я, теперь восемнадцати лет от роду и ещё более сильный, должен был попрощаться со школой в Саранске, с имениями, работая в которых был так счастлив, и с техническими мастерскими, которые ненавижу. Но мне пришлось отправляться, как говорится, из огня да в полымя. Ибо, завершив обучение здесь, я вынужден был ехать в Оренбург, город, находящийся на много миль отсюда, чтобы работать там шесть месяцев в большом локомотивном депо перед тем, как получить место помощника машиниста.

Итак, одним солнечным утром я отправился в путь из Саранска в Оренбург, куда и добрался через несколько часов путешествия, усталый, голодный и совсем несчастный. И пока я медленно шёл по дороге от вокзала к локомотивному депо, я гадал, какая жизнь мне уготована в этих чужих местах. Неожиданные и замечательные вещи предстояло мне вскоре обнаружить, какие и не снились.

И об этом я начинаю свой рассказ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1

Без всякого восторга на душе шёл я по главной улице Оренбурга дорогой к локомотивному депо, считая, что моё пребывание там поставит крест на моих устремлениях. Но скажу всё-таки, что с таким будущим полностью смирился. Я решил добиться в этом противном мне деле наибольших успехов.

Но случилось так, что возможность проявить себя на этом самом поприще мне не представилась. Как только я прошёл половину пути до места назначения, мой взор привлекли несколько ярких разноцветных плакатов, расклеенных на стене. Оказавшись достаточно близко, чтобы разобрать написанное, я с великой радостью обнаружил, что это были афиши цирка Андржиевского, который вот-вот должен был дать представление в этом городе. «Это очень хорошо, — сказал я себе. — У меня полно свободного времени, так что пойду-ка я в цирк посмотреть на те чудеса, которые там показывают». Ибо, должен сказать, труппа Андржиевского была очень знаменита. Я посчитал себя настоящим счастливчиком, что оказался здесь в Оренбурге, когда намечаются долгожданные гастроли.

Итак, повесив на плечо котомку со своими пожитками, я быстро отправился на поиски того места, где, согласно объявлению, располагался цирк. Без всяких хлопот я вскоре нашёл цирк Андржиевского. Он был и впрямь великолепен: намного крупнее и внушительнее всего, что я видел до этого момента. Имена выступающих были указаны в афишах. Их выкрикивали зазывалы. А ещё изнутри слышался рёв многочисленных зверей. Поэтому я совсем ненадолго задержался у входа, купил билет и вошёл.

Быстро, слишком быстро, как показалось мне, закончилось представление, и зрители поднялись, чтобы освободить место для следующего потока жаждущих зрелища. Но я замешкался, настолько заворожённый увиденным, что мне захотелось посмотреть это вновь. Инспектор манежа, заметивший мое нежелание уходить, подошёл, чтобы узнать о моих намерениях: он подумал, что я пытаюсь уклониться от платы за второе представление. Делать этого, однако, я не собирался, в чём и заверил его, вручив плату за вход контролёру. Всё уладилось к всеобщему удовлетворению и мне позволили оставаться там без дальнейших помех.

В положенное время следующее представление тоже закончилось, и оказалось, что я всё ещё не хочу уходить, и это снова вызвало вопрос инспектора манежа. На этот раз, однако, его отношение ко мне было дружелюбным, и он стал расспрашивать меня, кто я и почему снова хочу посмотреть представление и снова платить за это... Ему было любопытно. Отвечая на вопросы, я рассказал ему, как меня привлекала цирковая жизнь. Как я всегда чувствовал, что мне хочется быть к ней причастным. И, найдя в нём, наконец, благодарного слушателя, раскрыл ему все свои мечты. Нисколько, однако, в тот момент не думал, что из этого выйдет что-то ещё, кроме сочувствия и, возможно, нескольких ободряющих слов.

Но, к моему великому удивлению, инспектор манежа воскликнул: «Ты хотел бы присоединиться к нам? Если так, я сейчас же отведу тебя к хозяину цирка и узнаю, нет ли для тебя места». Я ещё раз подтвердил своё желание. Ничего более славного, казалось, не может быть, чем эта чудесная жизнь, возможность попасть в ко-

тору мне представилась так неожиданно и странно. Меня, охваченного волнением, отвели к хозяину цирка, который, выслушав рассказ инспектора манежа, осмотрел меня со всех сторон. После чего повторил вопрос, хочу ли я у них работать. Не было нужды сомневаться в моём ответе.

«Очень хорошо, — продолжил владелец цирка — тот самый знаменитый Андржиевский. — Ты можешь поступить к нам разно-рабочим. Что надо будет делать, в том и будешь помогать. Жизнь окажется для тебя тяжелой, не сомневайся. Может случиться, что тебе придётся голодать. Работать станешь по многу часов, будь уверен. Хорошенько подумай, прежде чем свяжешь свою судьбу с цирком, сынок, ибо ты уже не сможешь уйти, если согласишься».

После этих слов в моей памяти промелькнули советы, которые задолго до того давал на этот счёт мой отец. Он произнёс почти те же слова, но я тогда ему не поверил. Однако здесь я услышал подобные пугающие речи от самого руководителя цирка. Это и впрямь было странно! Разве цирковая жизнь — обманка, пригодная лишь для бродяг? Но мне не дали долго колебаться. «Что скажешь, сынок? — спросил хозяин цирка. — Ты всё ещё горишь желанием поступить в цирк Андржиевского?» На что я ответил без всяких сомнений: «Хочу всей душой».

Итак, я вошёл в цирковую жизнь — в ту самую воображаемую жизнь из моих многолетних снов — таким вот неожиданным образом. Но как же быть с локомотивным депо? Что скажет отец? Не волнуйтесь, об этих делах я начну рассказ в своё время.

В Оренбурге цирк простоял довольно долго, так как это был большой город, и сборы здесь выходили хорошие. Однако задолго до окончания гастролей я обнаружил, что, как вы говорите здесь в Англии, моя жизнь не оказалась постелью из роз. Я работал тяжело, очень тяжело, часами, как меня и предупреждали.

Но всё-таки это была волнующая жизнь, которая не давала мне разочароваться. Она так отличалась от всего, к чему я привык. Так много перемен и приятных предчувствий, что на трудности я не обращал особого внимания. В любом случае, я выбрал свою

судьбу, счастливую или злую. Теперь было бы бесполезно помыслить об отступлении, и должен сказать, об этом я ни на минуту не задумывался.

В этом цирке, вы должны знать, выступала труппа борцов, среди них — здоровый сильный человек, который давал великолепное шоу. Это был настоящий великан, который весил около 18 стоунов*, а среди множества его силовых трюков был такой, где он перекручивал голыми руками подковы до тех пор, пока они не ломались. Ему всегда удавалось сломать их. Но погодите! Нет, однажды у него не вышло, я помню. Должен об этом рассказать, так как, мне кажется, вам это будет очень интересно. Знаю, вы меня извините, если я забегу вперед и расскажу, как было дело, пока не забыл.

Этот случай, про который я сейчас вспомнил, произошёл через какое-то время после отъезда из Оренбурга. Проехав много миль, мы раскинули шатёр в одном городе, затем в другом, выступив в промежутке в самом большом селе из нескольких мелких де-

* Примерно 114 кг (прим. составителя)

ревень, где-то делая хорошие сборы, а где-то почти никаких. В такие дни жизнь была тяжела, а настроение хозяина цирка вовсе не добрым. Нам приходилось изобретать всевозможные сенсации, когда дела ухудшались, и мы пытались собрать больше денег. Кое-что об этом я расскажу в дальнейшем.

В упомянутом путешествии мы добрались до маленького городка, где решили остановиться на некоторое время, так как это было довольно процветающее местечко, и дела у цирка шли хорошо. Итак, чтобы заманить как можно больше зрителей, хозяин цирка разослал объявления, гласящие, что любой, кто продержится десять минут против его борцов, получит приличную сумму, а если же сможет победить, то получит ещё больше. Но мало кто откликнулся на это предложение, из-за этого хозяину пришлось искать какую-то другую приманку, которая бы привела в цирк много посетителей.

Возможно, вы не особенно удивитесь, что он обратился именно к силачу. Даже в такой стране как Россия, где много могучих атлетов, профессиональные силачи всегда представляют интерес, особенно если они делают вещи, которые не под силу другим в этом жанре. И «Великий Кураткин» как его звали, был одним из таких силачей, его «фишка» заключалась, как я говорил ранее, в разламывании подков. Он, конечно же, мог поднимать тяжести и делать много других вещей, которые выполняли только очень сильные люди, и эти номера он тоже включал в свои выступления. Но его «коронный номер», как мы это профессионально называем, — подковы.

Итак, чтобы оживить дела, хозяин цирка велел развесить по всему городу большие афиши, гласящие, что он вручит кошелек с золотом любому, кто принесёт в цирк подкову, которую Кураткин не сможет сломать. Ещё он велел разослать на мили вокруг множество объявлений. Реклама была сделана большая. Это привлекло много людей: кто-то нёс подковы, которые, как они считали, невозможно сломать, другим было просто любопытно увидеть, что будет. Но никто не унёс кошелек с золотыми — Кураткин всё сломал.

Так продолжалось неделю, пока однажды вечером некий крестьянин, приехавший издалека, не заявился в цирк с подковой, хвастливо утверждая, что Кураткин никогда её не сломает. Он просто сказал это во всеуслышанье задолго до того, как инспектор манежа от имени артиста объявил о таком вызове. Крестьянин был полупьяным и явно нарывался на скандал. Подковой он беспрестанно размахивал над головой во время выступления других артистов, и это мешало, вызывая переполох. Наконец появился Кураткин, чтобы показать свой номер. И как только он вышел, этот пьяный крестьянин вместе с другими охотниками до золотого приза, спешно покинувшими свои места, устремились к арене.

В общей сложности выходило около тридцати человек, каждый держал подкову, чтобы цирковой силач её сломал. Но он не мог это сделать за один вечер. Инспектор манежа объяснил, что артисту это не под силу. Как было объявлено, артист согласился сломать на одном представлении шесть подков. Следовательно, претендентам пришлось бросить жребий, чтобы определить, кто войдет в эту шестерку. Когда это проделали, оказалось, что того крестьянина среди шестерых не было. Посему он разъярился и стал кричать, — Кураткин-де боится, что ему не хватит сил на подкову, которую он вёз столько миль, чтобы участвовать в состязании. Как вы понимаете, это было неправдой! Ибо кто может предсказать, какие номера выпадут при жеребьёвке?

Однако этот мужик шумел так сильно, что хозяин цирка посоветовался с Кураткиным, после чего было объявлено, что артист отступит от своего обычного правила ломать за раз только шесть подков и сломает семь, причем последней станет подкова этого крестьянина. На что этот неотёсанный селянин снова стал возражать, говоря, что его подкову нужно опробовать первой.

Уверенный, что Кураткин не сможет её сломать, он хотел поскорей добраться с деньгами до дома. Чтобы не беспокоить больше остальных, Кураткин согласился сломать подкову крестьянина первой. Эта уступка Кураткина оказалась полезной для хозяина цирка, как вы вскоре поймёте.

Ибо когда силач взял подкову из рук этого вздорного человека, он не ожидал, что сломать её окажется очень трудным делом. С чего ему было волноваться? Сотни раз он ломал их раньше, не находя их достаточно крепкими, чтобы они не поддались нажиму его могучих рук. Не было нужды беспокоиться и об этой. Согнуть раз или два, и глядите — две половинки! Так, несомненно, думал «Могучий Кураткин».

Но не тут-то было! Он сделал попытку, а подкова не хотела ломаться. Он не смог даже чуть-чуть погнуть её, и это, по правде говоря, было очень странно. Что за жуткое заклинание оказалось наложено на его силу, если эта железка спокойно лежала на его ладони? Суждено ли ему, могучему человеку, состоящему из силы и мускулов, проиграть из-за случайной находки простого крестьянина? Так оно на самом деле и казалось.

Ибо целую минуту, может, две Кураткин боролся с этой подковой, безуспешно. Подкова совершенно не хотела сгибаться, к великому удивлению всех цирковых и, естественно, к радости её владельца. Те шестеро, чьи подковы ждали попыток Кураткина их сломать, тоже начали выглядеть очень довольными. Несомненно, им уже грезились кошельки с золотом, который каждый из них тоже получит. Но хозяина цирка их радости не разделял. Ему совсем не улыбалось расстаться с кучей золотых, и он пытался ободрить Кураткина, чтобы тот спас и приз, и престиж цирка.

Но всё напрасно! Кураткин, казалось, в этот день встретился со своим победителем. Разъярённый, он отшвырнул подкову, сказав, что не будет больше пытаться с ней справиться, потому что она заколдована. Тут Андржиевский тоже стал злиться и бушевать, попрекая его за поражение. Это подвигло Кураткина сказать, что он попробует ещё раз, но только после подков других претендентов. С этим был не согласен тот крестьянин, требуя кошелёк с золотом, обещанный в объявлениях. Но слова Кураткина поддерживали остальные претенденты, а также зрители цирка. Так что на протесты крестьянина не обратили внимания. Был такой кавардак, что не могу его описать, вы не представляете!

Как только Кураткин приступил к своим подвигам Геракла, делая попытки сломать шесть остальных подков, шум утих как по волшебству. «Сможет ли он?» — вопрошал себя каждый. Вот не смог же он сломать первую. Почему ему не суждено проиграть и со всеми оставшимися? Из-за всех этих ожиданий волнение зрителей нарастало. Но Кураткин быстро показал, что не просто так его называли «могучим». Первая подкова очень скоро разломилась надвое, то же случилось со второй и с третьей. Четвертая, однако, заставила его потрудиться, и так же было с пятой, но, в конце концов, он разломал их. Обливаясь потом, с раздувшимися венами и выпиравшими рельефными, как у статуи героя, мускулами, он яростно взялся за шестую, — наконец и с этой случилось то же, что и с остальными. Кураткин закончил свою обычную норму, и его обычная уверенность вернулась к нему. Он громко крикнул, чтобы ему снова дали подкову крестьянина. В этом месте моего рассказа в дело вступает Александр Засс.

Как и остальные работники цирка, я очень удивился, когда Кураткин не смог разломить на части подкову крестьянина. Я волновался больше всех остальных, так как именно моей обязанностью было ассистировать ему во время выступлений и обходить зрителей, показывая им предметы, которые он использовал для номеров, чтобы убедить публику — всё без подделок. А ещё одной обязанностью было подносить ему подковы, чтобы атлет их ломал, если никто не выходил со своей, чтобы он опробовал на ней свои силы. Ибо, должен сказать, зрители не всегда откликались на предложение инспектора манежа. Поэтому Кураткин имел небольшой запас своих подков, готовых к употреблению на такой случай.

Странно, что именно в кучку запасного реквизита Кураткин в запале и закинул ту самую, которая так упорно не желала поддаваться его усилиям. И вот она попала в мои руки, когда инспектор манежа позвал меня и велел подобрать и положить её пока на столик, чтобы потом ей занялся Кураткин.

Сказано — сделано, по крайней мере, с виду казалось, что я сделал то, что приказали. Но на самом деле я принёс не подкову

крестьянина, а другую. О да! У меня были подозрения насчёт той подковы, обязан сказать это. И подкова, выбранная мной среди прочих, только напоминала её. Она блестела, как новая. А я так быстро выполнил приказание инспектора манежа, что ни единая душа не заметила подмены.

Действуя по командам Кураткина, я подошёл к столу, поднял подкову и отдал ему в руки. Не откладывая, он ещё раз собрался с силами, чтобы одолеть этот упрямый кусок металла и, к удивлению каждого из присутствующих, кроме, конечно, меня, на этот раз она быстро раскололась надвое. Смятение крестьянина я и не берусь описать. Хоть прошло столько лет, я до сих пор помню выражение его лица. И после того, как великое удивление от быстрого и неожиданного триумфа Кураткина прошло, разразился гром аплодисментов. Ибо в России, также как и в Англии, почти каждому нравится видеть победу лучшего из лучших, но тот крестьянин, уже сильно протрезвевший, всё не успокаивался! Он потребовал, чтобы две половинки его подковы — или того, что все присутствующие, за исключением меня считали его подковой — были ему выданы. Он хотел рассмотреть их вблизи, так что я дал ему эти два кусочка. Он с удивлением оглядел каждую половинку и затем, наконец убедившись, с отвращением отбросил их, торопливо направляясь к выходу из цирка, и всю дорогу его провожали насмешливые крики зрителей, которые громко радовались крушению его надежд. Больше, должен вам сказать, этот беспокойный посетитель не показывался.

Те две половинки сломанной подковы я немедленно прибрал и, связав их длинной проволокой, вручил Куратнику, намекнув о своём желании, кое-что рассказать о них с глазу на глаз, как только он позволит. Мне, знаете ли, нравился этот силач. Когда я только поступил в цирк, не все были ко мне особенно добры, так обычно бывает в общинах с чужаками — это я обнаружил в своих странствиях по свету. Но Кураткин не был из тех, кто не считался со мной, отдавая свои приказы. Он обращался ко мне совсем в другой манере, всегда по-доброму и ободряюще. В ответ на мои слова он удивлённо посмотрел на меня и пригласил хоть сейчас

пойти на его квартиру, где он пока собирался немного отдохнуть перед следующим представлением. И мы пошли в эту часть цирка. Но прежде я достал подкову крестьянина из кучи, в которой она оставалась. На вопрос Кураткина, зачем это делаю, я ответил, что скоро он узнает. Не здесь, где есть уши, которые могут услышать лишнее, а в более подходящем месте, где мог поделиться с ним своими подозрениями.

Добравшись до укромного места — его каморки, я выложил Кураткину всё, что было у меня на уме, сообщив и о том, что я сделал. Он по-прежнему удивлённо смотрел на меня, взяв в руки крестьянскую подкову, а пока я говорил, постукивал по ней куском сломанной подковы, которую он ранее принимал за настоящую. Она давала чистый звон — слишком чистый для обычной подковы, что служило подтверждением моих подозрений.

За этим нас застал хозяин цирка, который пришёл, чтобы поздравить Кураткина: ведь он сберёт кошелёк с деньгами, — ну и, соответственно, наградить артиста. Хозяин был воистину доволен, как вы можете легко себе представить. А Кураткин тут же рассказал ему о моём поступке, отдав разглядеть несломанную подкову.

Тот проверил подкову на звук таким же способом, как Кураткин. «Неудивительно, что ты не мог её сломать, — сказал он после такой проверки. — Это специально закалённая подкова, умело подготовленная для того, чтобы удалось легко выиграть приз. Нам с тобой на самом деле обоим повезло, что Засс оказался таким смышлёным. Ты будешь вознаграждён, сынок, Андржиевским здесь и сейчас за твоё радение делам цирка». И он вручил нам с Кураткиным по два новеньких золотых. Но силач отказался получать свою долю. «Это неправильно, — заявил он. — Только малыш Засс заслуживает награды. Посему пусть моя доля достанется ему». И я получил все четыре золотых, став, таким образом, на мой юный взгляд, очень богатым.

Время шло, и мы уехали с места, где все это случилось, перемещаясь по кругу, и снова перед нами был Оренбург. Все эти дни жизнь была однообразной. Иногда выручка была хорошей, и мы

наслаждались, покупая всё, что хотелось. В другие дни дела шли не так хорошо. Последнее, должен сказать, случалось чаще.

Я теперь ближе, чем раньше, сошёлся с Кураткиным, ибо за службу перед цирком Андржиевского мне вышло повышение. Раньше я просто помогал ему, одетый в красивую униформу ассистента. Но теперь мне было позволено участвовать в шоу, выходя полуобнажённым, как все силачи, и исполнять небольшие номера — как свои собственные, так и вместе с ним. Мои мечты стали сбываться. Я усиленно тренировался каждый день, а великий Кураткин раскрыл мне множество секретов, все это помогало развиваться дальше. «Однажды, малыш Засс, — сказал он, — ты будешь очень знаменитым силачом, если только не бросишь это дело. Я никогда не видел такого маленького, но сильного юношу». Мой вес в то время, должен сказать, был около 10 стоунов. Возможно, здесь в Англии, это не так уж мало. Но в России — да! А по сравнению с 18 стоунами Кураткина это действительно очень, очень мало.

В положенный срок мы прибыли в Оренбург, где у нас целый день ушёл на подготовку. Хозяин предвкушал приличные сборы: большие толпы народа собирались вокруг цирковой площадки. Мы стали здесь популярными.

Меня же томило беспокойство. Те шесть месяцев с отъезда из дома, которые я должен был провести в оренбургском локомотивном депо, почти прошли, а отец пребывал в неведении, что я стал артистом бродячего цирка. Ибо, теперь я должен вам признаться, что я так и не появился в том заведении, чтобы, как это было оговорено, приступить к своим обязанностям. Отцу же я солгал, что благополучно добрался и начал работать со всей душой и напишу снова попозже. То, что я сказал о работе, было истинной правдой, хотя это не была работа в локомотивном депо. Но отец-то не должен был знать этого для его же спокойствия.

Однако выход для меня должен был появиться, какой — вы сейчас узнаете.

ГЛАВА II

На следующий день после нашего возвращения в Оренбург цирк открылся, и в него потекли толпы людей, очень довольные этим событием. Около трёх недель дела у нас шли хорошо. Затем, когда сборы стали падать, хозяин цирка решил ехать дальше, но уже в противоположном направлении.

Те шесть месяцев, которые я должен был проработать в локомотивном депо, прошли, и я знал, что мне обязательно надо что-то срочно придумать. Вряд ли отцу сообщили из депо о моём отсутствии. Вероятно, там решили, что со мной что-то случилось, и никому до этого не было дела. Однако если отец не получит известия о моём переводе из депо на должность помощника машиниста, тогда будет совсем другой расклад. Он наверняка начнет слать запросы. И всё вскрыется.

Я не знал, что лучше было сделать. У меня просто ум за разум заходил. После больших раздумий я рассказал о своей беде Кураткину и попросил у него совета, что делать. Выслушав всё, что лежало у меня на душе, он сурово отчитал меня. Но что же мне все-таки теперь делать, сказать не мог. Кроме того, я был уверен, что ему не хотелось терять меня, ведь я стал теперь так полезен для него и его выступлений, а ещё мы подружились.

«Тебе лучше всего рассказать свою историю самому Андржиевскому, — сказал он, — ибо его совет, наверное, будет намного умнее моего». Так что мы вместе пошли к хозяину цирка и выложили ему всю правду о том, как я набедокурил. Как и Кураткин, он тоже серьёзно отнесся к этому делу. «Лучшее, что ты можешь сделать, Засс, — сказал он, — это вернуться домой, полностью покаяться и довериться милости своего отца». Должен сказать, это не особенно обрадовало меня. Хотя я довольно долго был вдали от дома, я живо представил и отца, и ту «милость», которую он скорее всего бы проявил.

В глубине души вполне уверенный в том, что правильный поступок не всегда разумный, я попросил у хозяина цирка разреше-

ния остаться и ехать вместе с труппой из Оренбурга. Но он отказал мне в этом, смягчив свой отказ, однако, добрым словом: «Нам всем действительно жаль, что приходится расстаться с тобой, но ничего не попишешь. Поэтому мой совет — собирай вещи и будь готов ехать завтра, ибо мы завтра уезжаем из этого города». И раз больше нечего было сказать, на том и порешили. Мне суждено было вернуться в Саранск.

Той ночью, признаться, мне было совсем не до сна. Я обдумывал, что мне сказать, когда вернусь домой. Я и впрямь не знал. Что мог я сообщить, кроме правды? А сказать её — ну как?! Да уж, вы легко представите, о чём я думал. Вам это легче, чем мне написать.

Рано утром цирк готовился к отъезду, а я — к уходу из него. Все товарищи желали мне удачи и счастливого пути, а хозяин добавил к моему жалованью значительную сумму сверх того, что я заработал. «Всего тебе самого лучшего Засс, — сказал он, — ибо ты заслуживаешь этого. Я ведь и правда хотел бы, чтобы ты ехал с нами, но это невозможно».

Распрощавшись со всеми, я отправился к станции, в горле стоял комок, сердце то и дело сбивалось с такта. Я думал: какой бесславный конец моего отважного приключения. Вернуться с позором после шести месяцев вольной и по-настоящему взрослой жизни! Однако чему быть, того не миновать, сказал я себе, что так же верно, как и временами отвратительно. И это был, конечно, один из таких случаев.

Вскоре я добрёл до вокзала и обнаружил, что мне придётся долго ждать поезда до Саранска. Это не улучшило состояние моего духа. Так что я бросил сумки на платформу и рухнул на скамейку, ибо очень устал не только душой, но и телом. Так я сидел, казалось, долгие часы, думая о цирке, который теперь благополучно едет, и гадая о том, что мне уготовано в грядущем.

Наконец я выплыл из раздумий, чувствуя, что надо что-то предпринять, чтобы не заснуть. Я поднялся и принялся ходить по платформе. И тут заметил нечто такое, что заставило меня остановиться так резко, словно меня подстрелили. Ещё один плакат,

объявляющий о прибытии в город Ташкент цирка — цирка Юпатова — привлёк мой блуждающий взгляд. Потом увидел и другие плакаты этого цирка. Видимо, мне нигде не суждено было забыть о цирке, где бы я ни оказался.

Я стоял перед плакатом с глубоким интересом. О цирке Юпатова мне было многое известно по отзывам, ибо в цирке Андржиевского часто случались разговоры о нём. Это было то, что вы бы в Англии назвали «отпадным» шоу: все, кто работал у Юпатова, были звёздами, профессионалами высшего класса в своих жанрах, хотя труппа была малочисленной. Заработки здесь были, как говорили, намного выше, чем у тех, кто работал в любом другом цирке. А ещё каждый артист должен был вложить некую сумму в предприятие Юпатова, что делало этот цирк чуть ли не единственным в своём роде.

И пока я стоял там в глубоком раздумье, одна неоформившаяся мысль стала вырисовываться в моей голове. Почему бы, спросил я себя, не поехать в Ташкент и не попробовать поступить в цирк Юпатова? Это намного лучше, чем с позором ехать домой в Саранск. Да, чем больше думал об этом, тем заманчивей казалась мне сама идея. Итак, определившись, я решил отправиться с первым же поездом в Ташкент.

В справочной мне сказали, что ждать поезда долго не придётся, что ближайший ожидается прямо сейчас, поэтому я спешно заказал билет, на его оплату у меня ушла совсем небольшая часть моих денег, так как этот город был не очень далеко. Совсем скоро поезд прибыл, и я забрался в свой вагон, весь в возбуждении, сонливость совсем прошла, я был готов к новому приключению. Прошла пара часов, и я прибыл в Ташкент*, где быстро нашел цирк Юпатова. Как обычно, мне захотелось посмотреть представление, и я смешался с толпой, заплатил за вход и уселся в переднем ряду.

Что за зрелище давал цирк Юпатова! Его слава была действительно заслуженной. Я привык считать цирк Андржиевского самым замечательным заведением, но то, что я увидел, во всех смыслах пре-

* Так у автора! (прим. составителя)

восходило его. Показывалось множество новых номеров, артисты были непревзойдённые. И позже я видел немало цирков, во многих сам работал. Но ни один из них не был таким, как юпатовский! Да, этот был, без сомнения наилучший цирк из великого множества.

Представление закончилось, и я заметил одному из униформистов, что хотел бы поговорить с инспектором манежа по одному важному делу. Моё обращение передали, и через несколько минут меня пригласили пройти вокруг арены туда, где меня ожидал этот начальник. Не трата времени даром, ибо я уже хорошо освоил уроки, как держать себя в цирках и с их управляющими, я сказал, что мечтаю поступить в знаменитый юпатовский цирк. Я перечислил всё, что могу делать (включая то, что считал возможным), так как очень хотел, чтобы меня приняли. Рекомендую себя, заявил, что проработал полгода в цирке Андржиевского, но захотел устроиться лучше и зарабатывать больше, поэтому нашел цирк Юпатова, так как уверен, что подхожу. Всё это инспектор манежа выслушал молча. Возможно, он прежде слышал немало подобных речей.

Но что-то во мне, наверное, произвело на него впечатление, он попросил меня подождать, пока не освободится хозяин цирка, который не откладывая примет решение. С полчаса или больше я ждал его, внутренне волнуясь, но внешне держался спокойно. Наконец хозяин цирка передал, что он готов к встрече, и меня проводили к нему. Вот он — момент, к которому я стремился. Очень скоро, сказал я себе на ходу, решится моя участь.

Так и вышло! Мне было сказано, что могу поступить в цирк Юпатова, но только на таких же условиях, на которых меня взяли в цирк Андржиевского, то есть, как вы помните, разнорабочим. Но это приятное для меня сообщение хозяина было не всё, что он хотел сказать! «Прежде, чем ты поступишь в цирк Юпатова,— сказал он мне,— ты должен внести 200 рублей. Ты готов дать такую сумму?» Я, сказать по правде, замешкался с ответом.

Двести рублей! Где взять такую сумму? Я и впрямь не знал. Но было ясно, что без этого нельзя и надеяться, что меня примут. Что делать? Мучительный вопрос. Тут в мои лихорадочные мысли во-

рвался голос Юпатова. «Ну как, — сказал он, — ты согласен? Готов поступить ко мне на этих условиях?»

Сотчаяньем утопающего, который цепляется за соломинку, я пытался найти выход. «Да, — ответил я, — сейчас я не при деньгах. Однако смогу их дать вам через неделю, если вы, в свою очередь, разрешите приступить к работе прямо сейчас. Вам придётся подождать не больше недели. Это я обещаю. Довольно вам того, что я предлагаю?»

Хозяин цирка немного подумал. Затем сказал: «Ну, хорошо, если хочешь, приступай к работе сейчас. Но деньги должны быть уплачены не позднее срока, который ты сам назвал. В противном случае тебе придётся покинуть нас».

«Они будут у вас вовремя», — заверил я, — ибо всё, что мог сделать, так это держаться с самоуверенным видом. Но откуда взять деньги, я понятия не имел. Одно дело было так смело пообещать 200 рублей. Но добыть их за неделю — совсем другая история, и чем она закончится, было легко представить.

После разговора меня проводили туда, где я обустроился. Там меня накормили и напоили, затем поручили чистить цирковых животных. Когда я закончил работу, меня ждал ужин, на который я жадно набросился, а потом отправился на ночлег, чтобы размышлять о тяжёлом положении, в которое попал, и искать наилучший выход.

Я пролежал несколько часов, погружённый в беспокойные раздумья. Затем в моих мечущихся мыслях возникла идея, которая сначала поразила меня своей дерзостью. Почему бы не написать о деньгах домой? Только оттуда и можно было их получить. Да, чем больше я обдумывал эту мысль, тем больше понимал, что это единственная надежда. Знал, что придётся быть очень осторожным в словах. Что написать придумаю завтра, утро вечера мудреней. На том порешив, я провалился в сон.

Рано утром цирк начал пробуждаться и, пока я одевался, строчки, с которыми мне нужно было обратиться к отцу, сложились сами собой. Отец возлагал большие надежды на мою карьеру. Отсюда его отвращение к цирковой жизни, которая, как он считал, не даёт возможностей для нормальных людей. Очень хорошо, тог-

да пусть это будет работа с блестящими перспективами, но которая требовала двухсот рублей, чтобы её заполучить. Что в моём понимании было, в общем, правдой. Вот она, работа и перспективы, которые, на мой взгляд, просматривались. Не обязательно сообщать ему, что это был цирк. Вовсе нет!

Итак, добыв бумагу и карандаш, я при первой же возможности написал отцу, сообщая о том, что мне подвернулся многообещающий шанс. Большое предприятие предложило мне пройти обучение их делу, но требуется внести 200 рублей как доказательство моей порядочности. Я добавил, что после того, как обучусь, буду получать очень хорошее жалованье, намного большее, чем помощник машиниста. И судьбоносное послание, написанное, наконец, после того как я разорвал несколько черновиков, попало в почтовый ящик цирка.

Прошло четыре дня, я выполнял разные работы. Затем хозяин цирка вызвал меня к себе. «Ну, — сказал он, — у тебя уже есть деньги?» «Нет — ответил я, — но завтра-послезавтра они придут, ибо я написал отцу, и он, конечно, меня не подведёт». И так странно совпало, что пока это говорил, меня окликнул письмоноша. «Засс, — крикнул он, — казённый пакет для тебя!» Я лихорадочно выхватил его у разносчика из рук и разломал печати. О, радость! В нём лежали деньги, о которых я просил в письме, и поздравления от отца. Мои заботы на этот счёт окончились.

Теперь, когда моё положение у Юпатова окрепло, дела быстро пошли в гору. Сначала, должен сказать, меня приставили помогать Дурову, которого вы, наверное, не знаете, поэтому я лучше скажу, что это был самый знаменитый в России дрессировщик домашних животных и птиц. И не только их, но также и крыс, мышей и обезьян.

Представление Дурова было очень впечатляющим. Оно являлось, по правде говоря, одним из основных аттракционов юпатовского цирка. Обычно он начинал своё шоу со сбора животных и птиц, которых звал голосом и свистом, первыми выходили кошки и собаки, затем шли куры, утки и свиньи, потом обезьяны, а последними — крысы и мыши. Думаю, вы удивлены, читая про крыс

и мышей, но то, что я говорю — чистая правда. Эти маленькие животные в каждой мелочи были такие же смышлёные, как и остальные необычные артисты.

Когда все птицы и звери были в сборе, Дуров давал им знак аплодировать собачке, выступавшей первой. Остальные собаки лаяли, кошки мяукали, птицы кудахтали, кукарекали и громко крикали, обезьяны верещали, свиньи хрюкали, а крысы и мыши пищали. Затем по мановению его палочки все замолкали в один и тот же миг. Их дружное послушание ясно свидетельствовало о непревзойдённых способностях Дурова.

Я опишу два трюка, которые делали животные. Все крысы и мыши взбирались по длинному канату, который поднимался к самому куполу цирка, через большую маску в виде кошачьей морды с широко открытой пастью. В этой пасти все они исчезали, чтобы оказаться в сундуке с обратной стороны, его затем опускали и ставили на поезд. О, я, конечно же позабыл! Мне надо рассказать вам о нём. К концу действия появлялся миниатюрный поезд. Не такой уж маленький, знаете ли, достаточно большой, чтобы каждый из зверей поместился внутри. Паровоз работал на мощном заводном механизме. На него забирались две обезьяны, чтобы изображать машинистов, остальные были проводниками во главе с начальником поезда. Кошки и собаки залезали в вагоны с пометкой «1 класс», куры и утки во второй класс, а свиньи в 3-й класс, при этом крыс и мышей, которые всё ещё сидели в сундуке, обезьяны-проводники загружали в багажный вагон. И тогда поезд отправлялся, завершая в такой весьма новаторской манере шоу Дурова, причём всегда под громкие аплодисменты.

С Дуровым я проработал довольно долго, благодаря моим способностям к дрессировке. Многому я научился у этого замечательного человека, так же, как выиграл от моего общения с «Могучим Кураткиным», когда работал в цирке Андржиевского. Затем, когда однажды заболел кассир, меня поставили на его место. Это была перемена к лучшему, если смотреть по заработкам, но я не особо заботился об этой работе, хотя высоко ценил оказанное мне до-

верие. И, как только кассир поправился, я снова запросился работать на арене, и моё желание уважили довольно скоро.

На этот раз, однако, меня не вернули к Дурову, а включили в группу наездников. Нас было пять человек, и мы, бывало, неслись полным галопом, вставали в рост на спины лошадей и исполняли акробатические трюки и эквилибристику, пока они бежали по кругу. Меткая стрельба тоже была особенностью этого шоу, мы палили на скаку из ружей по движущимся мишеням из разных положений. Мы также занимались джигитовкой, работая с саблями и пиками. Мы исполняли все эти номера, о которых вы, может быть, читали в описаниях выступлений казаков — а может быть, и не читали.

Позднее меня перевели в группу выступающих под куполом на воздушной трапеции. Вот где мне чрезвычайно нравилось! Но меня оставили в ней ровно настолько, чтобы достаточно хорошо её освоить, а затем снова перевели, на этот раз — к укротителю диких зверей. Видите ли, у Юпатова было так заведено, чтобы любого, более-менее способного к определённой работе, приучать к ней, чтобы в случае необходимости или обстоятельств, когда ведущий артист не мог выступать, ему всегда имелась замена.

Обучение у укротителя сильно отличалось от шоу Дурова. Это постоянно было связано с большой опасностью, и поэтому казалось мне захватывающим. Пару раз я еле спасся, но мне всегда везло, и я выходил из опасных ситуаций без серьёзных ран. Я сейчас вспомнил о старых временах, когда несколько месяцев назад выступал в эдинбургском театре Уэйверли Маркет, где французского укротителя сильно покалечили два молодых льва. Я бросился со своего места, ибо хорошо умею обращаться со львами, особенно молодыми, но к тому времени, когда добрался до клетки, их уже отогнали ударами железных прутьев, так что бедняга смог выскочить оттуда. Несомненно, многие из вас тогда читали про это в газетах.

ГЛАВА 3

Когда моё обучение у дрессировщика закончилось, меня перевели в труппу борцов, сопровождавших цирк, у Юпатова была такая труппа, как и у большинства других цирков, путешествующих по Континенту*. Здесь меня мяли, швыряли, иногда я получал по уху, Вот шрам, с которым теперь щеголяю и про который думают, что он остался у меня от бокса. Это совсем не так! Я получил это «украшение» от парня по имени Сергей Николаевский, могучего гиганта, весившего около 22 стоунов**. Николаевский был капитаном юпатовской труппы борцов, и если надо было кого напугать, это дело поручалось ему. Он был, как говорят в Америке, «крутой» парень.

В общей сложности я пробыл в юпатовском заведении около 18 месяцев, переезжая с места на место. Но в борцовском номере я выступал около шести месяцев, потом появилась возможность сделать собственный номер, такой, который я всё время вынашивал в своём сердце. Эта перемена случилась довольно любопытным образом, как вы увидите.

Однажды вечером мы, борцы, после особенно изматывающего представления собрались у очага в нашей квартире, ели, пили, пребывали в обычном для нас весёлом настроении, когда разговор зашёл на тему силы. Николаевский, наш вожак, был, по всеобщему признанию, самым сильным в нашей компании, когда дело касалось чистой и простой борьбы. Он не был самым умелым в болевых захватах, но, как я вам сказал, он был настоящий гигант, крайне грозный человек. Но помимо борьбы мы ничего не знали о его возможностях вне борцовского ковра. Никогда, знаете ли, не возникала необходимость проверить их.

В соответствии со своим положением капитана борцов за Николаевским всегда было последнее слово. «Вы все сильны, — сказал он, — но я сомневаюсь, что среди вас найдётся тот, кто сделает

*Так британцы из-за своего островного самосознания привыкли называть материковую часть Европы (прим. составителя)

**Примерно 140 кг (прим. составителя)

одну простую вещь, какую я вам сейчас покажу. Пойдёмте все со мной, и посмотрим».

Итак, как было сказано, мы встали со своих мест и пошли за ним в другой конец цирка, где на колёсных платформах стоял ряд клеток с дикими животными.

Когда мы все собрались, Николаевский подошел к одной из них, где беспокойно и злобно метался король цирка — гигантский бенгальский тигр. Пробормотав зверю несколько слов, чтобы успокоить его, наш вожак взялся своими жилистыми руками за два прута клетки и, презирая постоянную опасность быть разорванным, стал тянуть, пока не выгнул эти прутья наружу. «Кто-нибудь из вас может сделать это? — сказал он. — Думаю, что нет. Однако этого никогда не узнать, пока каждый не попробует».

Мы посмотрели на прутья, на тигра и друг на друга. Но никто не выступил, чтобы попытаться повторить трюк нашего вожака. «Довольно! — крикнул один из наших. — Здесь никто не может этого сделать, кроме Сергея Николаевского. Чего тут пробовать и зря тратить время?»

Но я в этом не был уверен! Насколько я знал, только что показанный силовой трюк по-настоящему серьёзен, так как прутья клетки тигра очень крепкие. Но это не значило, что никто другой не способен исполнить его. По мне, так я думал, наш вожак сказал мудро: пока все не сделают попытку, нельзя знать это наверняка. Итак, раз никто больше не желал опробовать свои силы в этом испытании, я решил сам сделать подход.

Услышав это, вся компания очень развеселилась. Но не Николаевский. «Не смейтесь, — сердито приказал он, — хотя Засс самый невысокий из вас, у него самое храброе сердце. Давай, Александр, посмотрим, что ты можешь сделать! Я хорошо знаю, что твоя сила во много раз больше, чем твой рост».

Обозлённый насмешками своих товарищей, но очень обрадованный словами нашего вожака, я принялся повторять то, что он сделал. Тигра я не боялся, так как он знал меня хорошо, и хотя тот разъярён, был уверен, что зверь на меня не бросится. Итак,

нисколько не беспокоясь насчёт тигра, (я тоже сказал ему нескольких слов), я сосредоточил все свои силы и внимание на том, что собирался сделать. И очень скоро обнаружил, — то, что казалось таким чудесным для собравшейся компании, вовсе не было таким тяжёлым. Легко я раздвинул два прута клетки. Даже легче, чем это сделал Николаевский.

«Хорошо сделано, Засс! — сказал наш вожак, — Из всей моей «банды» ты самый сильный и самый храбрый». Но это не было так очевидно для моих товарищей, которые, увидев, как легко я исполнил этот трюк, захотели последовать моему примеру. Однако они не смогли это сделать. Потому что тигр теперь совсем озверел и угрожал лапой и зубами каждому из них, кто пытался взяться за клетку.

Но Николаевский совсем не хотел так просто закончить эту забаву: он вызвал укротителя, который сдерживал тигра специальными вилами, пока остальные друг за другом пытались повторить то, что сделали я и наш наш предводитель. Прикрытые от опасности, они тщетно старались. Ни один человек из группы не смог согнуть ещё одну пару прутьев ни на дюйм. Их очень удивило это обстоятельство. Впервые они осознали, что в их среде есть силач, который никогда раньше не удосужился показать свои способности.

«Довольно, — сказал Николаевский после того как все они признали поражение. — Засс сейчас покажет нам, может ли он выпрямить прутья, как они были раньше». И, как было велено, я стал выправлять прутья, хотя не так успешно. Но под одобрительные крики всех снова и снова жал на прутья, пока, наконец, все четыре прута не распрямились. В глазах моих товарищей я поднялся очень высоко благодаря этой демонстрации силы.

На следующее утро начальник цирка прислал за мной, так как Николаевский ознакомил его с вечерним происшествием. И то, что он сказал, мне чрезвычайно понравилось. Юпатовский цирк собирается возить на свои гастроли силача, на номерах которого будет основано представление. И этим силачом будет Александр Засс. Есть ли у меня особые предложения по моему выступлению? Так говорил со мной директор юпатовского цирка.

В ответ на эти вопросы я отвечал, что могу многое делать: сгибать железные прутья, рвать цепи, ещё рассказал о силе своих зубов. И о моей большой силе, развитой в грудной клетке, тоже сказал. Это его очень заинтересовало. «Превосходно, — сказал он, — выстрой своё выступление и будь готов показать его через три дня. За это время проси, не стесняясь, всё, что тебе требуется для номера, так как я хочу, чтобы тебе всячески помогли с подготовкой».

Поскольку мне не нужно было повторять это предложение дважды, я сразу же принялся за дело. Путья и цепи можно было раздобыть во множестве, так как мы находились недалеко от большого города, и обеспечить другой реквизит было тоже совсем не сложно. Для демонстрации силы сопротивления моей грудной клетки, я предложил всем борцам пройти по мне, когда стану лежать на спине под деревянной платформой, которая покоилась бы на моей груди. А чтобы показать силу моих зубов, челюстей и шеи предложил зависнуть под куполом цирка, зацепившись ногами за кольца, когда двое самых тяжёлых борцов сидели бы на стропах, которые я держал зубами и вращал. Эти номера должны были стать основными. Другие маленькие трюки — такие как балансирование стола на моем лбу, а на столе поставлен стул, где сидит человек, играющий на музыкальном инструменте, и хождение на руках по острию гвоздей, — подобные «мелочи» я хотел поставить между номерами для разнообразия и передышки.

За три дня, предоставленных мне, я вполне подготовился и имел немедленный успех, который порадовал всех причастных к нему, так что будет чистой правдой сказать, что я был очень популярен в этом цирке. И со временем я выдумывал новые номера и включал их в моё выступление, чтобы поддерживать его привлекательность и обновлять его. Нет нужды говорить, что теперь я зарабатывал намного больше денег. Совсем не так, как я зарабатываю в эти дни, конечно, но довольно много, тем не менее. И как легко они приходили, так же легко и уходили. Я не был даже наполовину бережливым, каким следовало бы оказаться, эту мудрость мне пришлось осознать чуть позже.

Как силач я продолжал выступать в юпатовском цирке до самого его конца, который был очень драматичным и совершенно неожиданным, ибо цирк уничтожил пожар. Однажды ночью, прямо накануне нашего прибытия в город, где ожидалось очень хорошие сборы, в загонах для животных возникло пламя, и просто за то время, за которое произносятся эти слова, гордый цирк Юпатова превратился в груды дымящихся развалин. Большинство животных погибло, а те, кто спасся от огня, в ужасе бежали в лес. Из людей никто не погиб, но все мы сразу оказались предоставлены сами себе, так как конец этого прекрасного цирка означал полное разорение его хозяина. Говорили, что пожар был устроили конкуренты, ревновавшие к престижу юпатовского заведения. Но это нельзя было доказать. Даже если это и так, они не оставили никаких улики.

После этой беды семеро борцов, включая Сергея Николаевского и меня, составили небольшую ватагу и ездили по стране, показывали борьбу и вызывали всех, кого можно было привлечь к состязаниям. В те времена мы зарабатывали плохо, часто по несколько дней кряду с трудом добывая хоть что-то, чтобы поддерживать свои силы. Очень тяжелое время настало, могу вам сказать. Затем нам улыбнулась удача, и вот каким образом это случилось.

Однажды во время наших странствий мы добрались до маленькой деревни и на её главной улице увидели афишу, в которой объявлялось о приезде цирка Хойцева в Ашхабад, город, расположенный в нескольких милях оттуда. Этот цирк, как мы знали, показывал особенно много борцовских представлений, и труппа, с которой он гастролировал, считалась очень сильной, с лучшими борцами страны. Это была не такая богатая компания, как у Юпатова, это мы тоже знали, но, тем не менее, это могло помочь нам выпутаться из нашего бедственного положения. Итак, обсудив наши перспективы, мы решили отправиться в город и посмотреть, можно ли устроить наши дела.

Мы добрались до Ашхабада к вечеру, усталые, проголодавшиеся, не имея на всех ни рубля. Здесь мы нашли весёлый цирк, много бор-

цов, бросающих вызов публике, но мало зрителей, готовых принять его. Это предоставляло необходимую нам возможность, и мы с Николаевским вышли, готовые сразиться с любым из тех, кто этого захочет. Управляющий сначала не соглашался выпускать меня. «Слишком маленький, — сказал он, — ты не выдержишься и секунды против любого из моих людей. Да они просто съедят тебя!» На выход Николаевского, однако, он был согласен, так как думал, несомненно, что такой здоровый детина будет хорошо смотреться против отобранного им человека, который должен был расплющить Сергея.

Но Николаевский не хотел выходить без меня! «Мы друзья, — сказал он, — и нам обоим нужно пропитание. У нас ещё пятеро товарищей. А на деньги, которые заработаем, мы купим вволю продуктов на всех». Это удивило хойцевского управляющего цирком, и он все-таки сдался. «Будь по-вашему, — сказал он, — но сегодня вы заработаете немного. Разве не знаете, против кого выходите? Ну да ладно, это просто глупый разговор. Нам всё равно нужны противники, так что давайте».

Мы проследовали за управляющим, проходя мимо людей, с кем-то из которых предстояло бороться. Это были здоровые парни, они улыбались, уверенные в том, что способны обессилить и положить любого, у кого хватит дерзости выступить против них. Но их вид не пугал нас. Мы сами через всё это проходили, и не один раз, хотя они об этом не знали. Ко всему, мы были в отчаянном положении, так как оба были голодны.

Когда мы вошли, нас попросили назваться. Но мы отклонили этот вопрос, так как предпочли, чтобы нас заявили как незнакомцев. Это добавило ещё немного веселья на наш счет, так как про нас подумали, что мы уроженцы какой-то близлежащей деревни, где, возможно, считались умелыми борцами и не хотели, чтобы наше поражение стало особо широко известно. Ибо, как нам было сказано, мы шли к неизбежному поражению. Но это, однако, возразили мы, ещё нужно проверить.

После необходимых предварительных обсуждений с инспектором манежа нас разбили на пары. Сергей Николаевский, так

вышло, получил партнера по крайней мере на 4 стоуна легче, чем был он сам, так что мне стало жалко этого беднягу. Мне, с другой стороны, достался человек, ростом почти что с Николаевского. Тут мне, я бы сказал, впору было жалеть себя — или, по крайней мере, свои шансы на победу.

Поединок Николаевского с его противником шёл первым. Как я и предполагал, он не продлился долго. Соперники немедленно начали кружиться, стараясь провести захват, наш вожак сделал бросок и, ухватив противника своими могучими руками за талию, сбил его с ног и с силой швырнул на землю, навалившись всем своим весом на обескураженного неудачника. Схватка завершилась, едва начавшись: борец хойцевского цирка был без сил распротёрт на полу.

Сенсационное завершение состязания вызвало огромное оживление, наши ребята, которые стали свидетелями быстрой победы Николаевского, шумели больше всех. Вскоре, однако, порядок восстановился, и мы с моим соперником выступили вперёд, причём наше неравенство в размерах вызвало большое удивление. Его вес, должно быть, по крайней мере на семь или восемь стоунов превышал мой. Но он столько весил не за счет мышц, как я успел заметить, его масса в основном состояла из жира и ничего другого. И поэтому я составил план, который, как считал, поможет мне победить. По крайней мере, я очень искренне на это надеялся.

Как только мы встали друг против друга, мой противник бросился на меня, надеясь сбить меня точно таким же образом, как сделал Николаевский с его товарищем. Я предвидел этот ход и подготовился к нему. Когда он двинулся на меня, я нырнул у него между ног и опрокинул его, молниеносно развернувшись для атаки. Но как бы крепко ни захватывал его, он вырывался, так как был не только очень сильным, но и скользким, как сало. Эта показалось неестественным. Его тело оказалось словно намазанным маслом — такой любимый нечестный приём у борцов всех стран, пока правилами это не было запрещено.

Прошло несколько мгновений, и он вновь стоял на ногах. И тут я навязал ему свой бой. Я ловко уклонялся от каждого его броска, пока его тяжёлое дыхание не подсказало, что настала пора для новой атаки. Итак, начав наступать, я скоро заставил его отступить, и, изловчившись, тяжело бросил его. Затем раньше, чем он успел прийти в себя, запрыгнул на него как тигр, пригвоздив его плечи к мату после минутной (или около того) яростной борьбы.

Произошедшая сцена стала незабываемой. Так долго хойцевские борцы выступали по стране, без труда одолевая бесчисленных соперников, что их стали считать почти что непобедимыми. Однако вот пришли два незнакомца и победили двух лучших людей этой группы. Велико было удивление и громким был рёв, вызванный этим неожиданным событием. Наши товарищи, скажу я вам, так сильно обрадовались, что чуть не обезумели.

После того как возбуждение утихло, и инспектор манежа мог что-либо расслышать, обещанные деньги были нам выданы нарядом с приглашением немедленно пройти к директору цирка. Мы это сделали, не откладывая, и он стал нас расспрашивать, кто мы и откуда. Уже не имело смысла ничего скрывать, и мы сказали, что из юпатовского цирка, и теперь он уже не удивлялся нашей силе. В то же время, однако, это не совсем объясняло проигрыш его лучших людей. Потому что хотя юпатовская группа и считалась первоклассной, хойцевская борцовская группа, как я говорил ранее, признавалась лучшей.

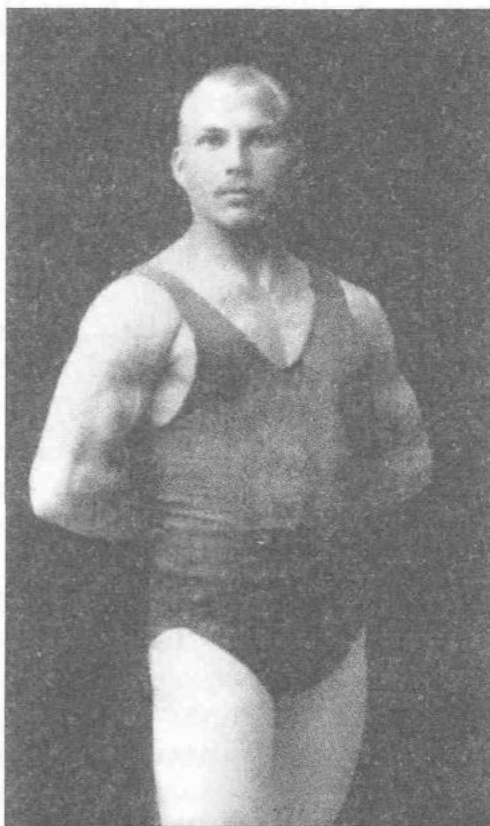
Хойцевский директор не стал долго ждать и перешёл к делу! «Так как вы сейчас свободны, — сказал он, — вам лучше присоединиться к нам. Даже если я не смогу платить так много, как Юпатов, для вас это намного лучше, чем оставаться в нынешнем положении шайки бродяг».

Это было разумно, и мы это понимали. При условии, что всех семерых из нас примут, мы согласились связать наши судьбы с компанией Хойцева. Безо всякого торга наши условия были удовлетворены, и мы тотчас же вступили в эту группу. Этим вечером мы долго радовались. На какое-то время, по крайней мере, худшие из

наших бед закончились. В этом цирке я оставался до призыва в русскую армию, занимаясь все это время борьбой. Сколько же весёлого мы пережили, но за небольшие деньги: так как нас было теперь на четыре человека больше, надо было делить заработок на всех. Три хойцевских борца скоро ушли после нашего прихода. Из них двое — побеждённые нами с Николаевским. Мы старались изо всех сил, потому что роптать было бесполезно. А иногда у нас случались кое-какие развлечения. Я вам расскажу об одном таком случае.

Во время наших скитаний мы добрались до городка под названием Актюбинск, где ранее, как мы узнали, цирк очень успешно выступал. Но на этот раз дела шли кое-как. Так что еле сводящий концы с концами управляющий Хойцева собрал нас всех вместе, чтобы найти выход из этого положения и как-то поправить дела. После того, как выдвинули, обсудили и отвергли два предложения, Николаевского озарила блестящая идея. «Нам нужно произвести сенсацию, — сказал он, — кто-то таинственный должен бросить нам вызов. Если это сделать, мы непременно хорошо заработаем».

Когда за эту идею ухватились, Сергей приступил к проработке плана. «Было бы лучше, если бы он оказался Чёрной Маской, — сказал он, — таинственный борец с закрытым лицом. Узнать его невозможно, слухи припишут ему много имён. Мы можем по се-

Борец Засс

крету проговориться, что это человек благородного происхождения, и это широко разойдётся, как это обычно бывает со слухами, что только добавит интриги».

Что касается меня, то мне эта идея казалась очень хорошей до тех пор, пока Сергей, который был не только очень сильным парнем, но и очень весёлым, не предложил, что я и стану играть эту роль. Тут я подумал, что это не такая уж хорошая идея. Остальные, однако, все поддержали её, и хойцевский управляющий всецело встал на их сторону. «Засс лучше всего подходит, — сказал он, — из него выйдет великолепная Чёрная Маска». Так что выхода не было, и мне пришлось согласиться. Оставалось только доработать некоторые детали.

Обсуждение шло долго, прерываясь взрывами смеха. Решили, что в ту же ночь я отъеду от Актюбинска на две станции. Это было довольно далеко, так как станции находились на большом расстоянии друг от друга. Оттуда я отправлю в цирк телеграмму: «Прибываю тогда-то таким-то поездом. Вызываю всех. Чёрная Маска». Полученную телеграмму предполагалось вывесить у входа в цирк и напечатать специальные бюллетени, извещающие об этом событии. На всю подготовку отводилось два дня, в течение которых я должен был прятаться в деревеньке неподалёку от железной дороги, чтобы прибыть в Актюбинск в назначенное время на третий день.

Чтобы усилить впечатление, задумали, что я приеду облачённый не только в чёрную маску, но и в цилиндр и парадный костюм, которые директор согласился одолжить мне. Всё это я должен был сложить в сумку, взяв с собой ещё одну, пустую. Идею с двумя сумками вы поймёте позже, думаю, это вас рассмешит. Я вот сейчас сам смеюсь, хотя в то время не находил в этом ничего забавного.

Когда все было готово, ночью я уехал, собрав все деньги, что имелись у нашей компании: их едва хватало для моих нужд. Прибыв на станцию, отправился в деревню и снял комнату, на следующее утро дал телеграмму. Прошло два дня. Я с большим трудом

втиснулся в костюм и с маской на лице и одолженным цилиндром на голове снова отправился на станцию. Всю дорогу за мной шли толпы людей, так как в моём импровизированном наряде я производил забавное впечатление. Брюки были тесные и длинные, пиджак не только не застегивался, но и душил меня, а шляпа сползла на уши. Но беспокоиться об этих мелочах не хватало времени, дело было слишком серьёзным.

Наконец я добрался до станции и купил билет. Поезд уже стоял, и мне пришлось бежать, так как он готовился к отправлению. Ворвавшись в первый же вагон, я услышал вопли двух сидевших в нем дам, которые таким образом встретили моё появление и тотчас упали в обморок, а два джентльмена, которые их сопровождали, стремительно выскочили наружу через другую дверь и подняли такой переполох, что уже тронувшийся было локомотив остановили, и целый рой служителей и чиновников наводнил вагон из-за криков о том, что грабитель в маске ворвался в поезд. Дело в том, что в ту пору случилось несколько ограблений, сопровождавшихся насилием. Мне удалось не без многословного объяснения успокоить их, что никакой я не грабитель. Пока всё это происходило, мне очень хотелось бы, чтобы поблизости оказался Сергей Николаевский, который втянул меня в эту историю. Однако всё уладилось, цель моего облачения в маску понята и глубокие извинения принесены, поезд тронулся, а я при этом стал объектом восхищения, а не страха и подозрений.

Прибыв в Актюбинск, я быстро понял, что с первых шагов таинственный пришелец будет окружён в этом городе сердечным приёмом. Депутация городских чиновников ожидала меня на платформе, а поодаль стоял наготове духовой оркестр, чтобы сопровождать меня. Так что я присоединился к этой процессии, окружённый чиновниками в позолоченных галунах и ярких мундирах. Под маршевую музыку мы отправились к цирку. Мои тяжеленные сумки отобрали у меня страстные поклонники. Пора сознаться, что набиты они были камнями, чтобы создать впечатление об их ценном содержимом.

Как только показалось место нашего назначения, я увидел выстроившихся перед цирком борцов, впереди всех стоял, естественно, хозяин заведения. Поравнявшись с ними, я выступил вперёд, но не мог перекричать приветствия собравшейся громадной толпы. Когда шум немного стих, я сделал свой вызов лично, больше для того, чтобы повеселить своих товарищей, которые открыто смеялись над моим комическим видом.

После моего обращения вперёд шагнул Сергей Николаевский и от имени труппы принял вызов, сказав, что я могу по своей воле выбрать соперника, какого захочу. Решив немного поквитаться, я выбрал его самого, что вызвало удивление, ведь мы так не договаривались: я должен был выбрать того из борцов, которого смогу легко побороть. Я знал, что с Николаевским мне не справиться. Но все равно я намеревался продержаться против него сколько смогу.

Поскольку состязание было назначено на вечер, меня отвезли в лучшую гостиницу города, где я попировал от души. Строго говоря, если б я был настоящим претендентом, какого должен был изображать, то не стал бы столько есть и пить. Но, поскольку я уже много дней был на голодном пайке, то решил воспользоваться такой возможностью и, как говорится, побаловать себя.

Наступил вечер, и я отправился в цирк, сопровождаемый чиновниками — и теми, кто встречал меня утром, и новыми, которые навестили меня после. Причём казалось, что для каждого из них моё появление в городе было хорошим поводом, чтобы не ходить на службу. Когда я зашёл в цирк, меня поразила толпа, собравшаяся из желающих лицезреть состязание. Хорошие сборы были в тот вечер обеспечены. Намного лучше, чем когда-либо раньше до этого.

Когда закончились обычные выступления, зрители приготовились к состязанию между чемпионом хойцевской труппы и дерзким загадочным претендентом. Снова появился духовой оркестр, и после того как Николаевский сделал выход и поклонился, я снова пристроился к музыкантам, чтобы пройти маршем вокруг арены под громкие и долгие приветствия. Пока всё это происходило, Сергей поглядывал на меня с удивлением. Наверное, он думал, как

смешно я выгляжу — с цилиндром, съехавшим на уши. «Ну хорошо, друг Сергей, — сказал я себе, — погоди, пока не начну захваты! Я заставлю тебя запомнить этот случай».

Парад и представления закончились, мы ступили на ковер и начали кружиться друг против друга, пытаюсь улучшить момент, когда кто-то раскроется. Николаевский был не столь насторожен, как если бы против него стоял настоящий претендент, поэтому вскоре он дал мне возможность напасть и провести чистый захват и бросок; развивая успех, я сделал ещё один захват, который, казалось, сломал ему шею. Довольно озадаченный, он попытался вырваться, но пока безуспешно. Затем, немного расслабившись, я дал ему возможность, которой он ждал, и, отбросив меня, он снова быстро встал на ноги.

Теперь я «вёл» наш танец, применяя все уловки, которые знал, пока его терпение не иссякло. «Пора мне тебя приложить, Александр», — прошептал он мне на ухо, когда мы были достаточно близко друг от друга, чтобы нас никто не услышал. «Правда? — ответил я, — как раз сам хотел сделать это с тобой». «Да что с тобой? — удивился он. — Ты с ума сошёл?» Но вместо ответа я бросился в атаку ещё энергичней, чем раньше.

Теперь и Сергей раззадорился в ответ на мой пыл, и вскоре разгорелась яростная схватка. Сначала преимущество находилось у одного, потом у другого, хотя никто не мог положить своего противника. Сам я, конечно, не рассчитывал победить Сергея, так как он был слишком большой, сильный и умелый. Всё, на что я надеялся, так это не дать положить себя на лопатки и в этой схватке заставить его понять, что я умею бороться много лучше, чем он думает.

Я надеялся не напрасно. Когда прошли отведённые десять минут, Сергей так и не смог прижать меня к полу, и денежный приз должен был отойти мне. Как его выплатят, я толком не знал. Единственная надежда возлагалась на то, что в кассе набралось достаточно денег на выплату приза. Иначе быть беде. Дело не в том, что я должен был их получить себе, понятное дело, ибо, в конце концов, я был просто актёр в этой постановке. Зрители об

этом не догадывались, и если деньги не будут предъявлять, они, я знал, конечно, обозлятся.

Но оказалось, на этот счёт не нужно было волноваться. Деньги выплатили без затруднений, и я пошёл обратно в гостиницу, чтобы завершить этот день очень приятным времяпрепровождением. На следующий день я съехал, проживание не стоило мне ни рубля, ибо хозяин и слышать не желал о том, чтобы позволить мне за что-нибудь платить. Как я приехал почётным гостем, почётным гостем уезжал, на вокзал я шёл опять в сопровождении оркестра и даже бóльшей толпы чиновников, чем раньше. Я проехал назад на ту маленькую станцию, переменял одежду и вечером вернулся в цирк. Но больше ни разу, пока мы оставались в Актюбинске, не выходил на людях на борцовский ковёр, иначе меня бы сразу опознали.

Мы все хорошо посмеялись над произошедшими накануне событиями, когда я вернулся в цирк и, конечно, возвратил деньги, врученные мне Хойцевым.

Сергей сначала не очень был склонен общаться со мной дружелюбно за то, что я так яростно боролся. Но его природное чувство юмора скоро вернулось, и мы остались лучшими друзьями, какими оставались всегда. Это был добрый малый, к несчастью, он погиб в самом начале мировой войны. О том, что я сам тогда пережил, расскажу позже.

Прошло немного времени после случая с борцом в маске, когда пришла пора мне служить в русской армии, и я, покинув цирк Хойцева, отправился в Вильну, как того требовал военный закон, так как я должен был зачисляться на службу по месту рождения. Это было долгое путешествие, занявшее двадцать три дня и ночи. Пройдя медицинскую комиссию, я был отправлен из-за знания языков и обычаев юга России обратно в этот далёкий край и определён солдатом 12-го Туркестанского пехотного полка, который стоял на границе с Персией*.

Прибыв сюда, я поступил в школу унтер-офицеров, из которой вышел старшим сержантом. Мы пережили там многое, так как

*Нынешний Иран (прим. составителя)

персы всегда дрались либо с нами, либо между собой. Мне приходит на память один из их обычаев, довольно курьёзный, о котором вы, должно быть, не слышали. На закате, как бы яростно они ни сражались весь день, они останавливались и молились, прекращая боевые действия на всю ночь. Но только на ночь! Наутро с рассветом они начинали всё сызнова, исполненные таким же боевым духом, как и всегда.

Об этой части жизни я мог бы рассказать немало, но коль уж мне предстоит позднее рассказать многое на очень схожую тему, предлагаю пропустить это, достаточно упомянуть, что здесь я стал одним из главных гимнастических инструкторов в школе физической культуры и более ловким наездником, чем раньше. Естественно, продолжал дальше заниматься борьбой и очень скоро стал признанным чемпионом этого военного округа России.

Когда окончился срок службы, я поехал в Симбирск, где мне предложили место тренера двенадцати женщин-атлетов, которые готовились к борцовскому чемпионату. Эту работу, хоть и непривычную для меня, я выполнил сносно. Затем принялся управлять синематографом, который отец помог мне купить в местечке под названием Краснослободск. Эта затея, как ни грустно признать, окончилась финансовым провалом, и я вновь обратился к силовому атлетизму, так как был убеждён, что здесь моё будущее.

С помощью товарища Михаила Крапивина, с которым я познакомился в Симбирске, я составил один из самых увлекательных и сенсационных силовых номеров, каких до той поры не видели. У меня было полно новых трюков и после того, как моё шоу просмотрели агенты, представляющие несколько больших цирков, мне стали поступать предложения, таким образом, успех был подтверждён. И когда казалось, что я вот-вот начну карьеру, которая принесёт мне славу и процветание, случилось то, что внушало всем нам, живущим на европейском континенте, ежедневный страх. Началась война, Великая война! Спешно прошла мобилизация, и я был одним из первых, кого смела военная машина. Куда армейский призыв приведёт меня? Продолжай, читатель, и ты увидишь.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА 1

Когда разразилась война, меня немедленно призвали в 180-й Виндавский кавалерийский полк*, задачей которого было вступать в соприкосновение с противником и передавать сведения о его перемещениях в сторону русской пехоты. Такой вид разведывательного или, другим словом, поискового полка, если вам так будет понятнее. Погрузившись в вагоны, мы помчались на австрийский фронт, высадились в местечке под названием Люблин, где впервые встретились с противником.

Сначала мы смели всех, кто оказался перед нами, быстро продвигаясь и громя всё на нашем пути. Вскоре мы углубились не менее чем на 180 миль вглубь Австрии, где произошло большое сражение, перед которым противник собрал силы с целью предпринять последнюю отчаянную попытку сдержать наше победное продвижение. Вооружённые лучше, чем мои сослуживцы, да ещё и поддержанные германскими фронтовыми частями, они, конечно, преуспели. Разразилась долгая и ожесточенная битва, нако-

*На самом деле 180-й Виндавский пехотный полк. В 1914 году он стоял в Саранске (прим. составителя)

Согласно легенде, Засс как-то вынес свою раненую лошадь с поля боя

нец, обе стороны с радостью позволили ей затихнуть, чтобы дать передышку своим сильно поредевшим войскам.

Но что касается непосредственно военных действий, я с того времени перестал участвовать в боях. Ибо вскоре после того большого столкновения армий вышел из строя, получив серьёзное ранение шрапнелью в обе ноги, а мою лошадь при этом разорвало подо мной на куски. Когда я очнулся, то был уже пленником в руках австрийцев, не ведающим о своей будущей судьбе, и, по правде сказать, не особо об этом беспокоился, так как испытывал мучительные боли.

Я вскоре понял, что те, кто взял меня в плен, были, в конце концов, не такими ужасными типами. Возможно, конечно, что ко мне отнеслись добрее из-за того, что я был офицером. (Не успел вам сказать, что за три дня до этого меня произвели в поручики за умелые действия на поле боя, которые доказали, что я могу принимать решения и командовать).

Но, так или иначе, должен сказать, что захватившие меня в плен были очень любезны и заботились о моих удобствах. Как

только я пришёл в себя, мне сразу же подали чашку горячего кофе и, немного погодя, какие-то консервы, затем отправили санитарным поездом в Эстергом. Мои пленители, должен вам сказать, были на самом деле венгры, храбрые вояки и великодушные к поверженному противнику рыцари.

По прибытию в Эстергом меня поместили в госпиталь и без промедления прооперировали. Но эта операция оказалась не очень удачной, что меня весьма беспокоило, потому что в таких случаях хирурги не тратили понапрасну время и тут же прибегали к ампутации. В начале войны врачи ещё не имели того опыта, который они приобрели со временем. Поэтому они не очень хорошо знали, что допустимо в послеоперационный период.

Вскоре после первой операции я перенёс ещё одну, затем другую. Но раны не заживали как следовало бы, и меня предупредили, что если вскоре дела не пойдут на поправку, мне придётся расстаться с ногами. Затем, когда я уже приготовился к худшему, меня перевели в другой госпиталь по соседству. Здесь меня не так заботливо выхаживали, но, хотя вы найдёте это довольно странным, я был рад. Поскольку мои раны не считали такими страшными, меня поместили в отделение выздоравливающих, что на некоторое время развеяло мои опасения потерять конечности. Потому, что я был уверен, что, предоставленный самому себе, смогу, благодаря венгерским хирургам первого госпиталя, сам помочь своему выздоровлению. Я решил использовать некоторые принципы пассивных упражнений, с которыми знаком, и был положительно уверен, что результаты не могут оказаться бесполезными.

Так и случилось! Втайне от всех я стал воплощать свои идеи, продолжая ежедневно настойчиво трудиться до тех пор, пока, наконец, не смог пользоваться костылями и все страхи лишиться ног не улетучились. Естественная сила моего организма помогала быстрому выздоровлению и приближался день, когда я смогу, наконец, отказаться от костылей, чему я необычайно радовался. Будучи действительно выздоравливающим, я был направлен на лег-

кие работы — ухаживать за другими пленниками, которые были нетрудоспособны, и так далее.

Когда я стал сильнее, мне дали другую работу, естественно, намного более тяжёлую. Я трудился на строительстве дорог и временных госпиталей для раненых с обоих фронтов, которые продолжали прибывать в несметных количествах. Из этого мы могли понять, что волна сражений то накатывает, то отступает, и ни одна из сторон не может заявить о решительном успехе.

Здесь, в госпитале-лагере для военнопленных, каким он являлся, я оставался в течение года. Его, конечно, усиленно охраняли, так что несколько попыток убежать закончились гибелью для тех, кто затевал эти смелые предприятия. Но это всё равно не удерживало некоторых сильных духом от решения попытаться счастья при любой выпадающей возможности. И я был, должен сказать, в их числе.

С течением времени работа, которую нам давали, становилась всё тяжелее, а пища все хуже. В основном это были консервы, и большая их часть была заражена долгоносиком. Из-за всего этого наши физические и психические силы ослабли. Намного чаще, чем раньше, стали применяться наказания: отношение охранников менялось под влиянием вестей с фронта, где русские армии наносили урон главным силам. Слух о том, что наши скоро перевалят через Карпаты, вселил в нас радостную надежду, так как лагерь находился недалеко от них.

Будучи в заключении, я очень подружился с другим пленным, которого звали Ашаев, — парень, очень близкий моему сердцу, который, как и я, только и ждал подходящего случая, чтобы попытаться бежать. Но поскольку такой возможности не предоставлялось, или нам казалось, что она не появляется, мы решили приложить все силы, чтобы самим её организовать. Тайно мы спланировали наш прорыв на свободу.

Мы готовились в общей сложности три недели, и планы были хорошо продуманными. Сначала мы поняли, что нам понадобятся деньги, и кое-что из жизни заключенных подсказало нам, как

их достать. Каждый вечер около семи часов лагерь закрывался, и всем заключённым полагалось ложиться спать. Конечно, они не оставались в постелях, а обыкновенно вставали и играли в азартные игры, причём это развлечение доставалось им огромными усилиями: бараки не освещались. Деньги для игры они зарабатывали различными ремёслами, к которым их приставили. Что касается меня, должен вам сказать, то, обучившись резьбе по дереву, я в самом деле весьма успешно справлялся с этим делом.

И вот тот охранник, который обязан был следить за освещением в лагере, был очень дружелюбно расположен ко мне. Сам он тоже являлся довольно сильным человеком, хорошим борцом, и благодаря этому у нас появились общие интересы. Более того, он был, как бы вы его назвали, бизнесменом. Он, как и любой другой человек, не был особым бессребреником, и любой благоприятный случай для того, чтобы сшибить и положить в карман лишнюю монету он использовал без малейшего колебания. Я хорошо это знал, и решил на этом сыграть.

Итак, при первой же представившейся возможности я отвёл его в сторонку и попросил потихоньку доставлять мне ежедневно немного керосина. Естественно, он тут же захотел узнать, для чего мне это нужно, и мне пришлось ему всё выложить. И то, что я поведал, ему чрезвычайно понравилось.

Я взялся обеспечивать освещение, которое требовалось для игроков, собирая каждую игру немалые деньги за эту услугу. Я смастерил небольшую масляную лампу из консервной банки и верёвочного фитиля, и для неё мне требовался керосин. Вот тут-то в дело должен был вступить он, и я был согласен делиться с ним доходами, если бы он мог снабжать меня соответствующим количеством необходимого товара. Не задумываясь о последствиях в случае поимки, он согласился.

Первая порция керосина поступила должным образом, и тем вечером я совершил великую сделку, собирая с каждого банка, как называли каждую комбинацию игроков, по пять копеек за игру. Эту лампу, должен сказать, разрешалось использовать, пока один

человек держит банк. Как только он срывался, лампа отдавалась в пользование другой группе, также за пять копеек.

Таким способом я набрал довольно большую сумму, несмотря на соглашение делиться пополам с тюремщиком. И с этими деньгами в нашем распоряжении — нашем с Ашаевым, я тут имею в виду, — мы могли добыть другие вещи, крайне необходимые, если мы преуспеем с побегом. Одной из них был компас, другой — карта. Первое из упомянутого я смог добыть в лагерном магазине вроде столовой, вы бы, наверное, его так называли. Это получилось не особенно трудно, компас-мелочь, игрушка, я сказал, что хочу повесить его на цепочку от часов.

А вот достать карту оказалось намного труднее. Но, в конце концов, я смог получить в руки то, что сулило достижение нашей цели. Это была схема железнодорожных путей, и хотя, естественно, на ней не было нанесено дорог, мы решили, что её достаточно. В конце концов, заключённые не могут особо выбирать: их выбор не лучше, чем у нищих.

А ещё нам нужны были запасы еды. И здесь опять очень пригодилась наша денежная заначка, так как каждый из нас пристрастился к салу, которое заключённым довольно щедро выдавали трижды в неделю. Поэтому везде, где возможно, мы скупали порции этого продукта, складывали в жестянки и закапывали.

Все это выходило хорошо, но нам надо было всё-таки как-то выбраться наружу. Охрана патрулировала лагерь по периметру, густо огороженному колючей проволокой, и к этой проволоке подвешены сотни и сотни жестяных банок и колокольчиков, которые погубили многих бедолаг, пытавшихся бежать. Стараясь ночью пролезть через проволоку, один такой задел эту звуковую сигнализацию, и всё закончилось тем, что его очень быстро нашпиговали свинцом.

Мы напрягали мозги в поисках выхода, и, наконец, нашли его. Каждый день или, точнее, каждый вечер, так это будет намного точнее — нам давалось немного свободного времени, и это времяпрепровождение обычно принимало форму забавы, которую

вы называете здесь, в Англии, крикетом или игрой в шары. Но наша игра имела одно отличие: вместо того, чтобы катить шары по хорошей ровной поверхности, мы должны были забрасывать их в специально выкопанные лунки. И мы по очереди выкапывали эти лунки, сперва одна команда игроков, затем — другая. Следовательно, во время игры за нами особо не следили, и если кого-то замечали ковыряющимся в земле, то на него не обращали внимания.

В этой небрежности со стороны наших охранников и был наш единственный шанс. Ибо, осознав, что пробраться незаметно через колючую проволоку просто невозможно, мы решили разработать полностью другой план, а именно — пролезть под ней. Итак, с этими мыслями мы с Ашаевым начали искать по всей территории лагеря уязвимое место, чтобы начать рыть наш подкоп. Определившись, мы проверили грунт, когда в следующий раз играли возле этого участка. И наша проверка показала, что земля в этом месте была не только мягкая, но и почти без больших камней и корней деревьев, всё это было нам на руку.

В тот же вечер мы начали, или, скорее, начал Ашаев, тогда как я оставался в лагере, занимаясь «бизнесом», стараясь собрать как можно больше денег, ссужая мою импровизированную лампу игрокам. Около четырёх часов проработал Ашаев, перетаскивая выкопанную землю на верхушку вала, окружавшего лагерь, и это была не только очень тяжелая работа, намного тяжелее, чем сама копка, но и очень опасная, так как всегда имелся риск, что кто-нибудь заметит человеческую фигуру на фоне неба, как бы ни пригнуться к земле. После того как он выкопал сколько смог за эту ночь, он прикрыл лаз листом железа, присыпал его толстым слоем земли и хорошо её притоптал, чтобы это место не обнаружили.

Следующей ночью он тоже работал, и следующей тоже, при этом его отсутствие среди остальных заключённых не было особенно заметно. Потом работы пришлось приостановить почти на неделю, потому что всё это время стояла высокая луна, и стало невозможно продолжать копать землю без риска быть обнаруженным. Как же мы ждали, когда снова наступит темнота! Через пять

или шесть дней Ашаев смог возобновить работу, так как изменилось освещение и оставалось таковым около недели.

Именно в одну из тех ночей смельчака чуть не обнаружили и не застрелили. Но ему повезло, и патрульные прошли мимо, не подозревая, что происходит подготовка к побегу. Охранники, обходившие лагерь, были прямо над ним, когда Ашаев вылезал из норы, не осознавая опасности. Он замер, и, к счастью, они прошли мимо.

После того как мой напарник рассказал об этом случае и о том, насколько он продвинулся, обе эти информации подвигли нас к решению — в первую же из последующих ночей, которая представится благоприятной для нашей цели, следует попытаться бежать. Но целых две недели условия были совсем неподходящими. Затем неожиданно погода изменилась и, так как мы всё подготовили, то решили больше не ждать, а тотчас же рискнуть.

Выбранная нами ночь отвечала всем ожиданиям. Небо было черным-черно, вот-вот должна была разразиться гроза, ветер при этом дул яростно, но, к счастью, он был направлен от казарм надзирателей. Вскоре мы добрались до подкопа и лихорадочно принялись за дело. В этот раз я шел первым, и, пока я копал, Ашаев отшвыривал землю назад. Прошло около трёх часов, мы вышли наружу примерно в двух футах от проволоки. Очень осторожно мы выбрались и несколько мгновений недвижно лежали, боясь, что нас увидят или услышат. Но нет, не было нужды опасаться тревоги и ещё чего-то ждать. Перед нашими взорами не было никаких признаков человека, до нашего слуха не доносилось ни звука.

Убедившись в этом, мы подхватили наши мешочки с припасами и бросились бежать. И долго мчались в направлении, оговоренном на случай, если нам повезёт вырваться на свободу. Затем силы стали покидать Ашаева, и он запросил передышки. Но я не хотел на это соглашаться и, взяв его за руку, тянул и тащил его на себе. Мы должны были добраться к лесу до рассвета, а времени оставалось не так много. Я знал, что остановиться раньше будет самоубийством. Только под сенью деревьев мы могли надеяться на более или менее безопасное укрытие и отдых.

Наконец мы достигли леса и спрятались в нём как раз с началом рассвета. После того как мы прошли вглубь зарослей, мы пали наземь, измождённые и буквально выдохшиеся. Сначала перекусили, но нигде не могли найти воды, чтобы утолить жажду. За лесом были ручьи, но подходить к ним среди бела дня было, понятное дело, более чем безрассудно. Так что, несмотря на муки безводья, нам пришлось оставаться на месте до наступления ночи, когда, хорошо отдохнув за целый день, мы отправились в путь, чтобы оказаться подальше от места нашего недавнего заключения.

Без всяких приключений, достойных упоминания, мы продолжали наш путь, а целью, должен сказать, было, по возможности, добраться до Карпат и выйти навстречу передовым постам русской армии. Как мы собирались это сделать, не вполне представляли. Могу только сказать, что надеялись на это.

Незадолго до рассвета мы добрались до густого леса, и там решили остаться на день, удобно укрывшись, как и накануне. Мы могли бы пройти намного дальше до того, как рассеется темнота, но это нам казалось неразумным, так как на нашей карте мы обнаружили, что следующая лесистая местность находится слишком далеко, чтобы за оставшееся до восхода солнца время нам можно было до неё дойти. Так что, досыта напившись из ручейка, мы направились в лес. Но, пройдя совсем немного в глубь зарослей, мы услышали собачий лай. Это насторожило нас, так как сначала мы не могли быть уверенными, с какой стороны доносились эти звуки. Была ли эта погоня по нашим горячим следам? Схватят ли нас снова? Что надо теперь предпринять?

Из-за того, что лай собак с каждой минутой становился всё громче, надо было быстро решать, что делать. Ашаев был за то, чтобы заползти подальше в заросли подлеска, в надежде на то, что так нас не удастся обнаружить. Но мне эта мысль не нравилась. Я думал, что это бесполезно, так как даже если это были не ищейки, а простые собаки, они легко найдут нас. Нет, я считал, что нужно залезть на дерево. И мы забрались наверх. А деревья росли столь густо, что мы могли перебираться с одного на дру-

гое. Но наша тревога вскоре улеглась, так как эти собаки, — числом около трёх, судя по звукам, — пробежали на некотором расстоянии левее от нас. Возможно, это были чьи-то хозяйские псы. Слава Богу, не войсковые.

Наступил день, мы спустились с наших веток и стали искать подходящее место, чтобы укрыться и поспать. Таковое мы легко нашли, где и отдыхали до конца дня. После трапезы мы снова занялись поисками воды, но в округе были только затхлые лужи, так что опять нам пришлось мириться с пересохшими глотками до прихода ночи, которая принесла нам больше свободы. И, продвигаясь по нашему компасу — весьма ненадёжному инструменту, как мы позднее поняли, — мы приступили к следующему этапу нашего путешествия, снова без особых переживаний, заслуживающих упоминания, прячась и отсыпаясь каждый последующий день, при этом никто никак нас не беспокоил.

Таким вот образом прошли четвёртые ночь и день. Но на пятую ночь мы потерпели серьёзную неудачу. Прямо перед рассветом мы вышли к широкой реке, которую, как знали, можно было перейти только по мосту, наверняка охраняемому часовыми. И, после осторожной разведки, мы обнаружили, что так оно и было. На каждой стороне моста стояло по два часовых, что делало невозможным перебраться через реку этим путём. Единственное, что представлялось вероятным сделать, это попытаться найти на реке место, где её можно перейти вброд, а это означало сделать большой крюк. Но выбора у нас не было, мы были вынуждены обходить, а когда мы, в конце концов, решились переправляться, то поняли, что недооценили и глубину, и силу течения, и это означало, что реку нужно переплывать. Само по себе это не представляло большой беды, хотя мы были обременены одеждой и тяжёлой обувью. Но окончилось всё тем, что наши небольшие, но бесценные съестные припасы совершенно испортились, и это было поистине ужасно. Мокрые и замёрзшие, голодные и уставшие, мы были в жалком состоянии.

Отчаявшись, мы прибегли к крайним мерам, чтобы добыть еды. После долгих колебаний мы решили попытаться выпросить

продукты у какого-нибудь крестьянина. Конечно, велик был риск, что нас обнаружат, и шансы наши — очень малы.

Так оно и вышло! В первом доме, куда мы подошли, жила только одна древняя старуха, которая, выслушав нашу долгую горестную сказку, разглядывая с нескрываемым подозрением наш неряшливый и оборванный вид, в конце концов согласилась дать буханку хлеба. И сдержала своё слово, за что мы ей были очень благодарны. Но она тотчас же подтвердила наши худшие страхи, заявив, что уверена, — мы беглые пленные, и при первой же возможности она непременно сообщит военным властям о нашем появлении в округе.

Мы ясно представляли: с этого момента наша свобода под большой угрозой. Но вопреки всему мы не теряли надежду, и вновь скрылись в лесу. Ещё раз мы провели день, не побеспокоенные никем, но ночью, отправившись вновь в путь, мы попали на глаза патрульным, которые, несомненно, разыскивали нас, и хотя мы бросились бежать от них, а, когда нас догнали, яростно дрались, превосходящие силы взяли над нами верх. И нас отдубасили до бесчувствия, а когда мы очнулись, поняли — нас везли, перекинув через круп лошади, к ближайшему военному посту. На самом деле тяжкое положение, думаю, вы согласитесь.

ГЛАВА 2

После очень неудобной поездки длиной около двух миль, мы добрались до военных казарм, куда нас завели захватившие. Наши путы бесцеремонно разрезали. После этого мы предстали для допроса перед комендантом и рассказали ему всё, что он хотел узнать. Пытаться что-то скрыть было бесполезно. Это только значило бы, что нас поставят к стенке и тут же расстреляют, впрочем, мы думали, что эта участь ждет в любом случае.

Благодаря сведениям, что мы были кавалерийскими офицерами, меня и Ашаева приставили ухаживать за лошадьми и при-

водить в порядок их снаряжение. Удовлетворившись нашей работой, охранники накормили нас и сказали, что наутро мы будем отправлены назад в тот лагерь, из которого сбежали. И к этим новостям они добавили несколько замечаний относительно того, что нас может ожидать по возвращении. Всё это не вселяло бодрости.

Когда наступило утро, обнаружилось, что не придется уезжать, как было заявлено, вместо этого нас снова отправили работать на конюшню. Там мы были заняты весь день, и продолжали ещё один день, а в лагерь для военнопленных нас отправили только следующим утром. Считали нас отчаянными или нет, я не знаю, но конвой, забиравший нас, состоял из шести солдат. Конечно, мы не делали дальнейших попыток сбежать, так как никакой возможности для этого нам не дали. И в своё время, после путешествия на поезде, длившегося чуть меньше трех часов, мы вернулись на место, откуда отправились всего лишь неделю назад.

Оказавшись там, мы попали в руки коменданта, который отправил нас в камеры, совершенно уверенных в том, что нас расстреляют в течение часа. Поэтому представьте наше удивление от того, что в тот день больше ничего не случилось. Утром, однако, мы предстали перед военным судом и очень легко отделались: нас приговорили к тридцатидневному одиночному заключению на хлебе и воде.

Но самым примечательным во всем этом моём первом побеге оказалось, должен сказать, то, во что вы, думаю, с трудом поверите. Однако это совершенная правда. Мы узнали позднее, что, пока нас не доставили назад к месту заключения, моё отсутствие не было замечено, только подозревали в побеге другого пленного. Могу сказать, что в том лагере содержалось более 30 000 пленных. Так что моё незамеченное отсутствие было не так уж удивительным, в конце концов.

По окончании нашего одиночного заключения нас снова вернули к прежним обязанностям, но перевели в другую часть лагеря, в то место, из которого было практически невозможно вырваться. Там мы оставались несколько месяцев. Затем постоянная мобилизация людей разных классов привела Австрию к нехватке мужчин.

И нас посылали на всевозможные тяжёлые работы в суровых условиях. Работали мы на земле, помогая сельчанам.

Что касается меня, я был переведён в местечко под названием Тораксентиниклош*, где было большое имение, разводившее лошадей. Все пленные, направленные туда работать, были русскими кавалеристами, в основном казаками, и мы вскоре нашли, что, хотя работа поначалу казалась тяжелой, всё ж такая жизнь стала очень приятной переменной по сравнению с лагерным существованием. Самое главное, еда была намного лучше, и, в конце концов, нам стало совсем неплохо.

По мере того как проходили месяцы, хотя это может показаться неправдоподобным, охранники имения один за другим отзывались, пока не остался только один тюремщик. Но никто из наших, за исключением меня, не задумывался ни о каком побеге. Условия по сравнению с тем, через что все мы прошли, были просто комфортными.

Однако я считал, что как раз настало время снова попробовать. Несколько прошедших недель я рисовал планы, просто откладывая свой побег, потому что надеялся убедить одного казацкого офицера по имени Ямеш попытаться убежать вместе со мной. Сначала он совсем не желал уходить из имения, — просто по причине, которую я разъяснил. Но через некоторое время я добился его согласия, ибо как раз тогда просочились слухи о том, что русская армия опять вот-вот перейдёт Карпаты.

Подготовленные на этот раз намного лучше, однажды ночью мы покинули это местечко, простившись с нашими товарищами. Теперь мы были хорошо оснащены для нашей попытки. По крайней мере, я так считал, раздобыв надёжный компас и такую же надёжную карту. Кроме того, у каждого из нас было достаточно денег. О еде, должен сказать, мы вообще не беспокоились, так как знали, что её можно получить у русских пленных, работавших по всей стране.

*Населённый пункт в медье Яс-Надькун-Сольнок, Центральная Венгрия
(прим. составителя)

Мы наслаждались свободой два с половиной месяца. Несколько раз мы видели на дорогах военные подразделения, но они не разыскивали нас, и было достаточно залечь, чтобы не дать себя обнаружить. Затем в одно из воскресений мы подошли к окраине городка под названием Надь Варад*, открыто шагая по дороге и надеясь сойти за расконвоированных пленников, воспользовавшись паролем. Но мы не знали того, что в воскресенье пленным не разрешалось гулять по этому городу или около него, так как он был прифронтовым. Поэтому когда мы сидели на обочине, отдыхая на солнышке, подошел патруль и просто заграбастал нас. Они знали, что если мы в этот день гуляем, у нас нет на это разрешения от военных властей.

На этот раз нас не отправили в имение, откуда мы сбежали, и не особо наказали. Конечно, совсем безнаказанными мы не остались, а что нам пришлось испытать, я расскажу. В наручниках, с поднятыми руками, привязанными к столбу, мы висели над землёй. Так, что если нам хотелось опереться на землю, веревки впивались в наши запястья, причиняя сильнейшую боль. Такую вот «шуточку» нам приходилось терпеть по четыре часа в день в течение недели.

А когда здесь, в Надь Вараде, вскрылось, что это был мой второй побег, меня посадили в подземную камеру тюрьмы. В той камере сидел ещё один человек, который, как оказалось, в мирной жизни был художником. Эта камера, должен сказать, была очень тёмная, и нас продержали там около месяца, ежедневно выводя на прогулку только туда и обратно по коридору под наблюдением вооружённых охранников на очень короткое время. Затем в одно утро в тюрьму пришёл с инспекцией один офицер славянского происхождения, он открыл задвижку в верхней части двери и спросил, есть ли у нас жалобы. В ответ мы сказали, что нет, но мы бы очень хотели, чтобы окошко оставляли открытым, дабы в камеру попадало больше света и воздуха. По нашему акценту он

*Ныне румынский город Орадя, располагается на границе с Венгрией
(прим. составителя)

узнал в нас братьев по крови и, думаю, он терпимее отнёсся к нам, чем если бы это был кто-то другой, и нашу просьбу удовлетворили.

Через неделю по той или иной причине этот же офицер ещё раз заглянул к нам и опять спросил, нет ли у нас жалоб. На этот раз мы оба имели просьбы. Художник попросил материалы для рисования, а я — ножичек и материал для резьбы по дереву. Как вы, должно быть, помните, я научился резьбе по дереву во время первой части моего заключения, и мне казалось, что этим смогу развлечь себя в томительно тянущиеся дни и ночи.

Так как мы были образцовыми заключёнными, наши просьбы удовлетворили. И первое, что сделал художник, — нарисовал эскиз портрета этого офицера, как он его успел разглядеть, когда тот ненадолго появлялся в окошке. На следующий день, когда мы гуляли для разминки по коридору, он показал этот рисунок одному из охранников, который сразу забрал его и сказал, что художника ждёт суровое наказание за то, что он посмел сделать это без разрешения. И с порицанием нас вернули обратно в камеру.

Вскоре после этого пришёл тот офицер, приказал открыть камеру и велел нам выйти. Тут он спросил, кто из нас автор рисунка, а когда узнал, очень удивил нас, велел художнику прямо сейчас же сделать нормальный портрет, для чего ему принесли свежие материалы. Офицер был доволен тем, что получилось, он освободил нас обоих и послал на очень лёгкие работы. Причина того, почему он облегчил условия наказания и мне, состояла в том, что художник объяснил — именно я предложил ему нарисовать первый эскиз.

С лёгких работ в тюрьме нас постепенно перевели на уличные работы, что опять подталкивало меня к новой попытке сбежать. Теперь, намного более опытный, чем раньше, я решил, что при таких послаблениях для заключенных лучшим способом для попытки будет уйти совершенно открыто. Я собирался направиться в город Коложвар*, где, как я слышал в тюрьме, знаменитый герр Шмидт держал большой цирк. Так что я пришёл на вокзал и, не

*Ныне город Клуж Напока, расположен на северо-западе Румынии
(прим. составителя)

вызывая никаких подозрений у тамошних служащих, разузнал, какой поезд отправлялся в этот город. Разузнав всё, я спрятался в одном из багажных вагонов.

Никто не подозревал, что я в вагоне, поздно ночью поезд тронулся, и поездка прошла без происшествий, по крайней мере для меня, пока мы не прибыли в Коложвар. Тогда за полмили до станции я выпрыгнул из вагона в кусты, не получив каких-либо серьезных повреждений, и направился через поля. Наступившую ночь я провёл в старом сарае.

Рано утром я пошёл в город. Цирк Шмидта нашёлся быстро, и я попросил о встрече с хозяином. Сначала мой непрезентабельный вид — всклокоченная борода и неряшливая одежда — не благоприятствовал мне. Но я был настойчив, и устав от моего упрямства, вахтер наконец согласился провести меня к герру Шмидту.

Появившись перед ним, я сразу же решил испытать судьбу и попросился на работу в его цирке, в красках описывая все многочисленные трюки, которые мог делать. Я видел, что в его глазах выгляжу очень подозрительно, но мне удалось, в конце концов, уговорить его, и он согласился позволить мне приступить к делу. Его склонило в мою пользу то, вы должны знать, что я упомянул о сенсационных силовых трюках. В его программе ничего подобного не было, даже каких-либо борцов, и перспектива хорошего выступления — нового шоу, какое я могу показать, — подвигла его к тому, чтобы дать мне работу.

Я начал выступать на следующий день со смешанным номером, так как было невозможно сразу сделать всё, на что я способен. Показанное мной, убедило хозяина, что я для него настоящая находка, и он тотчас же начал рекламировать меня. Всего через два дня после моего прибытия в цирк Шмидта возле здания и по всему городу висели афиши, объявляющие о появлении «Самого сильного человека в мире». Это, должен сказать, был первый случай, когда меня представили таким образом.

Шмидт остался так доволен моим выступлением и выручкой, которую оно давало, что купил мне новую одежду и великодушно

выплатил щедрый аванс. Но моему везению не суждено было продолжаться долго, чего, по правде говоря, я и сам не ждал. Однако я не вполне мог предвидеть, что всё закончится таким образом, как это вышло. Всё всегда происходит неожиданно, как вы хорошо знаете, и это случилось вот как.

ГЛАВА 3

Объявление о том, что в городе появился «Самый сильный человек в мире», привлекло внимание военного коменданта той местности, и он пришел однажды утром — на восьмой день моей работы, если точно помню, — желая узнать, почему такой выдающийся атлет, явно годный к службе, не находится в австрийской армии. Поскольку антрепренёр Шмидт не мог предоставить удовлетворительное объяснение — сам он, надо сказать, был освобождён от службы — за мной послали, чтобы я предстал перед комендантом. Конечно, я тоже не мог дать объяснений, и немного времени ушло на то, чтобы выяснить, что я — беглый пленный. Итак, я снова отправлялся в заключение, ужасаясь всяческих последствий.

Но ничего такого не произошло. По правде говоря, австро-венгры были, в общем, добры к пленным. Могу за это поручиться, не только на основании своего опыта, но и по тому, что пережили другие. Ни в какой другой стране — нет, даже в Англии, я уверен, — не давали таких послаблений, какие получали русские пленные в Австрии. Даже к бежавшим пленникам после того, как они попадались снова, было терпимое отношение, — как ко мне, так и к другим.

На этот раз, однако, разобравшись с моей историей, включавшей три побега, со мной обошлись намного жёстче, чем раньше, что, согласитесь, совершенно объяснимо. Если бы мои побеги сопровождалось применением насилия, меня бы наказали ещё суровее, ведь степень наказания зависела от тяжести преступления. Если бы я тяжело поранил кого-нибудь из охраны, меня бы

ужасно высекли. А если бы случилось так, что какого-то охранника убили, меня бы по совокупности расстреляли после поимки.

Меня доставили в военный трибунал и объявили приговор: одиночное заключение в крепости до окончания войны. Согласно этому, меня поместили в каземат, закованного в кандалы и в наручники. Камера, куда меня швырнули, была холодной и сырой, ниже уровня земли, свет и воздух в неё проникали через маленькое, прочно зарешеченное отверстие в стене высоко над моей головой, которое, похоже, выходило на ров с водой. Надо рвом не менее чем на 18 футов возвышалась стена, которая окружала крепость, делая побег если не невозможным, то, по крайней мере, очень трудным предприятием.

Но, несмотря на такое несчастливое положение, я не отчаивался. Шанс когда-нибудь да наступит, говорил я себе, и поддерживал свой дух насколько мог. Ибо знал, что впадать в хандру — это хуже всего на свете. Если представится возможность, а я буду в подавленном состоянии, могу не решиться воспользоваться ею.

В то время, когда я набирался душевных сил, происходили и другие события. Из-за того, что я был тесно закован и днём, и ночью — охранники снимали мои кандалы только дважды в день на время еды, — моя психика стала сдавать. Это значительно огорчало меня, так как я всегда гордился своей силой и выносливостью. И, глубоко поразмыслив, решил, что единственный путь остановить ухудшение своего физического состояния заключался в тренировке мускулов иным способом по сравнению с тем, что я делал, имея полную свободу действий. Вследствие моей беды, именно так возникла идея о системе упражнений, которая сейчас, в этой стране, становится такой широко известной. Именно в заключении разработаны те принципы, которые дают столь удивительные результаты.

У меня имелось достаточно времени, чтобы осуществить свои идеи: мне больше нечего было делать. Я быстро понял, что этот вид физической стимуляции можно выполнять долгими часами. Вместо растраты энергии она, напротив, только накапливалась. Это было большой удачей для меня во многих отношениях, если

вспомнить, в каком я находился положении. Ведь я не получал много еды, должен сказать, а то, что мне давали, было не особенно питательным. И так я продолжал заниматься около трёх месяцев, постепенно возвращая себе прежнюю форму и значительно укрепляя свои истощённые силы и энергию.

Примерно в это время случилось ещё нечто, чему было суждено обернуться более важным, чем казалось на первый взгляд. Показная покорность и смирение со своей участью несколько изменили условия моего содержания. Кандалы с ног сняли, и мне позволялось ежедневно выходить на прогулку по территории крепости под присмотром часового, при этом руки у меня были тесно связаны сзади.

Однажды, когда я так ходил, к охраннику подбежала собака, которая явно хорошо знала этого человека, а после него она повернулась ко мне, очевидно желая подружиться. Польщенный такой возможностью, я сказал собаке несколько ласковых слов и понял, что это очень умное животное, я чувствовал, что могу быстро обучить её нескольким несложным штукам. Получив разрешение охранника, как только мог, я провел с собакой предварительные занятия, на которые животное реагировало так, что просто удивляло меня, хотя я осведомлён о быстрой обучаемости собак. Мой охранник сообщил, что пёс принадлежит коменданту крепости.

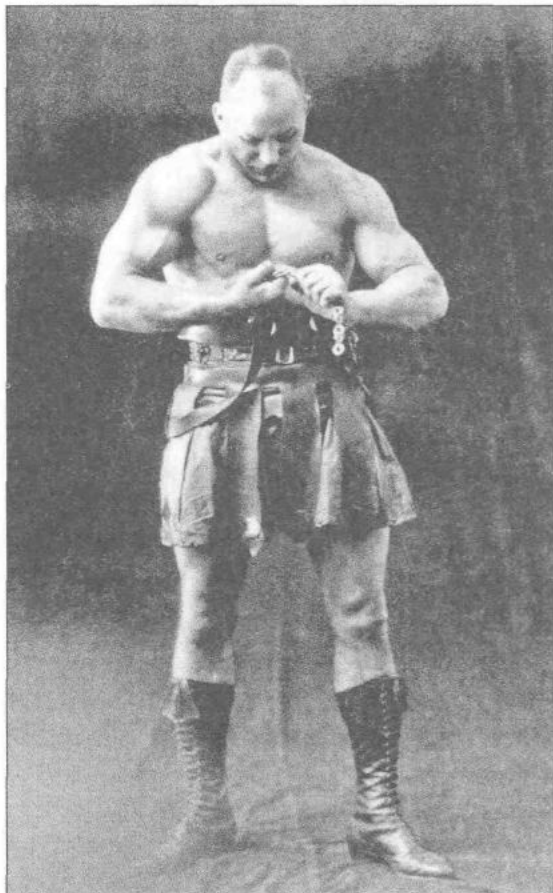
Это знакомство явилось долгожданной переменой в смертельной скуке моей жизни, и каждую возможность, которая у меня была во время прогулок, я использовал для дрессировки этого пса до тех пор, когда он, наконец, не смог уверенно исполнять некоторые трюки, заслуживающие большой похвалы. Однажды, занимаясь дрессировкой под присмотром охранника, я попался на глаза коменданту, который шёл через площадь по каким-то своим делам. Он быстро подошёл к нам. Вместо того, чтобы отчитать охранника или наказать меня, как мог бы поступить кто-то другой, тот показал большой интерес и удовольствие от того, что я смог сделать с его любимцем. Более того, он разрешил мне продолжить, убедившись, что раньше я был, кроме всего прочего, цирковым дрессировщиком.

Я указал ему на то, что, будучи связанным, не смогу выучить пса ничему новому, так как для нормальной работы с животными человеку нужны свободные руки. Освободить меня полностью комендант не соглашался. Но пошёл на компромисс, разрешив держать руки в наручниках спереди и на длинной цепи, что дало рукам почти полную свободу.

В тот день, вернувшись в свою камеру, я присел на край моей грубой кровати и задумался. Если мне будет позволено больше пользоваться руками, то появляются чёткие перспективы вырваться из моего узилища. Решётку я мог расшатать украдкой, если бы только нашёл подходящий инструмент, и я буду во все глаза присматривать что-нибудь, чтобы припасти и сохранить. У меня достаточно времени для того, чтобы всё обдумать и действовать по обстановке.

На другой день, когда меня снова повели на прогулку, мне приказали следовать за охранником к коменданту. Когда мы явились, мне было велено показать, на что способна собака. Комендант с большим удовольствием смотрел на смешные выходки животного, гордясь своим псом: ведь тут же присутствовали некоторые офицеры. И, в качестве награды за мое терпение, у меня спросили, есть ли пожелания, которые можно исполнить, не нарушая условий и срока моего заключения. Единственное, о чём я мог думать в тот благоприятный для меня момент, это получать побольше и получше еды. Выслушав эту просьбу, комендант пообещал подумать, что можно сделать в этом направлении. И он сдержал слово. С того дня меня стали кормить три раза в день и вкуснее, чем раньше.

Я продолжал дрессировать пса, когда меня выводили на прогулку. С полного согласия коменданта крепости наблюдение за моими передвижениями стало не таким строгим, как раньше. Мне теперь разрешалось переходить за ограждения, которые ранее обозначали пределы моих прогулок, и я использовал каждую благоприятную возможность для поиска всего, что можно будет использовать для побега. Наконец однажды я высмотрел кусок железного прута, который, я был уверен, послужит моей цели. Под видом игры с собакой я по-

добрал его, не привлекая внимания, и спрятал под одеждой. А перед этим припас кусок закалённой проволоки, которая, как я думал, могла пригодиться для открытия наручников, она в ожидании подходящего случая лежала запрятанной в матрасе моей кровати.

Той ночью в камере я приступил к подготовке побега. Там было три прута, перекрывавших окно, и я просчитал, что если смогу расшатать кладку сверху и снизу одного из крайних прутьев и вытащить его, то с его же помощью выверну остальные. Этого окажется достаточно, чтобы выползти наружу. Цепь, соединявшая наручники, я знал, не будет мешать мне в работе, и когда настанет подходящий момент, смогу разломать ее на кусочки, просто перекрутив пальцами, как я делаю на сцене, многие из вас могли это видеть. Браслеты на запястьях я надеялся разомкнуть куском проволоки. Я видел раньше, как это делает-

ся, и знал, что это не будет особенно трудным делом.

Чтобы начать подготовку, потребовалось заточить мой железный прут, и я сделал это, обтачивая его о каменный пол в углу камеры, где никто никогда не заметит следов. На всё ушло время, больше недели, но наконец я решил, что прут достаточно остёр, чтобы им можно было воспользоваться. После того как точил его каждую ночь, должен сказать, я прятал его в матрасе вместе с куском проволоки. Матрас за время, что я пребывал в этой камере, никогда не меняли и даже не проверяли. Как только я начал ковырять вокруг камня, в который был погружён оконный прут, понял,

что моя задача окажется намного проще, чем я предвидел. Как было сказано ранее, каземат из-за рва с водой был сырым. И сама крепость была старой. Следовательно, ржавчина и время вызвали эрозию и металла, и кладки: первый разъедала ржавчина, вторая крошилась под действием заострённого инструмента.

Около двух недель я работал еженощно, сметая каменные крошки в ров, и, наконец, нижняя часть прута была свободна. Слегка потянув его, убедился, что смогу вырвать его, как только захочу попытаться выбраться. Это, однако, пришлось отложить до тех пор, пока не смогу найти веревку, которая доставала бы от верха стены до земли. Я смог добыть несколько кусков за последние дни. Связанные вместе, они были запрятаны в матрас. Но пока их длины было недостаточно.

Ибо моя задумка оказалась таковой: когда я буду готов, порву цепь, сковывающую мне руки, и открою наручники кусочком проволоки, после чего выдерну прут из окна, затем раздвину оставшиеся два. Сделав это, согну заточку в крюк с острым концом и прикреплю его к веревке, обмотаю её вокруг тела, выпрыгну из окна в ров и переплыву его. Перебравшись на другую сторону, закину крюк на стену, взберусь по веревке и спущусь с обратной стороны стены. Оказавшись на свободе, я не без оснований мог полагаться на свои способности куда-нибудь скрыться до поры, когда будет безопасно пересечь линию фронта.

На следующий день, когда я гулял с собакой, я изловчился добыть новый кусок веревки и незаметно пронёс его в камеру. Этого всё ещё было недостаточно для моей цели, но я решил больше не ждать, так как слышал от охранника, что все сильные пленные из этой крепости будут отправлены на французско-германский фронт рыть окопы, поскольку ожидалось большое наступление союзников. Но я не собираюсь во Францию, сказал я себе, чтобы меня там разнесла на кусочки артиллерия. Когда они придут за мной, меня не будет. Ибо именно утром нас намеревались построить и отправить железной дорогой к месту назначения. По крайней мере, так сказал охранник. Вы можете подумать, что было глупо начинать

моё предприятие до того, как я подготовлюсь должным образом, зная, что произойдёт, случись мне снова попасться. Но в запасе у меня был ещё вариант, как вы скоро увидите.

Итак, когда наступила ночь, я тихо лежал, пока не убедился, что охранники ушли в свои комнаты, расположенные в некотором отдалении, при этом никто не присматривал за узниками после заката, это не считалось необходимым, так надёжно они были заперты и отгорожены решетками. Тогда я поднялся и принялся трудиться над цепочкой. Минут пять ушло на то, чтобы разорвать её. Потом взялся на наручники. Но открыть их проволокой оказалось намного труднее, чем я предполагал: не хватало освещения. Поэтому мне не оставалось иного выбора, кроме как оставить их, но это означало, что мне нужно оторвать две половинки цепи от наручников, иначе они бы мне очень мешали. На это не ушло много времени, и теперь я был готов уделить внимание пруту, который быстро вынул из пазов.

Удалив прут, я вставил его между двумя другими и начал выгибать их. Вскоре я раздвинул их, но мне не удалось сделать таким способом достаточно широкий проход, чтобы пролезть между ними. Так что, отложив прут, я стал изо всех сил вырывать их из кладки. Несмотря на то, что они значительно ослабли, мне поначалу не удавалось это сделать. Но, упорно продолжая работу, я смог, в конце концов, высвободить верхний конец среднего прута, после чего вытащить его получилось сравнительно легко.

Освободив проход, я должен был теперь сделать крюк из заточки, которая так хорошо послужила мне, и я лихорадочно принялся сгибать её в нужную форму. Доделав это, прикрепил к крюку получившуюся верёвку и, не заботясь о наручниках, обмотал её вокруг тела, выполз через окно и осторожно соскользнул в воду. Я поплыл через ров, благополучно перебрался на другую сторону и стал переползать пространство, отделявшее затенённое место возле стены. Что меня увидят, я не особо боялся, так как ночь была черным-черна, и в любом случае подозревал, что наблюдение с башен крепости не было особенно пристальным,

так как побега в этом месте никто не ожидал. Тем не менее, желательно было действовать осторожно.

Добравшись до стены, я стал пробираться вдоль неё всё ещё ползком, пока не достиг места, где всего в нескольких шагах от стены стояло дерево. Я, конечно, заранее знал об этом дереве и о том, что оно росло близко к стене. И зная это я нашел в нём выход из положения, в котором оказался из-за недостаточной длины веревки. Про этот способ, вы помните, я намекал ранее.

Взобравшись на дерево и забросив с него веревку, я рассчитывал, что смогу попасть на верхушку стены. Итак, без малейшей задержки вскарабкался на дерево, прополз как можно дальше по одной из веток, тянувшейся в нужном мне направлении, и начал забрасывать веревку на стену. После нескольких неудачных попыток я смог зацепить крюк, натянул веревку, проверяя, насколько крепко она держится, чтобы можно было перескочить по ней с дерева. То ли я неверно оценил зацеп, то ли на мгновение ослабил натяжение, когда соскочил с ветки, но как только налетел на стену, крюк отцепился, и я грузно рухнул на землю.

Минуту или две я лежал ошеломлённый, но, к счастью, ни одна кость не была сломана. Затем, придя в себя, я влез вверх по дереву еще раз, снова пытаюсь зацепиться. После нескольких тщетных попыток я добился крепкого, как казалось, захвата и полетел с дерева во второй раз наудачу. Я налетел на стену с глухим стуком, который отдался во всех моих членах, и в этот миг чуть было не выпустил веревку. Но крюк удержался, и, попеременно меняя руки, я карабкался вверх по верёвке, пока, в конце концов, не добрался до верхушки. Там я задержался только для того, чтобы понадежнее закрепить крюк в нужном мне направлении. Затем, стравив веревку, спустился по другую сторону стены, спрыгнул и вновь стал свободным человеком.

ГЛАВА 4

Совершив побег из крепости, я избавился от стальных оков без особых трудностей и отправился в Будапешт, до которого не сразу добрался, переживая и невзгоды, и захватывающие приключения. На моём пути мне пришлось полагаться на русских пленных, работавших в сельской местности, получая пропитание от них, а когда не удавалось добыть что-нибудь таким способом, мне приходилось обходиться вовсе без еды. Погони, как обнаружилось позднее, не следовало особенно опасаться. Ибо отношение Австрии к русским пленникам, которых она удерживала, значительно изменилось со времени революции большевиков. Всегда довольно терпимое, как я говорил ранее, сейчас оно стало ещё более доброжелательным. И, к тому же, у неё были свои заботы. Сказывалась блокада союзников, и Австрия с трудом могла прокормить своих пленников, число которых достигало сотен тысяч. Так что, когда кто-то хотел освободиться под честное слово, его обычно отпускали, и он должен был найти работу, чему оказывался только рад. Военный контроль в то время, о котором я говорю, здесь, в Австрии, был слабым.

Из-за всего этого я смог, когда добрался до Будапешта, наняться в порту на работы по погрузке судов. В отношении денег и еды положение было неплохим, пока ты справлялся с работой, делал её хорошо и быстро, а с властями не было особых проблем. Здесь я пробыл довольно долго, взаправду наслаждаясь работой, так как я считал это отличной тренировкой. Затем, однажды, тяга к перемене мест вновь охватила меня, и я снова бросил всё.

Настоящая причина ухода с этой работы была в том, что в Будапешт недавно прибыл большой цирк, который назывался Бекетовским, и я думал, что смогу получить там работу либо атлета, либо борца. Но когда я обратился туда, оказалось, что исполнителей там больше, чем работы. Следовательно, для меня там не было места.

Директор цирка, однако, хоть и не мог меня устроить, дал мне рекомендательное письмо для Чая Яноша, очень известного

австрийского борца, который имел собственный цирк. Основу труппы составляла команда борцов, в которую входил он сам и его пятеро не менее знаменитых братьев. Это было похоже на то, куда мне и надо было попасть. После недолгих поисков я обнаружил жилище Чая Яноша и положил перед ним это письмо и мое прошение.

На сегодняшний день из всех людей, кого я встречал в борцовском деле, Чая Янош был, должен сказать, самым примечательным. Он соединял в себе мощную статью и ужасную силу с соразмерным с ними умом. И позднее он стал одним из самых лучших в моей жизни друзей. Ему я поистине обязан очень многим, и я не только готов, но и рад признать это.

Вдобавок к своим другим свойствам, Чая Янош был очень молчалив. Получив конверт, он разломал печать и прочитал письмо, затем знаком пригласил в свою комнату и указал на стул. Он осмотрел меня, сидевшего, сверху донизу. Довольно долго не произносил ни единого слова, так что я подумал, что он, должно быть, немой. Но он таки мог говорить, старина Чая Янош, когда считал, что есть существенный повод. И вот он заговорил, — только чтобы узнать, не голоден ли я. Услышав, что не ел довольно давно, он послал за провизией, которой я воздал должное, чудесно пообедав.

Когда мое пиршество закончилось, Чая Янош, который всё время моей трапезы беспрерывно курил, стал расспрашивать обо

Фотография Ч. Яноша в журнале «Геркулес»

мне, и, насколько мог позволить себе, я кое-что поведал ему. После этого он снова погрузился в молчание. Через некоторое время, однако, он снова заговорил. «Всего, что я должен знать о тебе, ты не сказал, — промолвил он, — если нам придется работать вместе, ты должен быть полностью откровенным со мной. Тебе не нужно меня бояться. Но я должен знать о тебе всё».

Поскольку мне пришлось по сердцу его взгляд и обращение, я рассказал ему всё. Когда закончил, он похлопал меня по плечу. «Ты с такой же душой, как и у меня, — сказал он. — Думаю, мы очень хорошо поладим. Но всё-таки я должен ещё и посмотреть, что ты можешь делать. Мы сейчас разбираем цирк, он будет готов к отъезду не раньше, чем через четыре дня. Приходи тогда в это же время и найди меня снова, а я тебя испытаю. Если ты так хорош, как уверяешь, то возьму в труппу и стану неплохо платить».

На том и порешили. В назначенное время я вновь пришел к нему, и мы пошли в цирк в компании с его братом Иосифом, почти таким же гигантом, как мой гостеприимный хозяин и потенциальный работодатель. Добравшись до места, я был представлен другим членам труппы, числом восемнадцать, и выставлен для испытания против парня, весившего около 20 стоунов, румыном, которого звали, как потом узнал, Пашкофски. Его я бросил за три минуты, вывихнув ему плечо и сломав ключицу, ибо схватка вышла хоть и короткая, но чрезвычайно яростная.

Результат очень понравился Чая Яношу. «Ну, ты показал, что годен, друг Засс, — сказал он, — можешь отныне считать себя одним из нас». Так вот я поступил в цирк Чая Яноша и обрёл его ценную и крепкую дружбу.

В этом цирке я оставался около двух с половиной лет, постоянно работая, и почти всегда преуспевал, объезжая Венгрию в летние месяцы, а каждую зиму мы проводили в Чехо-Словакии, Румынии, Сербии и Австрии. За всё это время я ни разу не испытал унижения от того, что мои лопатки прижаты к земле. Я был второй после Чая Яноша — с которым не мог бороться из-за огромной разницы в весе — звездой борцовской труппы.

Перед тем как перейти от этой части моей жизни к следующей, расскажу, как мы обычно работали в борцовской части шоу. Каждое представление борцы выходили под музыку нашего циркового оркестра, состоявшего из первоклассных музыкантов. Чая Янош возглавлял колонну, а я замыкал её. Затем, после того как мы проходили маршем один круг по арене, на неё приглашались желающие померяться силами.

Как только таковые выходили на сцену, им сразу же говорили, что перед тем как можно будет встретиться с Чая Яношем, чемпионом, они должны начать с конца, с самого невысокого члена группы, и продолжать дальше. Я был, конечно же, тем парнем, с которым они должны бороться, а так как никто меня никогда не побеждал, у них не имелось шанса посостязаться со всеми другими. А нам того только и надо было. Некоторые из борцов не годились для тяжёлой борцовской работы, так как время расцвета их сил давно прошло, настоящей причиной их включения в труппу являлись лишь показательные бои. Когда не выходил ни один претендент, а такие случаи бывали, тогда мы боролись между собой. Представление обычно заканчивали мы с Чая Яношем, проводя энергичную схватку друг с другом.

После выступлений в течение упомянутого времени в цирке Чая Яноша у меня появилось желание поменять свой номер. Я устал от борьбы и хотел перемен. Сначала я решил поставить другой силовой номер, похожий на тот, с которым работал до войны. Но после размышлений я отбросил эту мысль, выбрав вместо этого номер с собаками. У меня уже была собака, которую я выучил исполнять умные штучки – среди них было переднее сальто, трюк, на который у меня ушли месяцы, пока животное не научилось его делать, — и с этим номером я рассчитывал получить передышку для отдыха.

Я знал, что есть одно заведение, которое специализировалось на представлениях подобного рода, и обратился к его управляющему за ангажементом. После того как я дал пробное шоу, меня приняли, причём это выступление, поскольку у меня в то время была

Фотография А. Засса на паспорт

лишь одна собака, состояло из нескольких разнообразных сложных акробатических номеров. Мы исполняли их с одной юной леди, встреченной мной в Сербии. Звали эту леди мисс Китти, и в дополнение к тому, что она была хорошей эквилибристкой, она была еще и совершенной наездницей. Вдвоём мы давали, как считалось, очень увлекательное шоу.

Время, однако, показало, что представление с собаками ценилось выше, где бы мы ни выступали. Я набрал ещё собак и тоже выдрессировал их, и постепенно у меня в шоу работала уже четвёрка. В Талоте — так назывался этот цирк — я пробыл один сезон, за-

тем приехал с моим номером в Будапешт, где выступал в «Казино» и «Орфее». Меня принимали с большим воодушевлением. Однако пока я там работал, со мной случилась беда. Перебегая из одного зала в другой, я подхватил простуду и из-за последовавших осложнений оказался в лечебнице на грани жизни и смерти. Когда я вышел, от меня прежнего оставалась только тень. Собаки и девушка, должен сказать, уехали в Сербию, чтобы выполнить заключённый ранее контракт, при этом мисс Китти проявила такой интерес и способности к этой работе, что оказалась годной выступать с животными вместо меня.

Как только смог, я поехал вслед за моим номером в Сербию и там поправился. Раньше, чем кончилось лето, я при помощи размеренной жизни и постоянной тренировки с использованием моих методов физической культуры практически вновь обрёл свою былую силу и форму, которыми всегда так гордился. И, как

только вернулся в царство физической мощи, старое желание выйти на публику как силовой атлет снова начало овладевать мной. Но для того, чтобы возникла такая возможность, пришлось какое-то время подождать, так как там, где я сейчас работал, не предвиделось случая для желанного шоу.

Затем, покуда я колебался, оставить ли мне эти мысли и продолжить выступать с собаками, Шмидт, который, вспомните, являлся тем самым человеком, давшим мне работу с силовым номером, когда я был военнопленным, прислал мне письмо, где попросил вернуться в Будапешт, говоря, что у него для меня очень важное предложение, такое, которое означает много денег в моих карманах, если только соглашусь. Такое бывает, говорил он мне, раз в жизни, и, зная его как человека, на чьи слова можно положиться, я решил принять его предложение и тотчас же вернуться в Будапешт. То, что случилось в результате, переносит меня в последнюю часть моей истории.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ГЛАВА 1

Оказавшись снова в Будапеште, я, не теряя времени, пришел к Шмидту, чтобы выяснить, зачем я ему понадобился. И то, что узнал, меня заинтересовало. Если коротко, он хотел сообщить мне следующее.

В соседнем цирке, название которого я сейчас позабыл, было заявлено о появлении нового силача. Его звали Брайтбарт*, и номера, на которые он был способен, находились, по мнению многих, на грани чуда. Говорили, что он может рвать цепи, скрывающие руки и грудную клетку. Он мог голыми руками загонять гвозди в толстые доски и делать другие такие же удивительные вещи. Более того, он мог лежать на ложе из острых гвоздей, и его плоть оставалась невредимой, хотя на груди его размещался тяжёлый камень, по которому били кузнечными молотами. Ещё — и этот номер больше всего поражал воображение публики — растяжка лошадьми, которых он мог успешно сдерживать, тогда как

*Зигмунд Брайтбарт выдающийся цирковой атлет, род. в 1883 г. в Лодзи (Польша). Выступал в Европе и америке, где снискал огромную популярность. В 1923 году принял гражданство США. Умер в 1925 г. от заражения крови.

их погоняли в противоположные стороны. Шмидт очень верил в мои силы — намного больше, чем я сам в то время, — и замысел его был в том, чтобы заявить меня в своем цирке как конкурирующий аттракцион.

Шмидт хорошо помнил, как я удивлял публику, когда он давал мне работу раньше и, естественно, он искал меня, чтобы я помог ему выбраться из трудностей. Они как раз у него были, не сомневайтесь насчет этого. Такое шоу, которое заявил конкурирующий цирк, где выступит этот Брайтбарт, чрезвычай-

Зигмунд Брайтбарт

но подкосит его доходы. Герр Шмидт понимал это, как никто другой. Из-за этого он стремился устроить контр-аттракцион и выбрал меня в качестве такого противовеса.

Пока Шмидт говорил, я размышлял. Помимо признательности, которую к нему испытывал, возможность снова выступать в его цирке была очень заманчивой, не потому лишь, что он являлся самым щедрым моим работодателем. Она давала мне возможность пойти навстречу собственным наклонностям. И всё-таки нужно было обдумать очень важную вещь. Я только что оправился после тяжелейшей болезни, вы, должно быть, помните, и далеко не испытывал уверенности, что нахожусь в хорошей физической форме, которая требуется для вышеописанной работы. По правде говоря, я был совершенно убеждён, что несмотря на своё чудесное исцеление, нагрузка на мой организм от такого выступления очень скоро даст понять, что я уже не тот, что был когда-то. Мельчайший рецидив болезни, — и я не только перестану быть звездой выступлений, но и сам Шмидт из-за этого пострадает. Да, необходимо было понимать, что мне надо действовать осмотрительно.

Когда Шмидт закончил говорить, я выложил свои соображения, и он согласился с тем, что в любом случае рисковать было бы очень неразумно. Но он нисколько не хотел отказываться от своей идеи. «Почему бы тебе не пожить у меня, — сказал он, — и усиленно тренироваться, чтобы набрать нужную форму? Уверен, ты её хорошо восстановишь. Если нужны деньги на текущие расходы, я тебе с радостью дам их, так как это станет хорошим вложением».

Вера Шмидта в мои силы меня чрезвычайно воодушевила, а его щедрость — растрогала до глубины души. Но у меня не имелось ни желания, ни нужды воспользоваться его предложением одолжить денег, так как на прожитьё у меня было достаточно средств на долгое время: ведь мой номер с собачками был доходным. И, горячо поблагодарив его, я ему всё это объяснил. «Ну хорошо, — сказал он, — остановитесь здесь на время тренировок, воспользовавшись моим гостеприимством?» «Да, — ответил я, — так и сделаю. Когда можно начинать?» «Как только захотите приступить к работе», — ответил Шмидт. «Хорошо, — сказал я, — начну всерьёз заниматься завтра утром».

В течение дня я составлял планы. Если вообще собираюсь сделать что-либо путное с этой новой затеей, то должен подготовиться за месяц. Итак, приняв этот срок для своей подготовки как оптимальный, я начал расписывать, как буду работать в это время. Я собирался следовать приблизительно таким направлениям.

Первое, — разрывание цепи на груди и на руках — что, я подозревал, было не более чем трюком. Но ни я, ни Шмидт, как я знал, никогда бы не согласились на пустое трюкачество. Он всегда был непреклонен в этих делах, и правильно делал. «Если это силовой номер, — говаривал он исполнителям этого направления, просящимся на работу, и я это сам не раз слышал, — так это и должен быть силовой номер. Шулерство и приспособления для фокусов должны быть исключены». Именно из-за этих широко известных принципов репутация цирка Шмидта была высока.

Итак, как я начал рассказывать, номера с разрыванием цепей! Имелся только один способ сделать это по-настоящему, и это означало исполнять эти трюки, делая чистое расширение. Это значит,

что участвующие мускулы должны быть доведены до соответствующей силы и твёрдости, а значит, начинать подготовку я стану с тонкими цепями. Хвататься сразу за толстые цепи в надежде их порвать при продолжительной растяжке неразумно — не хватит сил... Секрет успеха в таких номерах в постепенном продвижении от одной стадии к другой, жёсткость испытаний увеличивается лишь на едва заметные шаги. Вам об этом скажет любой хороший учитель.

Теперь о гвоздях, которые я должен вгонять в деревянные доски! Ну, с этим номером можно было справиться похожим образом. Сначала тонкая доска, а моя рука защищена кожаной перчаткой, затем доска потолще, затем ещё толще. С лошадьми тоже надо было работать таким же способом.

Сначала я предложил, чтобы их на первых порах заменили людьми, растягивающими меня с двух сторон до тех пор, пока постепенно мог удерживать достаточное их число, равное по силе матёрой ломовой лошади. Лежание на гвоздях вообще меня не занимало. Этот номер был не нов. Я его делал раньше несколько раз. Но нельзя сразу бить молотами по камню, положенному мне на грудь. К этому мне надо было привыкать безотлагательно, сначала с лёгким камнем, затем брать каждый последующий раз более тяжёлый камень.

Для перетягивания каната — как это делают в Англии, судя по многим рассказам — вызвалось много желающих стать моими помощниками, так как другие работники цирка с радостью ассистировали мне под руководством Шмидта. Более увлеченную ватагу ребят, чем те, что выполняли здесь разные работы, трудно было бы сыскать. И так происходило со всеми номерами, для исполнения которых мне нужно было приглашать дополнительных участников. Никаких трудностей у меня в этом отношении не возникало.

Ежедневно я двигался вперед и в конце месяца обнаружил, что правильно определил срок, необходимый для своей артистической подготовки. В каждый из этих дней, конечно же, Шмидт заинтересованно наблюдал за всем, что я пытался сделать, и он был очень доволен тем, что лицезрел. «Ты — парень что надо, — сказал

Joseph Tenenboun (and his wife Leah Tenenboun); Certificate No. A. 12,635; Granted, 9th July, 1902; Revoked, 28th June, 1926. Reason: Absence from and Severance of Connection with the United Kingdom. (S. 7 (2) (d)).

Henry Zaris (his wife Polly Zaris, and two children Rose and Dave Zaris); Certificate No. A. 19,917; Granted, 30th January, 1911; Revoked, 22nd July, 1926. Reason: Absence from and Severance of Connection with the United Kingdom. (S. 7 (2) (d)).

Home Office,
Whitehall.
3rd August, 1926.

CHANGE OF NAME.

LIST of ALIENS to whom Exemptions under Section 7 of the Aliens Restriction (Amendment) Act, 1919, have been granted up to 31st July, 1926.

The name printed in larger type is that in respect of which the Exemption has been granted; then follow the former Name or Names and the Occupation or Business of the Alien or Aliens.

BOWMAN, A. & SON; Abraham Bowman; Card-board Box Manufacturers; 17 & 18, Richmond Street, London, E.C. 1.

BREGA'S RADIO SERVICE; Dante Charles Brega; Supply of Wireless Apparatus; 805, King's Road, Chelsea, London, S.W. 3.

BRUCE, CHARLES; Hans Bremer; Dollar Academy, Scotland.

BRUCE, FRED HUGH; Fritz Hugo Bremer; 15, Victoria Road, Withington, Manchester.

COHEN, B. & SON; partners, Barnet Cohen, Isaac Cohen; Wet, Dry and Fried Fishmongers; 83, High Street, Stoke Newington, London, N. 16.

GEKIERE, ALMA JOSEPHINE; Alma Josephine Ihsan; Waitress; 56, Old Compton Street, Westminster, London, S.W. 1.

HOFFENBURGH, H.; Harry Hoffenberg; Carpet Salesman; 281, Cheetham Hill Road, Manchester.

ITALIAN ART GALLERY; Giuseppe Alfredo Bellesi; Art Dealer; 32, Savile Row,

RICH & SON; partners, Theresa Rich, Morris Rich; Feather and Down Purifiers and Merchants; 8, Old Montague Street, London, E. 1.

RICHMAN, I. & Co.; Isaac Richman; Import and Export Merchants; c/o V. G. H. Medley, Esq; 4, London Wall Buildings, London, E.C. 2.

RUTTER & CO.; David Sheinman, Credit Outfitters; 100, Aldersgate Street, London, E.C. 4.

SAMSON; SAMSON INSTITUTE; Alexander Zass; Music Hall Performer; 271, Beresford Street, Camberwell, London, S.E.

SIDONIE LACORNE; Emma Sidonie Breant; Dressmaker, Modiste; Chandos House, Palmer Street, Victoria Street, London, S.W. 1.

SYRA DELIGHTS COMPANY; Constantine Andrew Voyajoglu; Confectionery; 36, Camomile Street, London, E.C.

THE CONTINENTAL DELICACY STORES; Fritz Heinrich Edward Giesecke; Provisions and Light Refreshments; 43, Charing Cross Road, London, W.C.

THE HANDY STORE; Emily Davidovitz; Drapery; 14E, Manor Road, Stoke Newington, London, N. 16.

THE NEW PALAIS DE DANSE; John Morrison; 15, Diamond Street, Aberdeen.

THE TOTEM MANUFACTURING CO.; Joseph Cyril de Forge; Automatic Amusement and Vending Machines; 7-8, Oxford Street, Southampton.

WINDHILL DYEING COMPANY; Dyers; Clifton Street, Manningham, Bradford.

Home Office,
Whitehall.

3rd August, 1926.

Downing Street,
3rd August, 1926.

The KING has been pleased to give directions for the appointment of Major Harold Kenworthy, O.B.E. (Superintendent of Public Works), to be a Member of the Executive Council and an Official Member of the Legislative Council of the Colony of Seychelles.

он, воочию наблюдая мой неизменный прогресс. — Это правда, что «Сильнейший человек мира» скоро появится в Будапеште. Но его не будет нигде, кроме как в знаменитом цирке Шмидта. Хозяин очень гордился своим заведением, могу вам сказать. И, конечно же, у него имелись для этого все основания.

Мы долго искали подходящее имя, такое, чтобы говорило само за себя. Сначала Шмидт предложил одно, которое вызвало у меня возражение, затем я сам придумал такое, на которое он отреагировал столь же отрицательно. Затем госпожа Шмидт предложила свой вариант. «Почему бы не назвать его Самсоном? — сказала она. — Самсон был величайшим из силачей, а Александр, конечно же, величайший из всех, кого мы знаем». «Великолепно! — сказал Шмидт, — Что скажешь, Александр?» «Мне всё одно», — ответил я. Итак, решили, что меня следует называть Самсоном.

Теперь, когда всё было на мази, Шмидт развесил по всему городу свои афиши, которые сообщали, что «Самсон — сильнейший человек земли» скоро начнет выступать в его цирке и заявляли от моего имени, что, будучи намного меньше в размерах, чем был по официальным данным, Брайтбарт, я стану делать более мощные номера. Дата, открывающая мои выступления, должен вам сказать, совпадала с намеченным появлением Брайтбарта. И с нарастающим день ото дня волнением я доводил своё выступление до ума.

Наконец решающий день наступил, и, как было заявлено в афишах, я вышел со своим номером. Но представление соперника, которого столь сильно опасался антрепренер Шмидт, так в Будапеште и не состоялось. По той или иной причине Брайтбарт не смог появиться; следовательно, мы оказались предоставлены сами себе и собрали бо́льший урожай, чем предполагалось. В то время было сказано, что Брайтбарт, прослышав, что я здесь — а он знал обо мне так же, как я о нем, — решил не рисковать и поступил соответствующе. Но, думаю, не этим объяснялось его отсутствие. У меня есть все основания полагать, что он не смог появиться потому, что не удалось выправить необходимый паспорт. Так или иначе, я находился здесь, в Будапеште, делая выходы по нескольку

раз в день, собирая публику в двух огромных залах, и получал самое большое жалование из того, что мне посчастливилось до той поры держать в руках. И Шмидт был доволен, как только может быть доволен человек. Никогда раньше, по его словам, он не имел дело с такой выручкой в течение столь долгого времени. Он не мог нарадоваться на меня и за то время, что я работал с ним, поднимал моё жалование три раза без всяких просьб с моей стороны.

У нас так хорошо получалось, что трудно сказать, как долго бы я оставался там, будь это лишь вопросом простого выбора. Но это, однако, оказалось не так.

Однажды из Франции прибыл интересный посетитель, некий мосье Дебрэ, так его звали, и его приезд изменил весь ход событий. Он представлял, как доложил Шмидту, парижский Новый цирк, и его работа в Будапеште заключалась в поиске и, по возможности, привлечении любых номеров, которые могут оказаться интересными для Весёлого города. И мой номер, по его словам, был как раз таким, который наверняка будет с радостью воспринят его патронами. Может ли антрепренёр Шмидт отпустить меня? И если так, на каких условиях я приму это предложение?

Мы со Шмидтом обсудили этот вопрос. По правде сказать, у меня не было желания покидать его. Как я вам говорил, мы очень хорошо ладили, и моё выступление по-прежнему собирало каждый день переполненные залы. Опять-таки, я считал, хоть и не был связанным каким-либо особым контрактом, что у меня есть моральные обязательства, так как именно Шмидту обязан моим нынешним процветанием. И об этом я ему много говорил.

Но мою точку зрения, хоть и высоко её оценив, он не разделял. «Однажды ты должен будешь уйти от меня, Самсон, — сказал он, — и, хотя мне действительно жаль терять тебя, не хочу, тем не менее, стоять у тебя на пути. Поэтому давай посмотрим, что директор Дебрэ предлагает тебе. Если намного больше, чем ты можешь гарантированно получать здесь, что, скорее всего, так, тогда будь благоразумным и прими его предложение».

ÉTABLISSEMENTS CHARLES DEBRAY

247, Rue Saint-Honoré — PARIS
ADRESSE TÉLÉGRAPHIQUE : NOUVOICQ PARIS

ENGAGEMENT

ANNÉE 1923
NOM Jasson
DURÉE un mois

Appréciation
4000 fr par mois pour
2 millions par représentation

Entre les soussignés :

M. CHARLES DEBRAY, directeur des Etablissements Charles Debray, affiliant
247, rue Saint-Honoré, à Paris;
et M. Jasson
engagement et actuellement à Paris
pour l'exécution des présentes à Paris
Il a été convenu et arrêté ce qui suit :

ARTICLE PREMIER

Charles Debray en qualité de directeur des Etablissements Charles Debray, affiliant
M. Jasson en qualité de directeur des Etablissements Charles Debray, affiliant
pour y être utilisé selon les moyens que le Directeur lui reconnaitra et ainsi qu'il sera convenu.

ARTICLE 2

Service des répétitions : se rendre au lieu
et verbalement, soit par le tableau
dans l'établissement

Chaque artiste
toutes les fois qu'il e
II s'oblige
commentement de
Le cas de m
de la Direction : a

Aucun ar
prié à Paris à l
après le présent
montant des r

Aucun
et sans que
La direction
ce dite pe
aucun eng

Ar
dant le
gnes pa
infracti

Char

3 - Si l'artiste ou l'artiste de plus au
l'ordre de service de l'artiste, le
service tout chef de service ou maître pour ou
le cas de

4 - Si l'artiste ou l'artiste de plus au
l'ordre de service de l'artiste, le
service tout chef de service ou maître pour ou
le cas de

5 - Si l'artiste ou l'artiste de plus au
l'ordre de service de l'artiste, le
service tout chef de service ou maître pour ou
le cas de

6 - Si l'artiste ou l'artiste de plus au
l'ordre de service de l'artiste, le
service tout chef de service ou maître pour ou
le cas de

7 - Si l'artiste ou l'artiste de plus au
l'ordre de service de l'artiste, le
service tout chef de service ou maître pour ou
le cas de

8 - Si l'artiste ou l'artiste de plus au
l'ordre de service de l'artiste, le
service tout chef de service ou maître pour ou
le cas de

9 - Si l'artiste ou l'artiste de plus au
l'ordre de service de l'artiste, le
service tout chef de service ou maître pour ou
le cas de

10 - Si l'artiste ou l'artiste de plus au
l'ordre de service de l'artiste, le
service tout chef de service ou maître pour ou
le cas de

11 - Si l'artiste ou l'artiste de plus au
l'ordre de service de l'artiste, le
service tout chef de service ou maître pour ou
le cas de

12 - Si l'artiste ou l'artiste de plus au
l'ordre de service de l'artiste, le
service tout chef de service ou maître pour ou
le cas de

ARTICLE 10

La Direction des Etablissements Charles Debray n'ayant pas de crédit, les Artistes des
Autres et Compagnies de musique, ayant son crédit, se trouvent à Paris, l'artiste d'engage
sans se soumettre à la Direction de la musique de la Direction, la Direction se réservant de faire le
rapport des Etablissements Charles Debray l'artiste d'engagement, sans peine de résil
tion du présent contrat.

ARTICLE 11

Le présent engagement ne pourra jamais être rompu par l'un des contractants qui en posent le
délit de résiliation du contrat sans préjudice de tous dommages et intérêts qui pourraient, en outre, être
revendues par le Directeur dans le cas de résiliation de l'artiste et assésimement dans tous les cas d'intérêt
de la Direction des Etablissements Charles Debray.

ARTICLE 12

Pour l'exécution des présentes, les parties ont déclaré, au domicile en leurs demeures et leurs
municipalités à Paris et juridiction de juridiction au Tribunal de Commerce de Paris. Les frais de
timbre et d'enregistrement des présentes, ainsi que tous autres, restent à la charge de l'artiste
signataire qui en est obligé.

Le présent engagement est fait par les soins de l'Agence Charles Debray, affiliant
l'artiste à la Caisse de la Direction des Etablissements Charles Debray, affiliant
fait double et de bonne foi.

L'Artiste,

Jasson

Le Directeur,

Charles Debray

Контракт,
подписанный А. Жассон
с Шарлем Дебрэ
20 мая 1923 г.
в Будапеште.

Так мы и заявили представителю Нового цирка и нашли, что он уполномочен предложить мне намного больше того, что я зарабатывал прежде, при том что на тот момент жалование казалось мне огромным. И, как мне посоветовали, я принял его предложение, договорившись поехать в Париж в конце недели. Когда все было утрясено, я написал мисс Китти, дав ей инструкции приехать с собаками, как только она освободится, описав ей все принятые решения.

В Париж я прибыл в 22-й день октября 1923 года и дебютировал, как это предсказывали, с огромным успехом. Но я недолго оставался в Новом цирке, так как скоро понял, что спрос на мои услуги все время растёт, и я, в соответствии с этим, внимательно подписывал контракты. Я не мог позволить связывать себя с каким-то одним местом на слишком долгий срок. Моё жалование, как я понял, возрастало с каждым новым предложением работы. И до тех пор, пока я оставался не связанным контрактами надолго, всегда была перспектива, что оно повысится ещё больше.

Оставив моих собак в Париже с мисс Китти, которая по прибытии не имела никаких трудностей с ангажементом, я последовал в Швейцарию, затем — в Италию, выступая не в цирках, а в залах варьете. Там меня застало ещё одно письмо, которому суждено было иметь важное значение в моей жизни. Это письмо, должен вам сказать, пришло от одного агента мюзик-холла, который работал на меня, некоего Спадони, а смысл этого письма был таков.

Оказалось, что во время моего выступления в Париже его увидел некий господин Митчелл, представитель сэра Освальда Столла, который доложил своему шефу о моём успехе в таких благоприятных тонах, что мне предложили приехать в Англию и выступать там «гвоздём программы» в мюзик-холлах. И зная, что одним из моих заветных желаний было побывать в Англии, Спадони от моего имени принял это предложение. Следовательно, мне надо было отправляться туда почти что немедленно, а все необходимые бумаги и билеты прилагались к письму.

ГЛАВА 2

Итак, я приехал в вашу страну в одиночку, прибыв на станцию Виктория субботним вечером в начале 1924 года. Я тогда совсем не знал английского за исключением одного слова — «Колизей», что означало место, где мне предстояло выступать, как я понял из письма Спадони. Выйдя из поезда на перрон, я огляделся в поисках господина Митчелла, о котором мой агент сообщал, что тот встретит и позаботится обо мне. Но никого, кто должен был бы меня встречать, не увидел, хотя и ходил туда-сюда по платформе и оставался возле неё некоторое время. Затем, заметив, что я обескуражен, ко мне подошёл какой-то железнодорожный служащий и стал меня расспрашивать. Но этот добрый малый напрасно напрягал свой голос, ибо, как я сказал, по-английски я тогда не изъяснялся. Все, что мог сказать ему в ответ, было то единственное слово — «Колизей».

Этот чиновник, понявший, что я, видимо, хочу пройти к Колизею, хотя, думаю, ему было любопытно, как это я собираюсь попасть в него в этот вечерний час — препроводил меня наружу и остановил таксомотор. «К Колизею», — сказал он водителю, и, открыв дверь, жестами пригласил меня сесть в машину. И я уехал совсем не в том направлении, в каком хотелось бы. «Где же этот мистер Митчелл?», — спрашивал я себя в эти минуты. Но на этот вопрос некому было ответить.

После того как таксомотор проехал несколько улиц, которые, как я теперь знаю, находятся не так далеко от мюзик-холла, что я искал, водитель остановил машину и начал меня о чём-то расспрашивать, конечно же, безуспешно. По-видимому, желая удостовериться в моей платёжеспособности, он достал деньги из кармана и дал понять, что хочет от меня того же самого. «А! — подумал я про себя. — Он хочет узнать, есть ли у меня деньги на проезд. Ну да ладно же! Я ему покажу, как много их у меня». И так вот, раскрыв свою сумку, вытащил охапку немецких марок. А их у меня, должен вам сказать, было двадцать миллионов — я их до сих пор храню.

Отвращение, которое возникло на лице шофёра после того, как он понял, что это, было забавным. Несомненно, он знал им настоящую цену намного лучше, чем я. Но у меня были и другие деньги, всего пять английских фунтов, их я и показал ему, поняв ход его мыслей. Его глаза заблестели, манеры изменились, и он пригласил меня обратно в автомобиль. Итак, мы снова тронулись в путь к этому самому далёкому Колизею.

Ибо до него так долго было добираться от вокзала Виктория — по крайней мере, следуя направлению, выбранному этим таксистом. Мы неслись с ветерком, проезжая, казалось, милю за милю. Вполне очевидно, как я потом понял, этот малый считал, что долгая поездка в его авто пойдёт мне на пользу. Сейчас, зная ваш Лондон получше, я уверен, что он мог довести меня до Колизея вчетверо быстрее, будь у него на то желание.

Однако, наконец, он решил, что пора уже и добраться. Мы подкатили к зданию. Встав со своего кресла, он гаркнул: «Колизей!» И я вышел, озираясь вокруг и крепко вцепившись в сумку, в которой хранилось моё несметное, как считал, состояние вперемешку с рубашкой, воротничком, несколькими цепями и досками с гвоздями, на которых я должен был лежать во время выступлений.

Но мне не дали долго оглядываться, так как шофёр такси стал показывать, что пора бы ему уже познакомиться поближе с моими деньгами. Совершенно точно уяснив его намек, хотя и не разобрав ни одного слова, я снова достал мои пять соверенов и положил их на ладонь. Сколько ему надо дать, я, конечно, не знал, но он разрешил моё затруднение, забрав столько, сколько посчитал нужным — 4 фунта. Очень мило с его стороны, не правда ли, что он хоть сколько-то мне оставил.

Получив неплохой барыш, шофёр снова вскочил на своё сиденье, помахал мне рукой и укатил, возможно, обратно к вокзалу Виктория, поискать, нет ли кого, кто там болтается, подобно мне. Что до меня, то я обошёл Колизей, разыскивая, как ожидал, афиши с моим именем. Но ни одной такой афиши я не увидел просто потому, что их и не могло там быть. И это, конечно, меня удиви-

чайно озадачило. Возможно, подумал я, шофёр такси привёз меня не туда. Но нет, этого не может быть, сказал я себе в конце концов. Ибо он слишком громко крикнул «Колизей», чтобы было какое-то сомнение на этот счёт.

Я обошел здание, стуча во все двери, но, естественно, никто не отвечал, так как наступил слишком поздний час. Наверное, мне было лучше сказать, что час, скорее, был ранним, так как начинался воскресный день. За этим занятием меня застал подошедший констебль, при виде которого я впал в дрожь. Не зная языка, думал я, как объяснить, что я не вор и не пытаюсь взломать двери? Нравы английской полиции мне тогда не были знакомы, как сейчас. На Континенте, конечно, всё совсем по-другому.

Этот констебль, однако, не думал, что я пытаюсь сломать двери. Он понял, что я в беде, и сделал всё возможное, чтобы выручить меня. Обнаружив моё незнание английского языка, он ненадолго задумался, в то время как я пытался растолковать ему, что я артист, который должен выступать в Колизее. Наконец до него стало доходить то, что я пытался объяснить, и тогда он овладел положением, действуя в очень практичной манере.

Сперва он убедился в том, что у меня есть какие-то деньги, когда я показал ему свои немецкие марки — при виде которых он улыбнулся и покачал головой — и тот золотой соверен, который добрый шофёр такси оставил мне. Осмотрев все это, он окликнул ещё один таксомотор и велел шофёру отвезти меня в то место, которое, как я позднее узнал, называется отель «Регент-палас». Я сразу предложил шофёру мой соверен, чтобы сэкономить время. Но вмешался констебль и, очевидно, отдал распоряжение, сколько взять с меня денег, потому что я получил пятнадцать или шестнадцать шиллингов сдачи. Часть из них я хотел отдать констеблю, но он с улыбкой отказался и помог мне влезть в авто.

Итак, я снова поехал, не зная, конечно, куда меня везут в этот раз. Доехав до гостиницы, таксист спустился и захотел отнести мою сумку. Но в этом по возможности вежливо я ему отказал. Ведь в ней, пожалуйста, не забывайте, был, помимо очень

большой суммы в немецких марках — которую я тогда считал богатством, — инвентарь, если правильно выражаюсь, относящийся к моей профессии.

Естественно, там слыхом не слыхивали насчет меня. Я был в отчаянии и не знал, что делать. Не умея объясниться с этими людьми, вероятно, потеряв работу в Колизее, которую мне обещали, я был впрямь очень расстроен и пожалел, что вообще уехал из Италии по совету Спадони. Как мне хотелось сейчас его увидеть, чтобы сказать ему всё, что о нем думаю. Не знаю точно, что бы я натворил, если бы не случилось то, что показалось мне чудом. Кто, вы думаете, ворвался в гостиницу, как не этот самый мистер Митчел, которого я так ждал на вокзале Виктории? Представившись, он объяснил причину того, почему он не нашёл меня: он ожидал увидеть парня намного большего роста, чем я. По его парижским воспоминаниям я казался ему намного крупнее, и посему он не заметил моего прибытия и последующего отъезда. Оказывается, что, не встретив меня на Виктории, он затем отправился к Колизею и там наткнулся на того констебля, отправившего меня в гостиницу. С этого момента найти меня было легко.

Ну вот, так я попал в Лондон. Ничего особо романтического в этом событии, я бы сказал. Вы заметите, возможно, что в нём было больше комичного, и я сам с тех пор смотрю на всё это с юмором. Но в тот момент мне было, конечно, не до смеха. Потеряться в чужой стране, не зная языка — это далеко не приятный опыт, могу сказать. Как бы то ни было, мне бы не хотелось ещё раз попасть в такую ситуацию.

От мистера Митчела я также узнал о причине того, почему моего имени нет на афишах Колизея. Суть в том, что, в конце концов, было решено, что я стану выступать с моим номером не там. О моём дебюте было договорено в месте под названием Хэрни. Вот где я впервые кланялся лондонской публике, а датой моего дебюта в Англии как исполнителя силовых номеров стало 4 февраля 1924 года. Мистер Митчел, должен сказать, не теряя времени, нашёл мне переводчика, некоего Раневского, очень толкового знатока языков.

Хотя моё представление не было до конца отточено, по сравнению с тем, что я показываю сегодня, оно, однако, сразу оказалось очень успешным. Народ Лондона принимал меня, так сказать, с распростёртыми объятиями. Мне оказался очень приятен такой результат, так как по первому приёму гастролёр обычно решает, как сложится судьба его шоу. Перед приездом в Англию, хочу признаться, мне говорили, что люди в этой стране не станут смотреть на силовые номера. Что нет ни одного свободного подходящего для подобных выступлений зала, что я выступлю один раз, и на этом всё закончится. Вот что мне внушали в Италии.

Мои сведения оказались совершенно ошибочными, об этом говорит то, что после моего первого выступления в Хэрни в феврале 1924 года я постоянно работал неделю за неделей вплоть до февраля этого года, при этом у меня не было ни одного выходного. В этом месяце, однако, представилась возможность отдохнуть с неделю. И я с радостью воспользовался ей. Ибо, думаю, не только заслужил отдых, но и более того — просто ужасно в нём нуждался. Моё шоу как совершенно подлинное очень сильно меня выматывает, как вы догадываетесь. Не то чтобы я жаловался, поймите, и не хочу сказать, что для меня оно оказалось слишком тяжёлым. Совсем нет. Но когда работаешь в концерте вечером за вечером, всегда рискуешь, что даже грандиозный трюк надоест публике. И, естественно, гордясь шоу, с которым выступаю, мне совсем не хочется, чтобы так получилось. Не просто из-за отношения к себе, но также из-за тех, кто пригласил меня и кто пришёл посмотреть на то, что я делаю.

Однако вернёмся в концертный зал Хэрни! Итак, там я продолжал собирать полные залы всю неделю, с каждым вечером всё больше привыкая к своему новому окружению. Ведь залы варьете в Англии работают совсем не так, как это делается за границей. Этого вы, наверное, не знаете, но дело обстоит именно так, как я говорю.

Из Хэрни я перешёл в Шефердз Буш, потом в Альгамбру, где меня чудесно приняли. Затем выехал из Лондона, объезжая в те-

Proprietors:
LEICESTER PALACE THEATRE,
LTD.

Chairman and Managing Director:
SIR OSWALD STOLL.

Secretary:
W. B. GORDON NICHIE.

Acting Manager:
TRUMAN TOWERS.

(To whom all communications should be addressed)

Telephone No. 1099

The Leicester Palace Theatre,
Leicester, April 12th. 1924

Samson,
Palace Theatre,
LEICESTER.

NOTICES

TO ARTISTS—Artists engaged upon engagements three weeks before closing, forwarding Notice for Bill, Program, Bills, or Picture Card from which Bills can be made; and Samples and Prices of Litho Artists and Painters this notice must reach the Act.

IMPORTANT—All performances must be entirely free from vulgarity.

TO AUDIENCES—The Management will not hold themselves responsible in the event of loss of or damage to any Music, Songs, etc., submitted for consideration.

TO SUPPLIERS—No order or contract for goods or services must be accepted before above Notice is accepted. Payment must be made in Cash. Goods must be delivered to the House, Leicester Palace Theatre, Leicester, W.C., and subject to notice the Managing Director or the Secretary must receive the Goods and will return receipts. In special cases where goods are required at short notice, orders must be to the order of the Acting Manager who will be personally liable, unless an official order is received as above, is received within 48 hours.

Letters must be sent direct to the Theatre. Monthly Statements should be sent to the House Office, which all accounts are paid.

Dear Sir,

In reply to your inquiry I am pleased to say that your engagement with us has been most successful in every way. Your act has proved a decided attraction and has created and sustained interest with our Patrons in all parts of the House.

Wishing you every possible success, and looking forward to a return visit.

Sincerely Yours,

Truman Towers

Один из множества блестящих отзывов на выступления Засса

чение трёх недель провинции, работал в Манчестере, Бристоле и Чэтеме, после чего снова вернулся в город, чтобы исполнить ангажементы в Колизее, Чизвике и Клэпхеме.

Неделя в Лейчестере, затем я снова вернулся, на этот раз остался на пять недель, во время которых появлялся в Уиллсденском, Холборнском, Килбернском, Илфордском и Ислингтонском мюзик-холлах прямо в том порядке, как я назвал, и везде с полным успехом.

Куда бы я ни ехал, всё было одно и то же: мне оказывали самый сердечный и воодушевляющий приём. Смотреть на мой номер

было совсем не скучно, людям оказывалось настолько интересно, что многие приходили не раз, а два, три, четыре раза в неделю, и это свидетельствует о том, что было в нём нечто, возбуждающее интерес по сравнению с обычным представлением варьете. И, конечно, всегда происходило состязание. О, я сейчас только вспомнил, что некоторые из вас, наверное, ничего об этом не знают. Я лучше объясню, а затем продолжу.

Итак, перед тем как я приехал в Англию, я обычно проводил состязания во Франции, Швейцарии и Италии, а смысл их состоял в том, что надо было попытаться согнуть короткий железный прут, чтобы он из прямого принял форму подковы. По толщине он был чуть меньше половины дюйма. Должен сказать, что никто никогда не мог согнуть этот прут. А поскольку на Континенте этого уже не пытаются сделать, то следовало испытать данный трюк в английских залах.

Так оно и вышло, меня попросили это делать, так что состязание по сгибанию прута стало постоянным номером моей программы, которая, будучи уже популярной, вызвала дополнительный интерес. Ведь состязание иногда привносит много юмора в представление, вызывая добрый смех у зрителей. Управляющим это нравится, их патронам запоминаются такие приятные моменты, и все довольны увиденным. Это, естественно, хорошо сказывается на состоянии дел.

Как только мне сообщили о размере призовых, которые организаторы состязаний будут выдавать, я понял, что нам предстоит встретить много желающих, поскольку ничто так не поощряет расцветающий талант, как звонкая монета. Так оно и вышло.

Новость о том, что выступивший лучше всех получит прямо на сцене 5 фунтов, а двое следующих — каждый, соответственно, — три и два фунта, заполняла сцену участниками состязаний, где бы я ни появлялся. Неважно, где — в Англии, Ирландии, Шотландии или Уэльсе, — атлеты из городов и окрестных районов приходили испытать свою силу, и, по возможности, разжиться хрустящими банкнотами. И, могу сказать, на этих состязаниях иногда проис-

ходили очень забавные случаи. Из Ислингтона я отправился на Св. Елену, затем поехал в Глочестер, где встретил Джо Прайса, гигантского кузнеца-штангиста, бывшего чемпиона Великобритании и ученика мистера У.А. Пуллума.

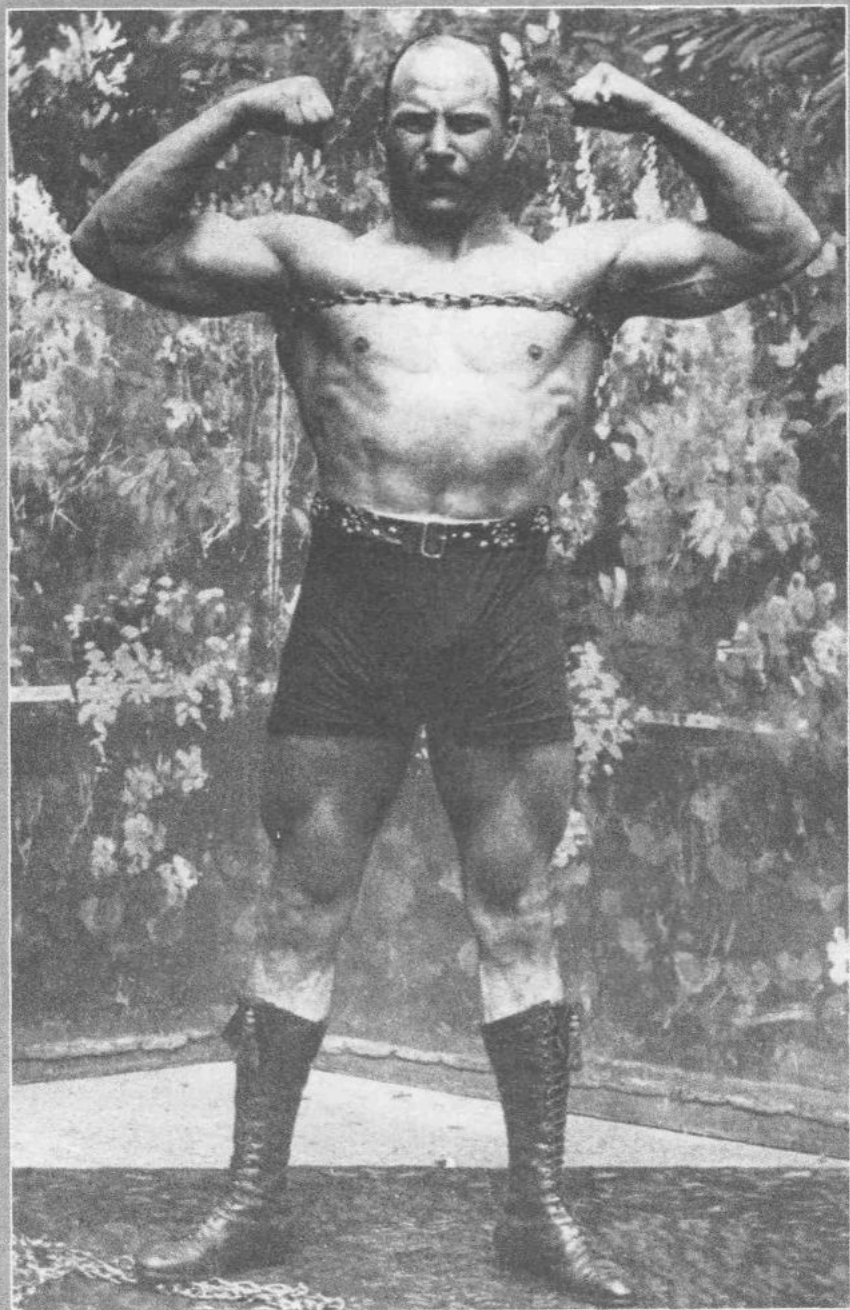
Прайс, человек с великолепной фигурой, чрезвычайно интересовался моим выступлением, и, убедившись в том, что мои номера исполняются без обмана, был настолько любезен, что изготовил для меня особые гвозди, чтобы пробивать ими деревянные доски. Этот номер всегда входил в мою программу. Затем из Глочестера я поехал в Портсмут, где меня очень хорошо принимали моряки, известные неистовые болельщики. Следующим был Эдинбург. Затем я приехал на юг к Шеффилду и Лидсу, после чего вернулся на неделю в Лондон, где выступал в Нью Кросс

Эмпайр. Из города я поехал в Ньюпорт, затем снова в Шотландию, где на этот раз выступал в Глазго, в котором живёт великое множество силачей, среди них — известные тяжелоатлеты. Следом я посетил Мидленд, заехав в Ноттингем, снова в Лондон, где меня запросили на две последующие недели для выступлений в Страдфорде и Попларе, кишевших силачами. Затем я поехал в Сwonси, где номера принимались исключительно хорошо, позднее последовали Уоль-

верхэмптон, Бирмингем и Дьюсберри, причем первые два оказались центрами любителей физической культуры. После этого я вернулся в Лондон для выполнения двух ангажементов на выступления в парке Финсберри и в Пенже, а в промежутке уместилась поездка в Роттердам. Именно во время выступления в Пенже я познакомился с мистером Эдвардом Астоном, которого знал как «Сильнейшего человека Британии». Визит Астона, должен сказать, явился результатом слухов, которые расходились по стране и утверждали, что я просто трюкач и не более того. В тот вечер он, однако, сошёл со сцены с совершенно другим мнением, отличным от того, с которым он пришёл. «Ты великий парень, — были его слова, — и заслуживаешь доверия во всём, что делаешь. Из всех, кого я видел, ты абсолютно самый удивительный артист в нашем деле». Естественно, мне было приятно слышать такое мнение из уст «Сильнейшего человека Британии». Он был прославлен во всем мире как величайший из всех спортсменов. Но эти его слова при том, что другие профессионалы говорили и говорят обо мне, стали высочайшей оценкой из всех, какие я когда-либо ожидал получить.

Из Пенжа я поехал в Ньюкасл и Хэнли. Затем назад, в столицу Англии, где выступал в мюзик-холлах Южного Лондона и Эдмонтона, залы которых оказались набиты публикой больше обычного. И там с самого начала я получил еще один приятный сюрприз. Однажды вечером мне в гримёрную доставили карточку с надписью: У.А. Пуллум, редактор издания «Силач». На ней была записка, сделанная карандашом, с просьбой об интервью.

Тогда имя мистера У.А. Пуллума мне было хорошо знакомо, а впервые услышал я о нём много лет назад. Он признавался во всём мире, как мне стало известно, наиболее выдающимся штангистом, которого когда-либо рождала эта или любая другая страна. Конечно, многие брали больший вес, чем он, находясь в более тяжёлой весовой категории. Но если сравнивать людей одного веса, а это единственно верный способ в тяжёлой атлетике, то всеми признаётся, что никто не мог хоть немного приблизиться к его феноменальным выступлениям. И, конечно, его слава как учителя

и тренера многочисленных чемпионов была мне так же известна, как и несколько его научных и методических работ. Часто у меня возникало желание познакомиться с ним.

Надеюсь, о том, что мне было действительно приятно дать интервью мистеру Пуллуму, вы, сдаётся мне, с готовностью поверите. Он вошёл и после вежливых приветствий и тёплых рукопожатий, сразу же приступил к делу, которое излагалось в новостях его газеты. «Я просто заскочил к Вам только затем, Самсон, — сказал он, — чтобы произвести анализ ваших действий, так как мои читатели спрашивают о ваших секретах и о пределах ваших способностей. Так много противоречивых сообщений ходит на этот счёт, что давно пора сделать авторитетное заявление тем или иным способом».

Прежде всего мистер Пуллум осмотрел мои цепи. «Конечно же, они выглядят как надо, — сказал он, — но не всё оказывается тем, чем кажется. Вот, предположим, я бы попросил порвать эту цепь вот в этом конкретном звене, перекрутив его пальцами, что на это скажете?» «Только то, что сделать это для вас мне бы доставило большое удовольствие», — ответил я. «Очень хорошо, — был его отклик, — прямо сейчас и займитесь этим и постарайтесь забыть, что я здесь».

Я не вполне понимал, что он имел в виду, я и впрямь не смог уследить за всем, что он сказал, хотя к тому времени я и говорил, и понимал английский вполне прилично. Ведь после того, как стало ясно, что мне придётся надолго остаться в этой стране, я проштудировал язык. Но то, чего я не понял, мне скоро растолковал мой управляющий. Что мистер Пуллум хочет посмотреть, как я разрываю цепь именно в том месте, которое он отметил, но он не хочет, чтобы я волновался под пристальным взглядом знатока. Согласитесь, с его стороны это было любезно и предусмотрительно. Но ему не стоило беспокоиться за меня на этот счёт. Мне не надо было прибегать к трюкам, так что не о чем было волноваться.

Итак, я взял цепь в руки и за несколько секунд разорвал её на две части прямо на звене, помеченном мистером Пуллумом.

«Ну, это, очевидно, не представляет для вас особого труда, — сказал он, — так что, предположим, вы разорвёте для разнообразия другую цепь, обернув её вокруг грудной клетки. Можете потратить ещё одну, чтобы показать это?». «Нет, — ответил я, — у меня только одна, и я её чиню между выступлениями, соединяю концы, вставляя новое звено вместо сломанного. Смотрите, как я это делаю». И я показал ему, как я вновь соединяю цепь в одно целое, чтобы она лопнула на моей груди во время второго представления этого вечера.

«Позвольте мне завязать её вокруг вашей грудной клетки?» — попросил мистер Пуллум, после того как он рассмотрел вблизи каждое звено. «Конечно, почему нет? — ответил я. — Делайте всё, что считаете нужным, для вашего удовольствия. Я согласен предоставить вам полную свободу, раз вы здесь для того, чтобы проверить подлинность моих номеров». И мой управляющий тоже вполне согласился с тем, что я сказал. Будет лучше всего, сказал он, если мистер Пуллум применит свои способы проверки и назовёт свои условия.

Итак, мистер Пуллум прикрепил цепь на моей грудной клетке так, как ему нравилось, после чего я разорвал её так же легко, как делаю это каждый вечер на сцене. «Довольно неплохо, — сказал он, — теперь, если вы не против, я взгляну на ваши железные прутья». Осмотрев их, он вытащил один из них и проверил его маленьким напильником, который достал из кармана. «Вот этот пойдёт, — сказал он, — согните его и считайте, что я вполне удовлетворён тем, как чисто выполнены выбранные номера». Я, как мог быстро, сделал это, что произвело заметное впечатление на мистера Пуллума. «Этого хватит на сегодня, — сказал он. — Если хотите знать, что я думаю обо всем этом, читайте моё мнение в следующем номере «Силача». И то, что написал мистер Пуллум обо мне в своём бюллетене, было очень приятно прочитать.

Снова уехав из Лондона, я отправился в Гүль, Брэдфорд, Саутси и Уотфорд, где у меня много раз брали интервью. Затем я снова вернулся и работал в Ист Хэме и Уолтмэнстоу, после чего поехал в Ли-

верпуль как раз перед выступлением в Метрополитэн мюзик-холле в Лондоне. Оттуда я доехал до Девенпорта, на следующей неделе нанёс короткий визит в Бирмингэм, далее направился в Эдинбург (где был свидетелем того, как львы трепали дрессировщика в театре Уэйверли Маркет, про этот случай я упоминал в моём рассказе ранее), работал в Миддлсборо перед возвращением в Лондон, где у меня имелся ангажемент в Попларе, и заскочил на день в Южный Лондон.

Итак, за один год, как видите, я довольно много поездил по вашей стране, хотя, надеюсь, остаётся ещё много мест, где меня хотели бы видеть, и куда я бы хотел поехать. И всё это в своё время произойдёт, не сомневаюсь, так как мой календарь постоянно заполнен на много месяцев вперёд. А пока что приступлю к разговору о вещах, относительно которых, считаю, определённо следует поговорить.

Глава 3

Я, однако, недолго проработал в этой стране, пока не понял, что в то время, как публика в целом готова принять меня как добросовестного исполнителя силовых номеров, её физкультурная часть — под этим я имею в виду тех, кто в той или иной форме занимается физическими упражнениями — скорее склонна относиться к моим трюкам с подозрением. Понимаете, мои выступления настолько отличаются, целиком и полностью, от всего, что зрители видели раньше, что они не вполне могли заставить себя поверить в то, что увиденные ими номера не только новые, но и совершенно доподлинные. Отдавая должное всем заинтересованным лицам, мне, наверное, следует подробно рассмотреть все основания для сомнений. И когда будут даны все объяснения, никакой причины сомневаться не возникнет.

Начну прежде всего с моих номеров по разрыванию цепей! Из того, что мне удалось узнать, в прошлые годы в Англии появлялись другие исполнители, которые делали подобное жульническим способом. Ну, это меня не удивляет. Даже на Континенте

такие способы известны. Но это вовсе не означает, что и я исполняю номера таким же образом. Моя сценическая площадка всегда открыта для проверки, и любой желающий может подойти и сам проверить цепи. Мой управляющий всегда приглашает представителей от публики на сцену, чтобы как можно тщательней осмотреть выступления. Делали бы мы так, если бы я прибегал к уловкам для выполнения этих номеров? Я так не думаю!

Ещё я слышал, как говорят, что железные пруты, которые я сгибаю, специально смягчаются, а те, которые выдаются для участников состязаний, оказываются по-настоящему твёрдыми, каким и должен быть металл. Говорите, что их специальным образом смягчают, те, что использую я? Тогда как же так получается, что после того, как я согну прут, который я наугад беру из тех, лежащих для проверки — никто не может согнуть его дальше? Я ведь опять даю его проверить! Нет, те, кто может подумать, что прут, который я беру как-то отличается от остальных, явно «сошли с рельсов». Нет никакой разницы в крепости прутьев. Разница заключается только в крепости рук.

Номер с возлежанием на гвоздях, когда на грудь мне кладется камень, по которому бьют тяжёлыми молотками, весьма озадачивает людей, и он объясняется, как мне передали, несколькими любопытными версиями. Некоторые говорят, что гвозди не острые, другие — что камень не тяжёлый. Ещё одни говорят, что я смазываю кожу специальными препаратами, чтобы не чувствовать боль. Ну хорошо, в последнем предположении, может быть, есть какой-то смысл, не буду отрицать. Но любой, кто действительно считает, что гвозди тупые, приглашается полежать на них и проверить это, а те, кто оспаривает тяжесть камня, который лежит на мне, пожалуйста объясните: с которых пор полтонны — примерно столько обычно весит камень — считается лёгким весом?

Номер, в котором я лежу под мостком, по которому ходит лошадь, а следом за ней тридцать-сорок человек — число, ограниченное только размером площадки, — объясняют тем, что все это время мост якобы не лежит на моей груди, благодаря своей особой

SAMSON'S MIGHTY FEATS
W. A. Fullum, world-famous
in his second article on the
of his amazing bar-bending, ch...

W. A. Fullum, world-famous
in his second article on the
of his amazing bar-bending, chair

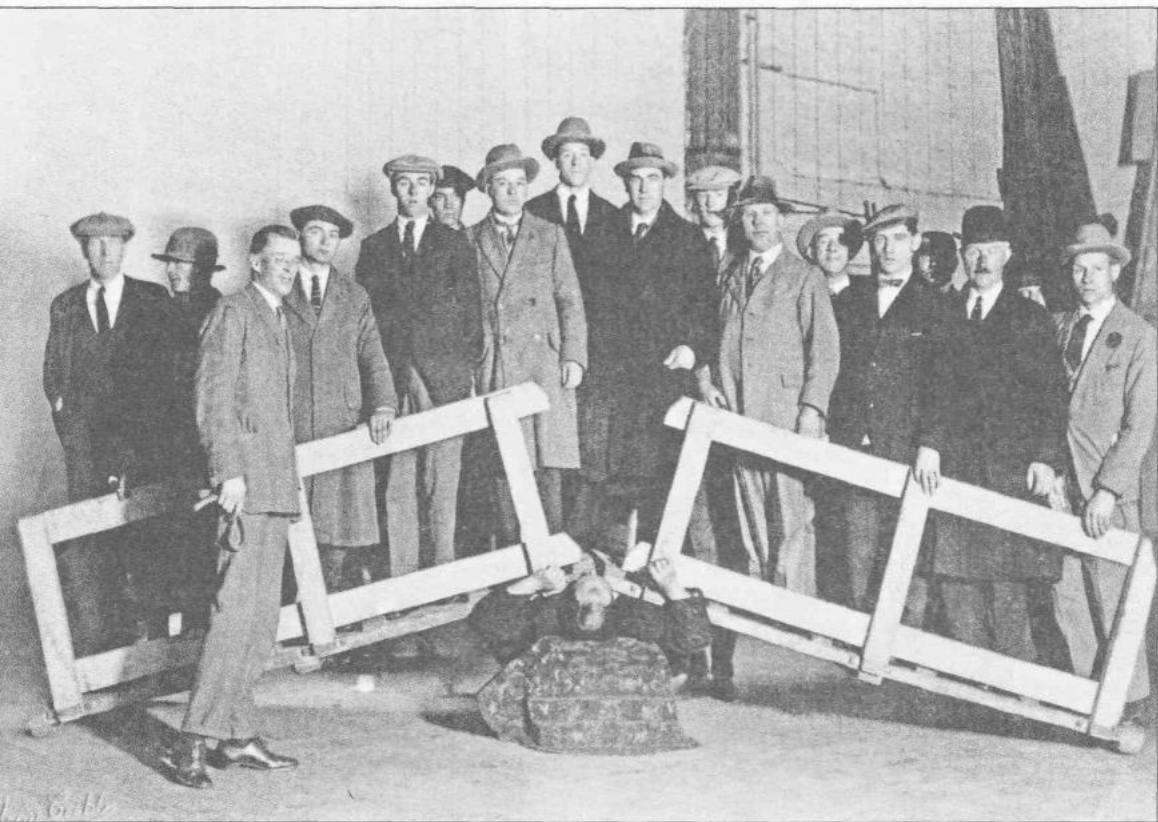
...of a
... ..
... ..

[illegible]

FREE BC

HARLES ROPE

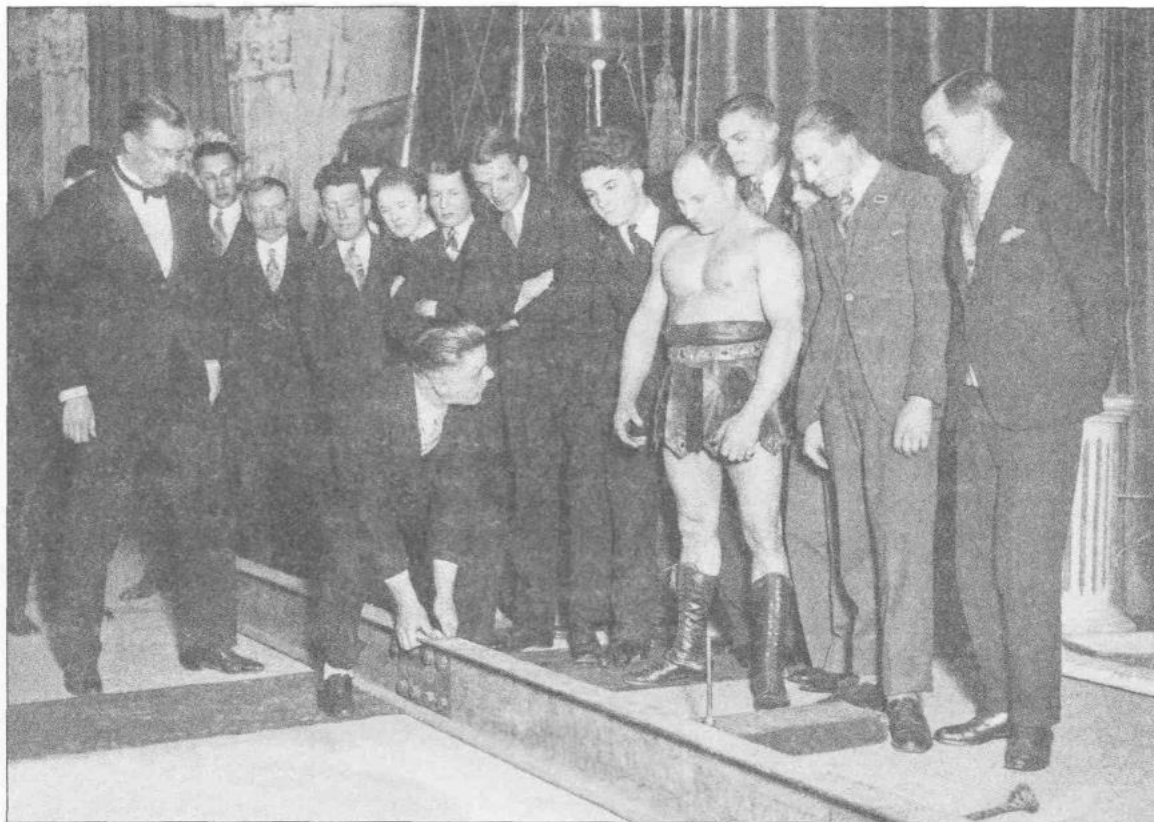
HARLES RO

Высокий человек на переднем плане – Альфред Ховард, импресарио Самсона

конструкции. Если это так, то как же мне удаётся поднимать и опускать его, когда люди проходят по нему? На самом деле я это делаю расширением и сокращением своих лёгких, таким способом увеличивая и уменьшая высоту моей грудной клетки. Если бы мост не опирался на эту часть моего тела, то как бы я ни изгибался под ним, это бы не повлияло на его положение, не так ли? Этот вопрос не требует ответа.

Подъём балки зубами, как говорили, — просто фокус. Ну, возможно, это так. В любом случае это такой совершенный фокус, что каждый может отчётливо видеть, как он делается. Я просто оборачиваю прокладкой цепь, за которую цепляюсь зубами, в том месте,

которое, как мне кажется, находится посередине, затем руками поднимаю её с земли, чтобы проверить, правильно ли нашёл середину — и чтобы поправить, если что не так. Затем я опускаю её снова на пол, беру прокладку в рот и встаю с балкой, которую держу зубами. Это не слишком трудно, признаюсь, так как балка весит не более 500 фунтов. Несмотря на всю эту простоту, я, однако, не встречал ещё никого, кто мог бы поднять её от пола хотя бы на дюйм.

Перетягивание каната некоторые считают ничем не примечательным. Нет никаких усилий, чтобы удерживать канаты, которые тянут две лошади. Хорошо, хоть это звучит необычно, считаю это одним из лучших моих номеров. Его иногда очень трудно ис-

32 Pages

Sunda

PAGE 32:

to Express

JUNE 25, 1933.

Father V
is getting
WAM YOT

A TWO-HORSE POWER MAN!

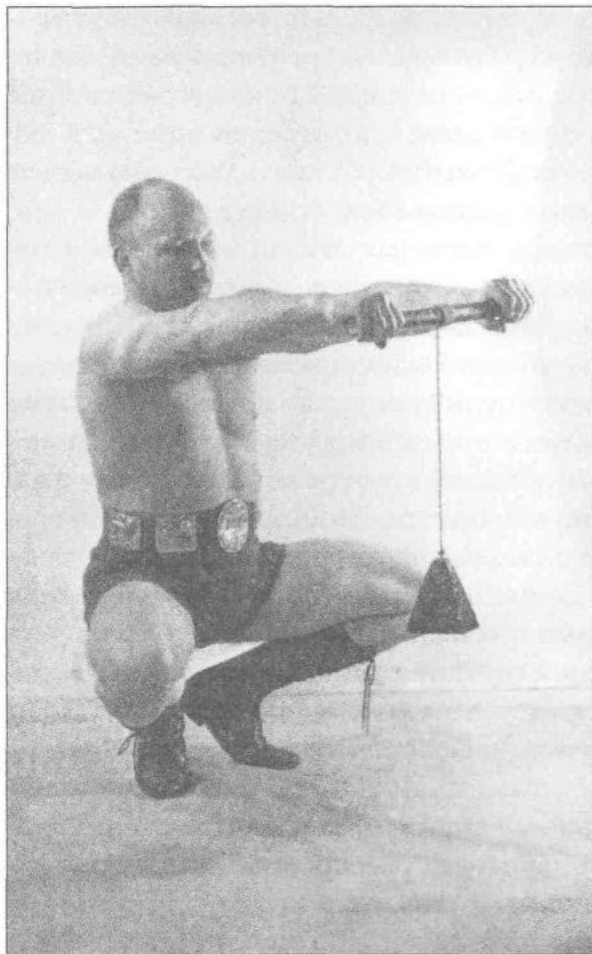

PUTTING HIS WEIGHT!—Mr. Samson, who claims to be the strongest man in the world, succeeded in holding two Shire horses as shown above for a trailer in a Croydon street yesterday.

Передовица «Санди Экспресс»: «Человек мощностью две лошадиные силы!»

полнять, если одна из лошадей намного сильнее другой. Как тяжело тогда напрягаться! Я выполнял этот номер почти с полусотней людей — по двадцать четыре с каждой стороны, если правильно помню и несколько раз не по одной, а по две лошади с каждой стороны. И всё-таки почему же я считаю этот номер хорошим, а другие люди — нет. Возможно потому, что исполнять его приходится мне, тогда как критики — в роли ротозеев. Обычно у двух таких сторон бывают различия во взглядах.

Нет, настоящее объяснение всех этих номеров, которые я делаю и намереваюсь исполнить, — не фокус, а просто степень физической силы, с которой мало знакомы в этой стране. На самом деле я не виню людей за то, что они так скептичны, ибо если бы такая сила, как у меня, была обычной, я бы не выходил на сценические площадки за недельное жалованье, обозначаемое трёхзначной суммой. Но я бы всё-таки хотел, чтобы люди, перед тем как выразить такое мнение, побеспокоились бы о том, чтобы быть аккуратными

в своих высказываниях. Нельзя отрицать их интерес, как нельзя отрицать внимание людей ко мне. Если есть интерес, почему бы не разузнать всё подробнее о предмете спора? Тем более это так легко! Я всегда охотно показываю от и до, как я делаю свои номера, в любом месте и в любое время; всегда охотно объясняю всё, что может показаться непонятным, насколько это в моих силах.

Просто методы, при помощи которых любой может стать намного сильнее, чем он есть, здесь почти неизвестны. А я ранее полагал, что про них всё знают, куда не прибыл в эту страну и не объехал её. Теперь, наконец, я согласился привести мою систему упражнений в такую форму, которая даст возможность всем желающим её использовать. Этой системе, полностью отличной от любой, предлагавшейся ранее, обучают по переписке, и мне очень приятно лишний раз сказать, что она успешно применяется людьми по всему свету. Всего лишь в конце ноября 1924 года впервые появилось объявление, представляющее её. И вот у меня уже есть сотни обученных и довольных последователей.

Заканчивая разговор о моей системе, хотел бы сказать, что весть о том, что английские культуристы хотели бы побольше разузнать о моих методах оказалась сначала передана мне мистером Эдвардом Астоном, который, будучи чемпионом мира по тяжёлой атлетике является, также признанным на международном уровне экспертом по физической культуре. Когда, частично расспросив меня, частично полагаясь на свои впечатления, он нашел мои методы отличными от обычно применяющихся, он особенно воодушевился и стал уверять меня в том, что эти самые методы очень скоро станут использовать в этой стране, если только они станут широко известными.

Я некоторое время обдумывал, насколько целесообразно заниматься обучением наряду с выступлениями, и всё ещё рассматривал этот вопрос, когда мистер У.А. Пуллум во время ещё одного интервью стал говорить на эту тему. Это подвигло меня к принятию решения. «Ну хорошо, — сказал я, — я обнародую свою систему как только будет возможно, раз уж вы, судя по всему, так уверены, что это получит высокую оценку публики». И когда я говорю вам это

менее чем через три недели после того, как ученики записывались ко мне для получения инструкций, вы поймёте, что я не терял время, исполняя своё обещание.

А теперь, возможно, услышав столько всего обо мне, вам интересно узнать то, что я могу сообщить о способностях других людей. Это тоже один из вопросов, который я задаю себе, куда бы ни отправлялся.

Стать таким же сильным, как я, сказать по правде, может не каждый, и собираюсь объяснить почему. На первом месте, чтобы стать таким сильным, нужно стремиться к этому с самого детства. Но такая целеустремленность есть не у каждого. Следовательно, без неё нельзя надеяться достичь того, чего достиг я. Ибо такая сила, какая есть у меня, не даётся случайно. К ней нужно стремиться очень, очень напряжённо, самым настойчивым образом.

Но, имея такое устремление, даже если не всем дано стать вровень со мной, можно легко открыть путь к тому, чтобы набрать силу намного выше средней. Это означает терпение и упорство и часто много разочарований, ибо всё по-настоящему ценное даётся нелегко. Если бы было по-другому, то дающееся легко не ценилось бы, и его не считали бы необходимым оберегать. И телесную силу нельзя ставить в подобный список, ибо физическая сила и вытекающее отсюда хорошее здоровье — самое ценное из всего, чем можно обладать.

Сам я не могу сказать, что перед началом изучения развития физической силы я страдал от болезней, к счастью, этого у меня никогда не было. Но во время своих путешествий я встречал многих, кто хворал, но, занимаясь физической культурой, избавился от своих недугов. Такие случаи довольно обычны на Континенте, и в этой стране они тоже описаны, я сам много раз с ними сталкивался, причём самый заметный из них — это джентльмен, о котором я ранее упоминал, мистер У.А. Пуллум. Он, я узнал, когда-то был болен чахоткой, о чём свидетельствовали английские доктора. Вам достаточно узнать только это и затем вспомнить, что он с давних пор и по сейчас признаётся в своём весе сильнейшим

человеком в мире. И станет понятно — болезнь может отступить перед тем, кто твёрдо настроен стать сильным.

Сила тела во многих случаях в большой степени служит фундаментом развития умственной силы, если я понятно выражаюсь. Сила воли решает, что должны делать мускулы, заставляя их выполнять великие задачи или позволяя им отступить — согласно тому, что вы задумали. Если у вас сильная воля, вы можете стать сильными физически, в этом нет сомнения. До какой степени, точно никто, конечно не может сказать. Всё зависит от того, как вы работаете над увеличением своей силы и насколько долго вы готовы продолжать работать.

Как я говорил в начале своего рассказа, мне сейчас тридцать семь лет, возраст, который считался для людей приближением периода жизни, когда силы начинают убывать. Но моя сила, однако, не уменьшается, хотя я даю себе такую суровую нагрузку, вечер за вечером, с перерывом на отдых только в выходные. Напротив, я нахожу, что она по-прежнему постепенно увеличивается; и предполагаю, что это будет продолжаться до того времени, когда мне будет уже за сорок. Конечно, я могу ошибаться в своём мнении. Но опираясь на опыт, который у меня есть, могу вас заверить, что я не ошибаюсь.

Хоть я и был довольно сильным в детстве и юности, у меня не было бы, полагаю, той силы, которая сделала меня таким знаменитым, если бы не тренировался долго и упорно, как я вам рассказываю. Я никогда не успокаивался на достигнутом, всегда пытался сделать что-то большее — что-то ещё улучшить. Признаюсь, что у меня никогда на самом деле не было мысли о том, чтобы стать самым сильным человеком в мире, ибо мир — это нечто очень большое, а в то время, когда я начинал, моё понимание о его размерах было совсем не то, что сейчас, после столь многих путешествий. Но я всегда хотел быть немного сильнее всех многочисленных силачей, с которыми мне приходилось сталкиваться раз за разом. И это, хоть я тогда не понимал, возможно, понемногу приближало меня к высокому результату.

По моему мнению, люди в этой стране не используют, как должно, возможности стать сильными посредством регулярного исполнения физических упражнений. Вы — нация спортсменов, это бесспорно, но в тысячах и в тысячах случаях вы играете роль только наблюдателей вместо того, чтобы самим приложить свои физические усилия. На Континенте всё совсем по-другому. Атлетические праздники, в которых принимают участие тысячи женщин и мужчин — неизменные традиции народной жизни. Здесь вы, похоже, рассматриваете телесную культуру больше как хобби, нежели обязанность, каковой она на самом деле и является. Отсюда выходит, что когда вы видите человека, чья физическая сила намного превышает среднюю, вы смотрите на него, как на диковинку.

Если бы люди в Англии побольше изучали вопросы физической культуры, значительно улучшился бы не только стандарт здоровья в стране, но и решилась бы, думаю, проблема постоянных проигрышей атлетам других наций. Это, как я вычитал из ваших газет, вызывает горечь у тех, кто очень интересуется атлетическими проблемами. Итак, в ответ на всю доброжелательность, которой меня осыпали с тех пор, как высадился на этих берегах, я — даже рискуя показаться слишком предвзятым и критичным — пытаюсь показать вам способ, которым ваши атлеты могут вернуть себе утраченные международные лавры.

Знаю, что вы гордо хвалитесь тем, что Великобритания научила мир, как соревноваться и забавляться спортсменам-атлетам, и я вполне готов признать, что это правда. Но когда ученик становится лучше учителя, учитель не должен оставаться слишком гордым, чтобы не поучиться у ученика тем вещам, которые и позволили последнему стать лучше. Посмотрите, например, на своих боксёров! Когда-то давным-давно, за исключением только лишь американцев, британцы были единственным народом, создавшим и науку, и спорт из искусства самообороны. Однако сегодня едва ли есть страна, где не нашлось бы человека, который справится с лучшим из вас в любой весовой категории. И есть слишком много примеров того, что справится — это

мягко сказано. Да, думаю, вы много поймёте, если послушаете Самсона, ему есть что сказать.

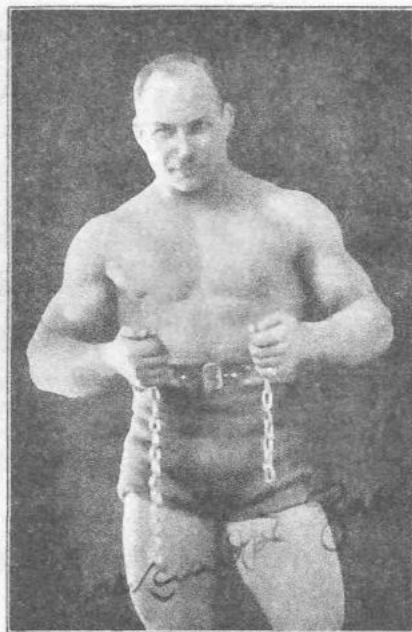
Причина, почему боксеры Континента с таким постоянством первенствуют на фоне своих британских соперников, кроется не в том, что они больше знают об этом спорте (это вряд ли), или из-за того, что они храбрее. Вижу, что вы с этим согласны. Нет же, объяснение совсем в другом. Они обычно более приспособлены и намного сильнее. Не сильные в том смысле, в котором, возможно, рассматривают меня, способного разрывать цепи, сгибать железные прутья и всё такое. Но, несмотря на то, что они не могут делать подобные трюки, в своём виде спорта они сильны во всех смыслах этого слова. Их тела привыкли к большим нагрузкам, чем могут перенести ваши люди. Их кулаки могут наносить жесточайшие удары. Следовательно, при прочих равных условиях из этого положения вещей может быть один результат. И каков этот результат, вам самим известно.

Одна из идей, которая засела в головах ваших боксёров, состоит в том, что если они станут сильнее, они также станут неповоротливее — это мне не раз говорили. Я улыбаюсь, ибо эта мысль совершенно неверна и происходит от полного невежества в вопросах физики. Вы бы назвали медлительным Джека Демпси или Джорджа Карпентьера? Однако эти люди — силачи! Можно ли было назвать медлительным Георга Гаккеншмидта или великого Георга Луриха? Думаю, нет! Но эти люди были сильны, очень сильны; не только как борцы, но и как штангисты, о чем, возможно, ведомо многим из вас, которые читают эти строчки, так же, как и мне.

Для того, чтобы набрать силу, не обязательно жертвовать скоростью, если вид спорта, которым вы занимаетесь, требует быстроты действий. Это просто означает, что надо тренироваться так, чтобы ваши мускулы двигались быстро, а не медленно. В некоторых видах определённая степень размеренности в движениях необходима, в других — только скорость имеет значение. Итак, зная это, вы соответственно и тренируетесь. Если вид спорта требует того, чтобы вы двигались быстро, тогда надо развивать силу,

SAMSON'S SYSTEM :: AND METHODS ::

EXPLANATORY AND INSTRUCTIONAL.

THE GREAT SAMSON

(ALEXANDER ZASS)

The World's Strongest Living Man

Breaks a Steel Chain with his Fingers.

Методика упражнений Засса издавалась Институтом Самсона в Лондоне

которую называют энергичностью, так как она выступает движущей силой, которая ускоряет движения мускулов. Если вам надо работать медленнее, то, значит, возможно, вам требуется работать более продолжительное время. В таких случаях надо уделять больше внимания именно развитию выносливости, так как это сила, которая поддерживает органические и мышечные механизмы тела, когда они должны тяжело и долго работать.

Натренироваться так, чтобы стать таким же сильным, каким показал себя я, может, как я говорил ранее, не всякий. Но натренироваться так, чтобы стать по крайней мере в два раза сильнее, чем сейчас — довольно простое дело, если вы только пойдёте правильным путем, воспользовавшись преимуществом знания об опыте других людей, показавших, что это можно сделать. Я сам теперь возьмусь дать общий совет, как же это сделать, не потому, что хочу навязать мои методы и мои знания кому-либо, но скорее из-за того что верю: всё, что я могу про это сообщить, будет воспринято с готовностью.

ГЛАВА 4

Перед тем как стать по-настоящему сильным, необходимо, чтобы все органы его тела были здоровы и энергичны для постоянного исполнения своих функций. Это, хотя и должно быть очевидным, вероятно, не все понимают.

Причина того, почему подчёркиваю это в самом начале, в том, что во время моего тура по Англии я встретил так много культуристов, которые работают в неверном направлении. Они очень стремятся стать сильными, но до тех пор, пока они не изменят методов своих тренировок, спортсмены не достигнут желаемых высот. Проще говоря, они начинают с другого конца. Стремятся накопить силу, тогда как надо сначала обратить своё внимание именно на здоровье.

Многих из этих людей уверили в том, что упражняясь с гантелями и гириями, можно очень быстро стать сильным. Если бы они годились для того, чтобы начать так заниматься, я бы не сказал

ничего против такого метода, ибо тяжёлая атлетика это, конечно, замечательный способ накопления сил при условии, что вас обучают на научной основе.

Но только малая часть этих людей, как показывает мой опыт, получает правильный инструктаж. Эта область физической культуры может быть хорошо изучена только под непосредственным наблюдением эксперта, так как она слишком высокотехнична. Но любой достаточно удачливый для того, чтобы найти правильное руководство, может уверенно предвкушать накопление высокой степени силы и полезное развитие мускулатуры. Но каковым бы искусным не был наставник, не только бесполезно, но и явно неблагоразумно начинать заниматься тяжёлой атлетикой, будучи полностью непригодным для этого.

Основная причина того, почему я выступаю против занятия тяжёлой атлетикой иначе, как под наблюдением полностью квалифицированного человека, не столько в том, что считаю, что при этом очень велика опасность растяжений (ибо всякий благоразумный человек всегда будет знать, как избежать таких случаев), а скорее потому, что я знаю: бессистемные занятия с гантелями и гирями приводят к такому зряшному растрачиванию энергии. Особенно имею в виду такой вид наставничества, при котором советуют людям продолжать занятия до тех пор, пока они не устанут, причём это самый вредный совет, по моему мнению, который только можно дать.

Великий секрет развития силы в том, чтобы найти метод, который накапливает энергию вместо того, чтобы распылять ее, а также укрепляет выносливость; и я знаю единственный способ, который действительно делает это — упражняться с очень сильным противодействием. То, что описывается как «свободные движения», не сделает этого, хотя такой род упражнений можно замечательно использовать для стимуляции циркуляции крови, увеличения мощности лёгких и лёгкости движения суставов. Но физическая подготовка — это не сила! Это просто точка, с которой начинается путь к большой силе.

Метод, за который я выступаю, это тот, которому сам следую. Как знают мои ученики, система упражнений основана на данном принципе сопротивления. Конечно, я знаю, что растягивание резиновых лент и стальных пружин — это один из способов работы этого принципа, но это не та его разновидность, которую имею в виду. Сопротивление, на которое я ссылаюсь, — это то, что дают мои цепи, — которое, как я показываю каждый вечер, может быть различными способами успешно преодолено.

Как вы могли понять из пары замечаний, что привел ранее, я твердо верю в постепенное продвижение, а не в бросок к трудному заданию прямо и сразу. У человека есть тридцать лет жизни или около того для совершенствования своих физических сил, если он того желает, так нужно ли торопиться? Если помнить это, то нет. Кроме того, если делаются попытки ускорить дело, то накапливаются физические неудачи в виде растяжений и вывихов. Это означает, что приходится какое-то время соблюдать полный покой, что, соответственно, замедляет скорость продвижения. Нет, в деле укрепления силы рекомендовано всегда действовать медленно, и, в конечном счёте, окажется, что успех придёт намного быстрее.

Что касается еды и питья, я не беспокоился бы особо о каких-то особенных правилах и не стал бы давать совет, если это только не предложение действовать каждому по своему усмотрению. Сам я временами большой едок. А иногда мой аппетит не столь большой. Это меняется так же, как и всё остальное, в зависимости от того, чем я занимаюсь. Если у меня была крайне тяжёлая неделя и спал я не так много, как хотелось бы, тогда я нахожу нужным есть больше. Если, с другой стороны, я сплю столько, сколько, как знаю, мне необходимо, тогда всегда замечаю, что позывы аппетита слабеют. Я очень верю в пользу сна, должен вам сказать. Это наилучший источник силы из тех, что знаю.

Затем, касательно правильного времени для упражнений и целесообразности холодных купаний — вопросов, которыми меня обстреливали бесчисленное количество раз! Что ж, час в который вы занимаетесь, и время, затраченное на упражнение, зависят во

многим от того, чего вы надеетесь добиться. Если просто хотите быть в форме, то несколько минут каждое утро после того, как вы встали, могут оказаться достаточными чтобы взбодриться на предстоящий день работы. С другой стороны, если вы стремитесь, кроме хорошей формы, к большему развитию мышечной массы, тогда вам надо сочетать вечернее расписание занятий с утренней зарядкой. Это может быть по длительности что угодно: от пятнадцати до тридцати минут, согласно степени ваших устремлений и ваших возможностей.

Я не рекомендую холодные ванны всем и каждому, так как во многих случаях они дают реакцию слишком суровую и скорее приносят больше вреда, чем пользы. Однако если оказывается, что холодная вода стимулирует, сначала попробуйте обтирание полотенцем и душ, прежде чем резко погружать всё тело в воду. Здесь необходимо приступать к водным процедурам поэтапно, так же, как это делается с серьёзными упражнениями или силовыми трюками. Постепенное продвижение должно быть правилом, которому надо следовать в начале, в конце и всё время.

Итак, вы теперь знаете о моей жизни почти столько, сколько, собственно, и я сам, и вы также познакомились с моими идеями о развитии физической силы. Что касается моих номеров, то я, может быть, рассказал бы больше, но поскольку мистер У.А. Пуллум очень любезно согласился описать их полностью, а также прокомментировать мои методы так, как он их находит, не думаю, что мне нужно ещё что-то говорить. Хочу добавить, что очень высоко ценю то, как вы приняли меня в своей стране, и то благородство души, с которым, надеюсь, вы одобрите мою попытку выступить в качестве писателя и ещё раз заинтересовать вас.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Личная тайна Самсона

Вот так закончились мемуары Александра Ивановича Засса, но на этом не завершилась его удивительная судьба. Ещё почти четыре десятилетия, которые наш соотечественник провёл на британской земле, были не менее увлекательны и так же полны тайн, как и вся предыдущая жизнь Русского Самсона. Уже являясь пенсионером, Александр Иванович подумывал о написании ещё одной книги, но тогда уже, по-видимому, не нашлось издателя, который инициировал бы эту работу, а сам Засс откладывал запись своих воспоминаний на потом. В итоге Самсон не оставил после себя ничего, кроме легенд. «У него не было детей, семьи, и последние воспоминания, которыми могла бы ещё поделиться его спутница с момента приезда в Великобританию – Бетти Тилбэри, канули в Лету после её смерти», – эта фраза уже стояла в наборе книги, когда из Великобритании внезапно пришло сообщение от Анджелы Видлер из Тотнеса (графство Девон). Оказывается, её мать миссис Глэдис, урожденная Вокли, была подругой жены Александра Засса!

О том, что Александр был женат, никто никогда не говорил. Да, где-то на просторах Интернета мне попадалась реплика о какой-то трагической истории, о молодой жене Самсона, почти

Свадебное фото. В центре – Александр Засс с невестой Блани

Блэнси Засс -
Луис Луиза

Могила Блэнси Засс в Лондоне

девочке, погибшей на сцене театра «Палас» в Манчестере от травмы, причинённой бабуином — сильной и агрессивной обезьяной. Эту породу человекообразных обычно не используют для дрессуры. Столь необычный выбор животного для номера приписывали тонкому чувству юмора Засса и его великолепному владению иностранным языком. Дело в том, что «baboon wrestling» («бабуиновый рестлинг») было сленговым обозначением американской борьбы. Это, якобы, и решил обыграть в своем номере Самсон, остановив свой выбор именно на бабуине.

Долгие годы терзаемая неизвестностью, миссис Видлер не находила повода заняться расследованием причин смерти подруги матери. Информация из России об установке памятника Зассу в Оренбурге побудила её взяться за дело. Так в этой книге появилась свадебная фотография. На ней — 38-летний Александр Засс с 16-летней невестой. Бланш Засс — дочь артистов мюзик-холла Уилла и Эдит Лич, сама выступала под сценическим псевдонимом Луис Луиза. Чуть позже от миссис Видлер пришёл и официальный документ, подтверждающий, что Бланш Засс скончалась в 1927 году от кровотечения. Она была на четвёртом месяце беременности.

ПО СЛЕДАМ АЛЕКСАНДРА ЗАССА

Всё это — события начала XX века, расследованием которых начали заниматься совсем недавно. А в 2005 году внимание Оренбургского благотворительного фонда «Евразия», занимающегося поиском выдающихся земляков, привлекла книга «Тайна Железного Самсона», где чёрным по белому было написано, что именно на оренбургской арене началась цирковая карьера Александра. Эта книга послужила отправной точкой нашего поиска, в результате которого были найдены и мемуары Удивительного Самсона, с которыми мы смогли теперь познакомить российского читателя, и свидетельства его славы после 1925 года. Поиск этот занял несколько лет, и сейчас есть все основания полагать, что основные факты биографии Александра Засса установлены.

Племянник Александра Юрий Владимирович Шапошников с супругой Лилией Фёдоровной

Дом Засса в Хокли, 2006 г.

Интернет — великое изобретение! Который уже раз прочёсывая виртуальное пространство, неожиданно наткнулся на запись в каком-то форуме: «Я жил в доме Александра Засса в Хокли, а мой отец — ученик Самсона». Автор этой реплики — некий Мартино, подрабатывающий на круизных судах в Карибском море, отозвался из-за океана сразу же: «Мой отец, Тревор Барнет, тоже Самсон, тренировался у Засса, мы часто жили у него в Хокли, графство Эссекс — вместе с Бетти Тилбэри и её мужем». А ещё день спустя, узнав о причине нашего интереса к личности Засса, Мартино сообщил, как связаться с его родителями в Великобритании. «Будете в Лондоне, посетите док Св. Катарины, что у лондонского Тауэра, передавайте отцу привет». Точно так же, завязав переписку по электронной почте с почитателем Засса Сергеем Земцовым из бельгийского Антверпена, мы вышли на семью Шапошниковых, проживающую в российской столице. Именно с помощью Юрия Владимировича, московского племянника великого атлета, и его очаровательной супруги Лилии Фёдоровны удалось найти кое-какие адреса в Великобритании, по которым мне предстояло отправиться весной 2006 года.

Поставленная «Евразией» задача: кроме исчерпывающей информации о Русском Самсоне раздобыть что-то из личных вещей выдающегося земляка для создания первой в мире музейной экспозиции, посвященной Зассу, стала казаться несбыточной сразу же после первых телефонных контактов с учеником, соседями, знакомыми Александра Засса, разъехавшимися по всему Соединенному Королевству. После смерти атлета в 1962 году и кончины его верной спутницы Бетти дом в Хокли, что в 40 минутах езды на электричке от Лондона, опустел, а вещи словно растворились на бескрайних просторах туманного Альбиона. Многочисленные фотографии, открытки с позирующим Самсоном, газетные статьи, огромные афиши и программки, знаменитый кожаный наряд римского легионера — всё исчезло, как будто вовсе и не собиралось, не хранилось десятилетиями. После долгих розысков удалось установить: исчезло не всё. Но люди, сохранившие свиде-

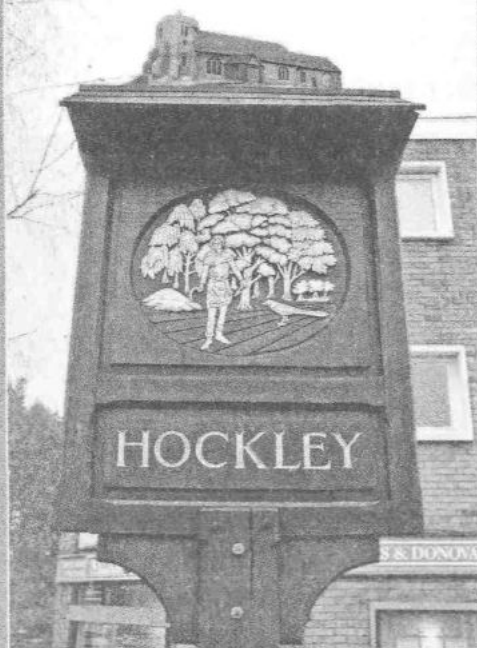
тельства заморской славы нашего земляка, наотрез отказывались делиться, не допуская и мысли о том, чтобы передать что-то столь дорогое их сердцу в какой-то русский музей в городе, о котором не имели ни малейшего представления. Каждая моя встреча на британской земле начиналась словами: «Кое-что мы вам покажем, но вы не получите ничего!»

Алек, Бетти и Сид

Прорыв глухой обороны случился через пять часов после приземления в лондонском аэропорту Гатвик. Бросив вещи в гостинице и незамедлительно отправившись в Хокли, я встретился с председателем местного совета, господином Ричардом Вингоу, который вместе с супругой Лэсли уже поджидал меня на перроне, держа перед собой в качестве опознавательного знака распечатку логотипа нашего фонда. Дело в том, что с трудом собрав деньги на поездку, получив визу и приобретя авиабилеты, чуть ли не ежедневно растущие в цене, вместе с моим коллегой и переводчиком этой книги Рустамом Галимовым мы начали обзванивать людей, с кем предстояло повстречаться в довольно сжатые сроки на пространстве от графства Эссекс на юге до Шотландии на самом севере. И тут мы стали получать отказ за отказом! За неделю до вылета, отбросив всю дипломатию, мы подняли на уши все местные власти 30-тысячного городка. Приехать в Хокли и не узнать ничего о Зассе было бы недопустимо. В последний момент помочь нам вызвался председатель городского совета.

«Ну что, поедem сразу на кладбище?» — радушно поинтересовались хозяева, как только мы сошли с перрона. Среди заросших могил на погосте у церкви Святых Петра и Павла — надгробие, на нём камень с лаконичной надписью «Самсон». И еще одна плита, добавленная, по-видимому, позже, с надписями по-русски: «Дорогой Шура, ты всегда с нами. Сестра Надя Засс, племянник Юра» и по-английски: «Александр Засс (Самсон) — Сильнейший человек мира, умер 26 сентября 1962 года в возрасте 79 лет».

Именно чета Вингоу, которой по пути на кладбище и потом, когда мы ехали к ним домой, я весьма эмоционально объяснял,

Герб города Хоксли

Ричард и Лесли Вингоу у могилы Самсона

Надгробие на могиле А. Засса

Автор-составитель (в центре) с мистером и мисс Англин, март 2006 г.

насколько важно собрать разрозненное наследие Засса, настояла на том, чтобы меня приняли мистер и мисс Англин, обитающие в соседней деревушке в домике на отшибе со странной табличкой «Ломбард». Дело в том, что эти люди какое-то время жили в доме Самсона. От них и из газетной статьи «Я влюбилась в силача Самсона», бережно хранившейся в семье Англин, мы узнали об истории удивительной любви Александра Засса.

В 1925 году, вскоре после приезда в Великобританию, он познакомился с танцовщицей Бетти. 18-летняя девушка примерно за год до того бежала из родительского дома, чтобы выступать в танцевальной труппе «Тиллер Гёрлс». С этим коллективом она успеш-

Мисс Англин показала портрет неизвестной девушки, висевший над кроватью Александра Засса. В 2006 году мы ещё не знали, что это портрет Блани Засс.

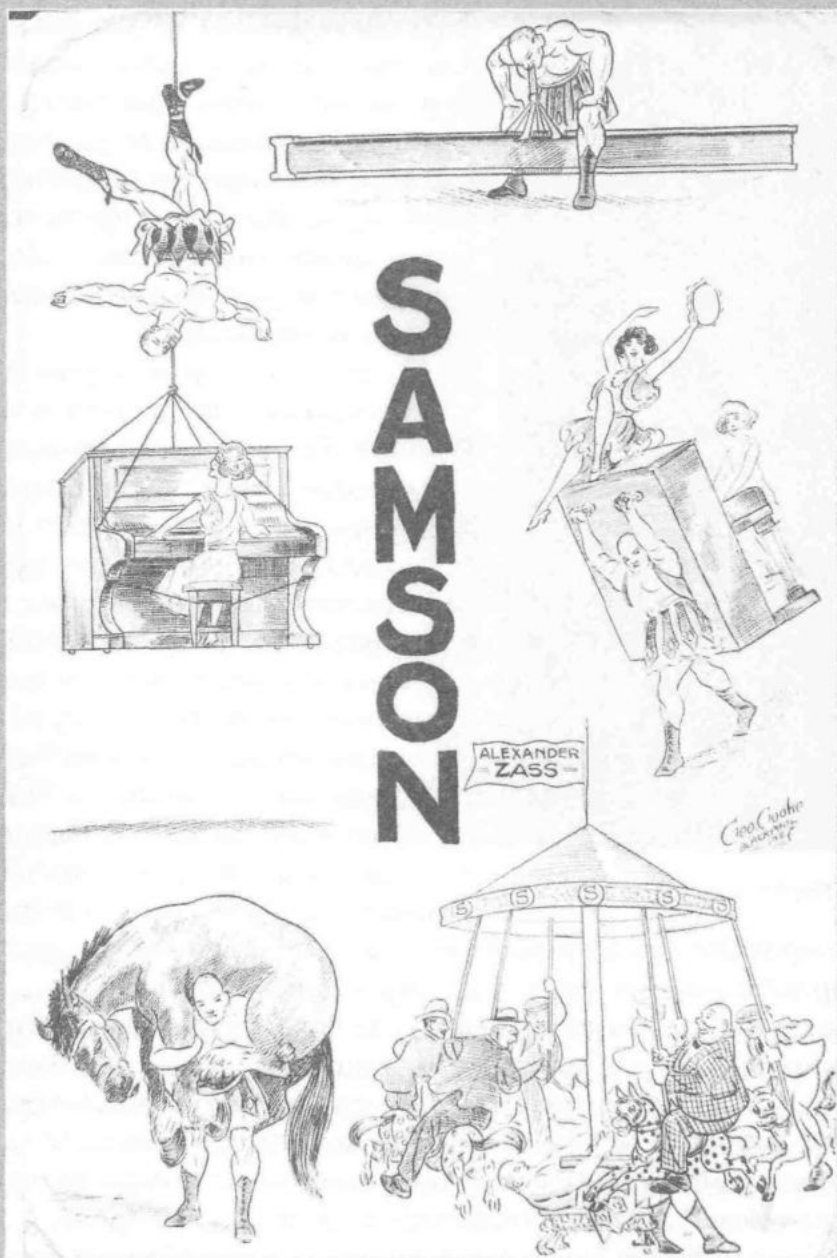
но гастролировала в Осло. Но, прибыв в Лондон, она обнаружила, что работы для неё здесь нет. Обивая пороги различных агентств, уже отчаявшись, Бетти неожиданно получила предложение стать ассистенткой в одном из знаменитых номеров Самсона: он висел вниз головой под куполом цирка, ногой в петле и держал в зубах канат, на котором была подвешена платформа с пианино и играющей на нём пианисткой. Этой пианисткой ей и предстояло стать на ближайшие два с половиной десятилетия. Кроме того, Бетти вменялось в обязанность ухаживать за дрессированными собачками и обезьянками Засса. Воздушный номер с пианино пользовался огромной популярностью, а путешествуя вместе с Самсоном, Бет-

Клоун Сид, Бетти и Александр

ти, на момент их знакомства не имевшая ни малейшего представления о цирковой работе, уже подготовила своё первое сольное выступление с дрессированными животными. В 1930 году её имя появилось рядом с именем Засса, возглавлявшим афишу лондонского музыкального театра «Палас».

Позже, в 1975 году, в своём интервью 68-летняя миссис Бетти Тилбэри не скрывала, что была любовницей Засса: «Он был единственным мужчиной, которого я по-настоящему любила». Наверное, поэтому она терпела его постоянные интрижки на стороне. Засс всегда пользовался популярностью у женщин и отвечал им взаимностью. Первые десять лет совместной жизни Бетти прощала ему всё. И лишь после страшной ссоры в 1935 году она сказала

Плакат с «коронными» номерами Самсона

Номер с пианино

Алеку, как она его называла: «Хорошо, тебя не исправить, останемся просто друзьями». Два года спустя она вышла замуж за циркового наездника, впоследствии клоуна Сиды Тилбэри, с которым организовала гастроли блошиного цирка. Но и совместные выступления в номере Засса тоже продолжались.

С началом Второй мировой войны Александр Засс оказался перед угрозой быть интернированным. По словам Бетти, он не хотел отказываться от российского гражданства, хотя и считал, что ему, как служившему в царской армии, путь в Россию закрыт навсегда. Чтобы не искушать судьбу, Самсон отказался от публичных выступлений, а Бетти нашла ему место в зоопарке Чессингтона, а позже в — зоопарке Пэйнтона. Незадолго до войны Александр и Бетти участвовали в киносъёмках в Хокли, где Засс увидел домик на

Пламбероу Авеню, который ему очень понравился. В 1951 году они приобрели этот участок на троих: Алек, Бетти и Сид.

После войны совместные выступления Бетти и Александра возобновились. Долгие годы она музицировала, паря над манежем, пока во время выступления в 1952 году на стадионе «Ливерпуль» петля, к которой Засс был подвешен за ногу, не лопнула. Вся сложная конструкция вместе с пианино, атлетом и хрупкой женщиной рухнула вниз. Александр отделался переломом ключицы, а вот с Бетти дело обстояло намного серьезней: повреждён позвоночник, разбито колено и сломана лодыжка. Бетти два года провела на боль-

ничной койке и не надеялась, что когда-нибудь сможет ходить. Но она не только встала на ноги, она вернулась на арену и работала в номере наездниц. Потом произошло второе несчастье: её сбросила лошадь, и с тех пор Бетти Тилбэри навсегда оказалась прикованной к инвалидной коляске.

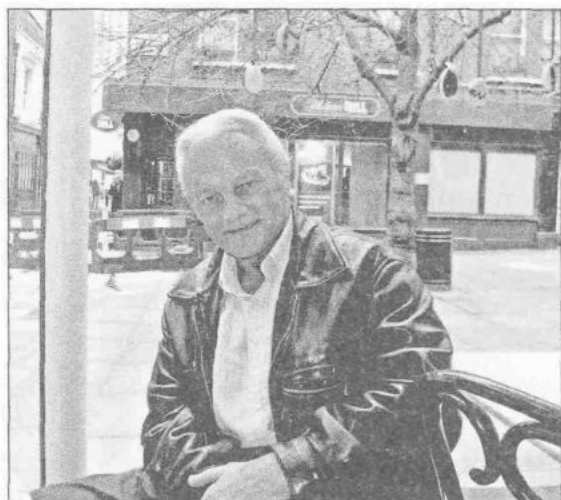
Мисс Англин поведала, что даже страшная трагедия 1952 года не смогла сокрушить ту невероятную любовь, которую питала Бетти к русскому Алеку. Их привязанность была настолько сильна, что когда Самсон на склоне лет приобрёл для себя место на кладбище у церквушки Св. Петра и Павла, то поставил во дворе дома скамейку — чтобы Бетти после его смерти могла, сидя в саду, видеть его последнее пристанище.

Два года спустя после кончины Самсона в этой же могиле был похоронен Сид. Он всегда знал об отношениях Засса и своей супруги, но он также помнил, что с 1935 года это были только дружеские связи. Об этом мисс Тилбэри рассказывала уже после смерти мужа. Она завещала похоронить себя в той же могиле, но ее воля не была исполнена. Обо всём этом и рассказали супруги Англин, осуществив после некоторых колебаний первый дар в оренбургскую экспозицию об Александре Зассе — пару его фотографий и большую газетную статью «Я влюбилась в силача Самсона», — последнее признание Бетти в любви.

MEMORIES: Betty Tilbury lovingly places flowers on Samson's grave.

Бетти Тилбэри возлагает цветы на могилу Самсона

Тревора Барнет

НОВЫЙ САМСОН

Ученик Засса — Тревор Барнет, долгие годы выступавший как Новый Самсон, живущий теперь в самом центре Лондона на исторической рыночной площади Шепперд Макет, — тоже вначале развел руками: «ничего не сохранилось», но рассказал о Зассе много интересного. Он подтвердил, что все годы до самой смерти Засс прожил в Соединённом Королевстве по виду на жительство, так и не отрёкшись от русской Родины. Кстати, мой собеседник оказался в некотором смысле связан с Россией — его дед, Михай-

ловский, был русским. По-русски говорил и отец. Фамилию Барнет он получил позже.

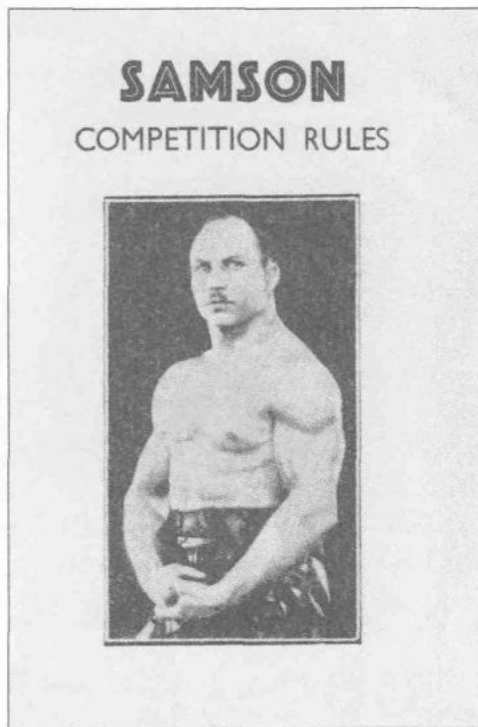
По приезду в Великобританию Самсона его фотографии практически не сходили со страниц местных газет. Манчестер, Бристоль, Эдинбург, Глазго... Удивительный Самсон переезжает из города в город, выступает на лучших театральных площадках — да, именно в театрах и мюзик-холлах демонстрировали свои силовые номера атлеты того времени. На многих фотографиях 30-х годов рядом с Зассом — высокий человек в котелке и очках. Вот он рядом с грузовым автомобилем, который под ликование толпы переезжает лежащего на земле, как ни в чём не бывало, Самсона. Вот он около карусели, на которой катаются взрослые дяди, а опорой всему этому служит грудь русского богатыря... Альфред Томас Стюарт Ховард, импресарио Засса — ещё одна загадка Самсона. Дело в том, что Ховард был агентом спецслужб Великобритании. Существует мнение, что Ховард использовал Засса в качестве прикрытия: устраивал своему подопечному выступления в тех городах, куда Ховарду необходимо было выезжать по долгу службы. Подданный её Величества, Ховард был родом из России, говорил

Классические
портреты
Александра
Засса

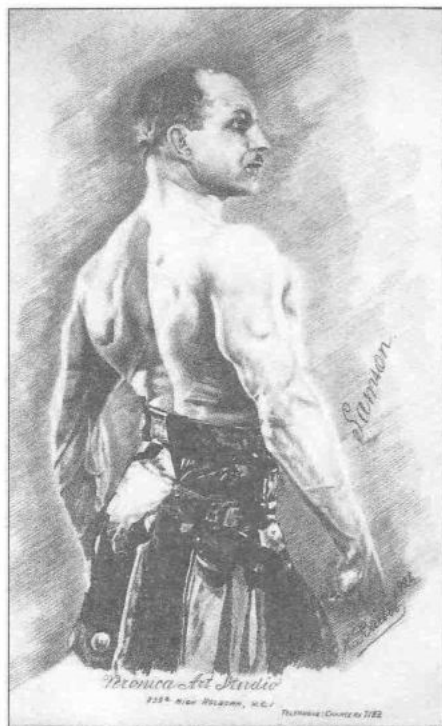
Засс держит четверых

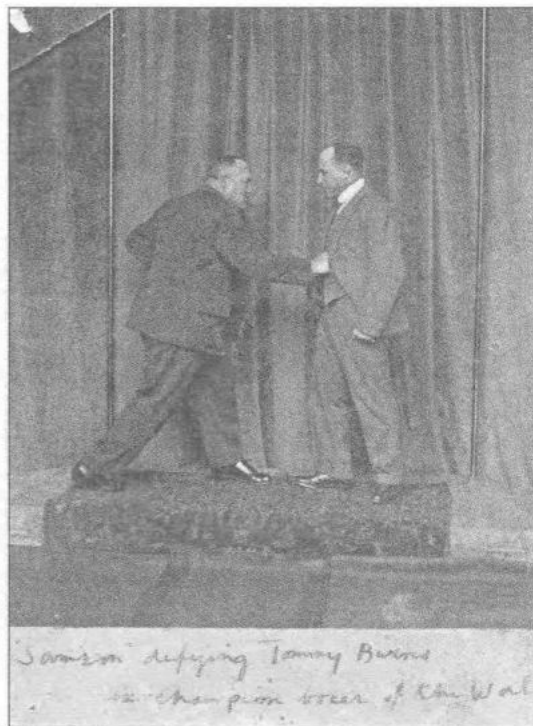
Обложка брошюры «Самсон. Правила состязания»

по-русски и с момента приезда Засса в Великобританию выступал в роли его переводчика. Он же организовывал гастроли выдающегося атлета, владевшего, кроме русского, ещё польским, немецким, венгерским и французским языками. Известно, что Альфред Ховард скончался 21 марта 1931 года в возрасте 38 лет.

Надо сказать, что Самсон был небедным человеком. Во время нашей второй встречи с Тревором Барнетом, уже перед отлетом в Москву, ученик Самсона путём несложных математических вычислений покажет, что Засс получал от выступлений приличные деньги. При этом он ещё регулярно учреждал собственные призы тем зрителям, которые, пытаясь повторить его номера, ближе других приближались к «оригиналу». Победитель получал 5 фунтов, а второе и третье места поощрялись 3 и 2 фунтами соответственно.

Рисованный портрет Самсона

Александр Засс держит удар Томми Бёрнса

Это при том, что вход на представление стоил порядка 6 пенсов. Если бы билет в цирк стоил сегодня 100 рублей, то, окажись Засс в России, победитель унёс бы больше 8000 рублей! А ещё Засс на спор вызывал любого, кто был готов сбить его с ног ударом кулака в живот. При этом Самсон приглашал и профессионалов. Одно из таких пари запечатлено на фото, где многократный чемпион мира по боксу, канадец Томми Бёрнс, пытается свалить русского Самсона.

Как бы то ни было, но в Англии Самсон всегда был на виду, чего мы не можем сказать о годах его скитаний по Европе, — Тревор Барнет подтвердил, что учитель никогда не рассказывал об этом периоде своей жизни. На следующее утро после знакомства с Новым Самсоном я покинул Лондон и вылетел в Шотландию...

Дэвид Вебстер

В СТРАНЕ ГОРЦЕВ

В получасе езды от шотландского Глазго, на берегу Северного моря, расположился городок Ирвин, где меня ждал большой специалист по силовым видам спорта, бессменный судья всемирных состязаний силовиков Дэвид Вебстер. Пробираясь среди творческого беспорядка, царящего в доме, я первым делом нечаянно наступил на лежащую на полу фотографию его хозяина в обнимку с Арнольдом Шварценеггером.

Таких приятелей у Вебстера оказалось больше, чем можно было предположить. Самые знаменитые из них нашли своё место в большом фотоальбоме. Хранились там и несколько открыток с Александром Зассом. «Что? Отдать?! В музей?! — мистер Вебстер искренне негодовал. — Да вы знаете, что я собирал эту коллекцию всю жизнь, я искал эти открытки на аукционах! Я платил за них деньги... Засса вам никто не отдаст!» Кажется, я это где-то уже слышал. Сменив тактику, я обратился к Вебстеру с провокационным вопросом: «А так ли уникальны были номера Русского Самсона? Вроде и подковы до него ломали, и цепи рвали. Почему именно Засс стал „Сильнейшим человеком Земли“?»

Вопрос не смутил моего собеседника. В ответ он достал свою книгу о величайших атлетах мира. На обложке в центре красовался портрет нашего соотечественника. Его окружали фотографии других выдающихся силачей. Оказывается, Самсон был действительно уникален. Взять, скажем, разрывание цепи, обмотанной вокруг тела. Каждый новый импресарио появлялся перед Зассом с толстенной цепью. Это был своего рода экзамен, «пропуск» на подмостки. Но лишь Самсон мог продемонстрировать этот номер в десятках вариантов, разрывая металл разными группами мышц. Выступление, когда Самсон проносил по сцене лошадь весом больше 300 кило-

Живой «мост»

граммов, взваленную на плечи, — коронное. Он повторял его и просто на публике под открытым небом. Для демонстрации колоссальной нагрузки на плечи Самсон соорудил специальную вышку. Стоя наверху, он удерживал на плечах подвешенные мостки с группой людей. На самой известной фотографии, где в такой группе запечатлён Уинстон Черчилль, Засс держит на плечах 13 человек. Поистине уникальный номер под названием «Человек-снаряд» Засс

Человек-
снаряд —
уникальный
номер
Самсона

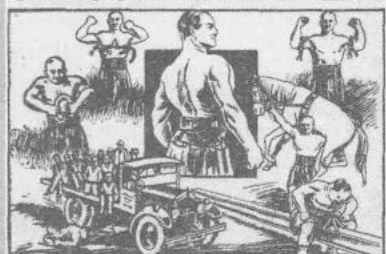
Sensation of Sensations

The
HUMAN BULLET
MISS LILIAN LA-BRAM
Presented by SAMSON

AMUSEMENTS

JOHN DUFFY & SONS
BIG WONDERFUL TOURING
CIRCUS
TO VISIT:—
LONGFORD, THURSDAY, JUNE 11; GRANARD, FRIDAY, JUNE 12;
CASTLEPOLLARD, SATURDAY, JUNE 13; BALLYJAMESDUFF, MONDAY,
JUNE 14; CAVAN, TUESDAY, JUNE 15; COOTEHILL, MONAGHAN,
CLONES, BELTUBBET, KILLESNANDRA, ARVA.
With a Monster "Ode" of Absolute Novelties and Attractions all new to Ireland.
Featuring the World-Famous

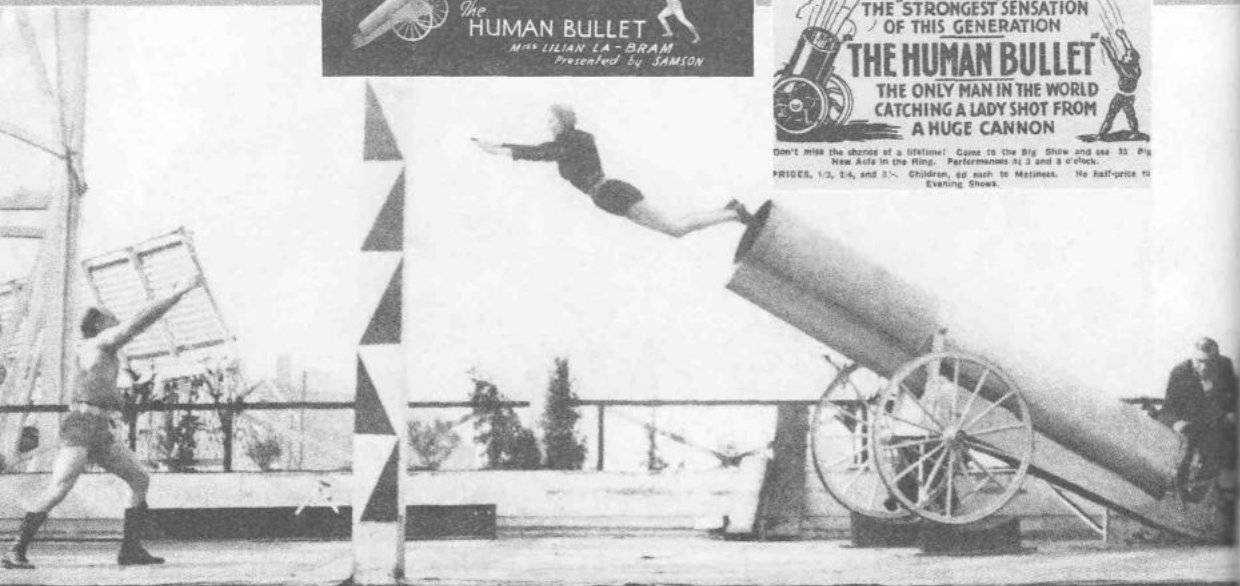
SAMSON **STRONGEST MAN ON EARTH**

This is the Biggest "Thriller" in the history of the Circus World. Time can never hope to out!

THE GREAT
ZASS.
THE "STRONGEST SENSATION"
OF THIS GENERATION
THE HUMAN BULLET
THE ONLY MAN IN THE WORLD
CATCHING A LADY SHOT FROM
A HUGE CANNON

Don't miss the chance of a lifetime! Come to the Big Show and see 33 Big New Acts in the Ring. Performances at 2 and 8 o'clock.
PRICES, 1/2, 1/4, and 0/- Children, 6d each to Mothers. No half-price in Evening Shows.

A STAGE AND YOU ARE THE ACTORS"
LY—BY VISITING "PLAYLAND" OFTEN/

развил из трюка, демонстрировавшегося другими силачами: они ловили 9-килограммовое ядро, которым выстреливала с небольшого расстояния пушка. Для начала Засс выбрал ядро себе под стать — 90 килограмм. Но и этого ему было мало. Неравнодушный к слабому полу, он знал, чем покорить публику! После долгих расчётов и поисков Самсон создал чудо-пушку, стрелявшую не холодным металлом, а... очаровательной девушкой! Это была Лилиан ля Брам, покорившая Самсона то ли «аэродинамикой» форм, то ли более лёгким весом. Пролетая 8 метров по сцене, она неизменно попадала в руки Самсона. Её появление в жизни Засса и стало той последней каплей, после которой Бетти решила порвать с любимым. Номер с пушкой тщательно отработывался. Его премьера состоялась в сезоне 1935–1936 года в Белфасте (Северная Ирландия). «Рождественский цирк» в Кингс-Холле анонсировал выступление как «Человек-снаряд». Весь 1936 год Засс демонстрировал этот номер с ля Брам в Ирландии в составе цирка «Джон Даффи и сыновья». Этот же номер Засс возил в 1937 году в США. Кстати, за океаном пользовались популярностью и его прогулки с лошастью на плечах. В декабре 1960 года Александр Засс напишет в своём письме племяннику Юре Шапошникову в Москву: «Моя лошадь, которую я носил в Англии — 784 английских фута*. В Америке носил лошадей разного веса. Большею частью брал напрокат у ковбоев — малого веса».

В конце 1920-х импресарио Засса Ховард устраивал «дорожные шоу» в разных городах Великобритании. Заменяя домкрат, Александр Засс отрывал от земли с одной стороны грузовые автомобили. Огромной популярностью пользовалось выступление Засса, когда на какой-нибудь из площадей при большом стечении народа Удивительный Самсон укладывался на землю, а по нему: по ногам, по пояснице, проезжало авто с пятью-шестью пассажирами. Так называемую «растяжку лошадьми» Засс тоже практиковал на широкой публике. «Человек мощностью в две лошадиные силы» — зазывал рекламный плакат на шоу, где Самсон удерживал

*Примерно 356 кг.

Samson, who is appearing at the Palace this week, driving six-inch nails through a four-inch plank with his hands.

«Самсон, выступавший в „Палас“ на этой неделе, забивал голой рукой шестидюймовые гвозди в четырёхдюймовую доску»

двух лошадей, рвущихся в противоположные стороны. На фото в передовице «Санди Экспресс» 25 июня 1933 года отчётливо видны мощные крупы настоящих шотландских тяжеловозов, тщетно пытающихся разорвать невысокого русского богатыря.

Одним из коронных номеров Засса было забивание огромных гвоздей в толстую доску ладонью руки. Об этом взахлёб писала британская пресса. Дэвид Вебстер слышал историю, что однажды Самсон не рассчитал удара и пробил насквозь руку. Оказавшись таким образом пригвожденным к доске, Засс взял пальцами свободной руки за шляпку гвоздя и вытащил его из дерева, словно клещами. Не переставая удивляться нашему земляку, я попрощался с хозяином дома и отправился назад в Глазго, откуда после увлекательной ночной экскурсии по двум вокзалам мне предстояло отправиться дальше на север.

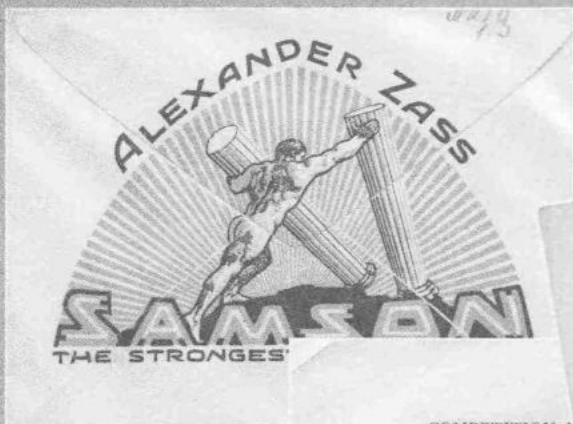
На родине Несси

Никогда не задумывался, где же находится знаменитое озеро Лох-Несс. Неожиданно оказавшись в двух шагах от него в шотландском городке Инвернесс, я не удостоил знаменитое чудовище своим вниманием, направившись напрямик к миссис Валери Хоффман. С женщиной, чья сестра опекала спутницу Засса Бетти Тилбэри до её смерти, а после захватила с собой оставшееся бесхозным имущество Самсона, мы два месяца вели оживлённую переписку. Последнее её послание пришло в Оренбург, когда я был уже в пути. Надо ли говорить, что оно заканчивалось словами: «Я, разумеется, покажу вам то небольшое, что у меня есть, но не собираюсь продавать эти реликвии». Позвольте, а разве мы собирались что-то покупать?!

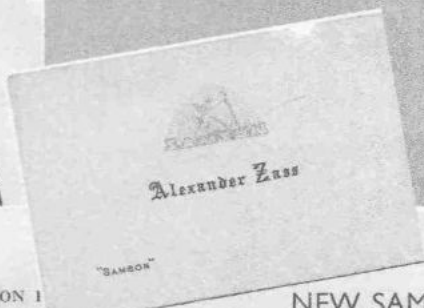
Из Инвернесса в Лондон я возвращался с солидной пачкой фотографий, афишей, черновиками книги, кое-какими личными документами Александра Засса и многочасовым интервью, записанным на диктофон. Разбирая вместе с миссис Хоффман документы и газетные вырезки, нам удалось год за годом восстановить биографию нашего соотечественника. Итак, в феврале 1924 года,

приехав в Лондон по приглашению сэра Освальда Стола, Александр Засс даёт своё первое выступление в «Хэрни Эмпайр». На афише он представлен как Удивительный Самсон. Затем он выступает в «Шепердс Буш Эмпайр», потом в «Алхамбре». Покинув Лондон, Засс проезжает по всей Англии: даёт представления в Манчестере, Бристоле, Чатеме. Затем вновь возвращается в столицу, собирая полные залы крупнейших мюзик-холлов: «Колизей», «Чизик», «Клапам», потом едет в Лестер и вновь возвращается в Лондон. О своих успехах он напишет два письма отцу, дошедшие до адресата за год до смерти. 1925 год – Самсон подписывает контракт и успешно гастролирует в Ирландии, потом возвращается в Англию. На последующее десятилетие приходится пик славы Самсона – «Сильнейшего человека Земли». В центре Лондона, на Флит-стрит, Александр Засс открывает Институт здоровья и физической культуры Самсона. Его дела ведёт всё тот же Ховард. Они выпускают и рассылают по подписке буклеты с упражнениями от Самсона. «Самсон – сильнейший человек Земли» – значится на конвертах, бланках писем и визитных карточках Александра.

Среди пожелтевших газет в доме Валери Хоффман натыкаюсь на инструкцию к кистевому динамометру, разработанному Самсоном. «Динамометр Самсона? Да, конечно был, но сломался... Я его отдала кому-то, наверное, сыну». Найдётся ли этот поломанный прибор, Валери Хоффман сильно сомневается. Зато отыскалась визитная карточка с приватным лондонским адресом Засса. До приобретения земельного участка в Хокли, Самсон жил в столице. В самом центре, на Хэнвей-стрит. По рассказам, дошедшим до нас позже, Засс жил по-русски широко, в его доме всегда было весело и полно гостей. В холле при входе в дом у него стоял автомат по продаже сигарет. Как-то, вернувшись с представления, он обнаружил, что дверь взломана, автомат вскрыт и разграблен. По каким-то признакам Засс понял, что это сделал кто-то из его близких знакомых. В ярости он завёл стоявший у входа грузовик и на полном ходу въехал на нём в холл, круша всё на своём пути. Бросил машину и ушел из дома.

Фирменный конверт
и визитная карточка
Засса

Инструкция к кистевому
динамометру Самсона

COMPETITION I

All competitors must lift the girder at one of the performances prior to the second performance on Friday night in order to qualify for the Final, to be held in the second performance on Friday night.

FIRST PRIZE.

The First Prize will be awarded to the girder with six plates to the boxes. In the will be divided.

PRIZE.

It be awarded to the girder with four plates on to the boxes. In ize will be divided.

PRIZE.

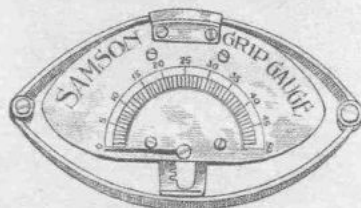
It be awarded to the girder with two plates on to the boxes. prize will be divided.

ly essential that the to the boxes in order

NEW SAMSON SYSTEM

HOW TO GET STRONG
BY TRAINING WITH

Samson Grip Gauge

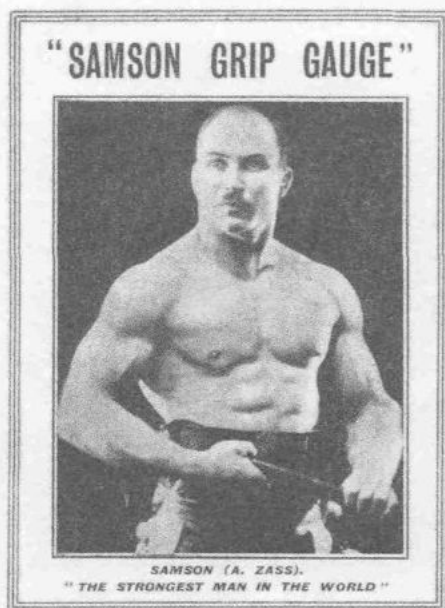

Price 7s. 6d.

including full Book of Instructions.

The above Gauge may be obtained at this Theatre, from Samson at the Stage Door, or by post from :

32, COPTIC STREET,
W.C.1.

Хэнвей-стрит, 34 — один из адресов Засса в Лондоне

PAIGNTON NEWS-SATURDAY, OCTOBER 2, 1943

With A Camera At The Zoo

Not in keeping with war-time? Perhaps not. But readers, we feel, will be interested in these animal studies by our staff photographer at the Devon Zoo, while those in the Forces will be given a welcome reminder of those happy days at Primley. Above, "Mr. Samson"—the famed strong man—provides a see-saw for two proteges, each weighing about 17 stone.

FLASHES

MR. JAMES T. HARDY, son of the late Mr. Hardy, M.A., N.O., and his military comrades (left) as possible candidates for the...

There must be something in the trainer's eye that compels respect. The photographer failed to achieve similar success, as witness the snarling subject above. Royalty knows the difficulties of the Press Photographer, and invariably poses with grace. The King of the Forest has other views. The camera, he thought, was something to be eaten!

BATTLE OF BRITAIN CONCERT FOR R.A.F.

£373 Raised for Remount Fund

SAMSON WITH THE

С началом Второй мировой Александр Засс прекращает публичные силовые выступления, покидает столицу и оседает в городе Пэйнтон на побережье Ла-Манша, где занимается дрессировкой слонов, львов, шимпанзе в местном зоопарке. В 1940 году туда перевезли многих животных, эвакуированных в связи с войной из известного зоопарка Чессингтон, что под Лондоном. Александру, всегда с большой любовью относившемуся к братьям нашим меньшим, наверняка импонировал сам принцип работы пэйнтонского зоопарка: «Животные — не предмет развлечения, а объект изучения». С ассистенткой Маргэрит в 1941 году он уже представляет новую программу с двумя слонами и собачками-наездниками, а также с шимпанзе, прибывшими из Чессингтона. В зоопарках Фримли и Пэйнтона Засс отвечает за работу с животными и одновременно сам занимается дрессурой. Ближе к концу войны наш соотечественник постепенно выходит из тени: с 1943 года «мистер Самсон», как его называют газетчики, дает многочисленные интервью, рассказывает о работе с подопечными: «Главный вопрос — питание. Нельзя сказать, что животные стали получать больше пищи, или что она стала лучше, но они приспособились к военной диете. За все эти годы у нас не было потерь. Так же, как и люди, звери едят сейчас то, что, вероятно, не стали бы есть в мирное время». На одной газетной фотографии апреля 1945 года Александр Засс позирует с пони и... популярным радиошоуменом Би-Би-Си Кэролом Льюисом, а на другой — он уже в клетке с тремя взрослыми львами... Так, постепенно разбирая вместе с Валери Хоффман залежи документов, афиш и газетных вырезок, мы добрались до 1952 года, когда Александр Иванович, выйдя на пенсию, приобрёл тот самый заветный участок земли на Пламбероу Авеню в Хокли.

Понимая, что для создания полноценной музейной экспозиции кроме фотографий и бумаг нужно что-то «осязаемое», во время поездки по Великобритании я повсюду интересовался судьбой вещей Александра Засса. Его знаменитый кожаный пояс римского легионера не сохранился. Не удалось раздобыть и кистевой динамометр Самсона. А вот с гирей, принадлежавшей Сильнейшему человеку

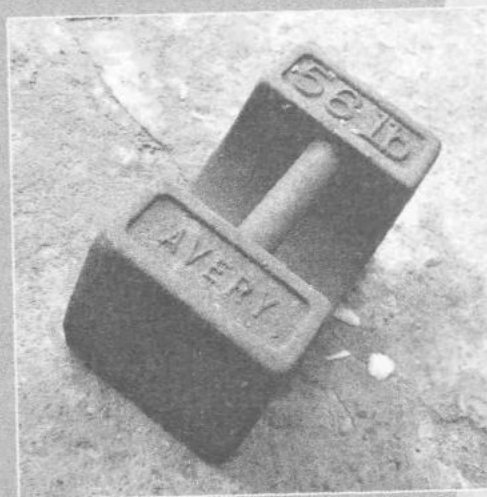
1945

PAIGN

Primley's New Arrivals

Mr. Carroll Lewis visited Primley's last week, and our picture was the baby for the "christening ceremony." (See in the picture Mr. Lewis, and Capt. G. H. Wood, the Zoo

PAIGNTON ZOO
and Botanical Gardens - Totnes Road

Programme

OF THE

CIRCUS

SUMMER 1951

DAILY THROUGHOUT THE SEASON
EVERY AFTERNOON
(SUNDAYS EXCEPTED)

Times of Performances displayed
throughout the Grounds and will
be announced by Loud-Speaker

PRICE - THREE PENCE

ADVERTISING PRINTERS LTD. - TOTTENHAM

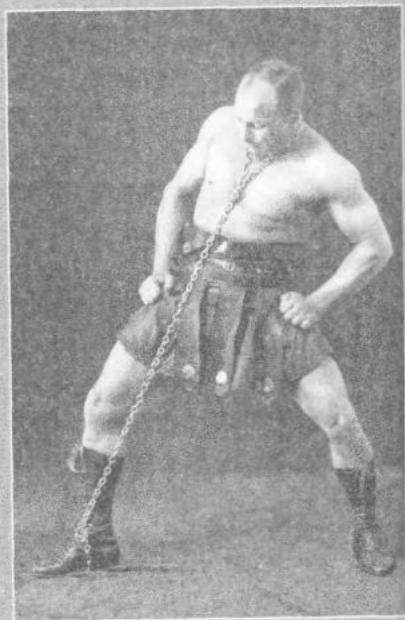
Земли, произошёл курьёз. Все мои собеседники в разных городах — от Хокли на юге до Глазго на севере — в один голос твердили о её существовании. Причём указывали друг на друга в полной уверенности, что видели её в последний раз у своих знакомых. Добравшись до конечного пункта моего путешествия, сидя глубоко за полночь на окраине шотландского Инвернесса над грудой свидетельств былой славы Засса, я смеха ради рассказал о неуловимой гире мисс Хоффман. В ответ моя собеседница и впрямь расхохоталась: «Что? Гиря Самсона?! Она у меня во дворе! Завтра посмотрим».

Утром на сочную зелень шотландских холмов выпал снег. 20 сантиметров за одну ночь! По-видимому, в честь приезда гостя из России был побит рекорд осадков за всю минувшую зиму. Мы откопали из сугроба 56-фунтовку необычной кубической формы и я, отбросив всю дипломатию, торжественно сообщил, что без гири в Оренбург не вернусь. Заручившись согласием ошеломленной хозяйки «экспоната» и подержавшись за железную игрушку Самсона, я пришёл к выводу, что 26 килограммов, а именно столько весит гиря в пересчёте с английских фунтов, для ручной клади в самолёте будет, пожалуй, чересчур. К счастью, я вспомнил про своего знакомого Игоря Бринкманна из берлинской транспортной компании «Эйр Курьер Логистик», который, ещё не знакомый с полётом фантазии сотрудников фонда «Евразия», великодушно предложил свою безвозмездную помощь в доставке экспонатов, коль скоро таковые найдутся. Уже через неделю после моего возвращения в Россию гирю бережно упаковали и повезли: в Лондон, Берлин, Москву. С трепетом отслеживали мы путь бесценного экспоната. Так гиря-путешественница приехала в Оренбург, чтобы занять своё место в музейной экспозиции.

Тем временем из Шотландии подоспел ещё один раритет. Мистер Вебстер, во время нашего общения в Глазго наотрез отказывавшийся подарить хотя бы одну открытку-фотографию Самсона из своей коллекции, чудом уговорил своего знакомого Дэвида Джентла из Ромси Хантс презентовать Оренбургу мемуары Александра Засса, изданные в Лондоне в 1925 году, а теперь и

24 августа 2006 года Иван Шутлов демонстрирует знаменитый номер Самсона на открытии выставки

Экспозиция
«Возвращение
Русского Самсона»
в музее истории
Оренбурга

в России. Все экземпляры этой книги осели у коллекционеров и стоят больших денег.

В августе 2006 года в Оренбурге была открыта первая в мире музейная экспозиция, посвящённая Александру Ивановичу Зассу. Мы назвали её «Возвращение Русского Самсона». Здесь удалось представить большую часть из собранного весной, а также рассказать о тех людях, кто поверил нам и передал столь дорогие для них реликвии в Россию. На открытие из Хокли приезжали Ричард и Лесли Вингоу — для них русско-английская история Самсона стала подлинным откровением, тем более что Лесли сама выпустила книгу об истории своего города. Услышав о планирующемся в Оренбурге событии, на связь с нами вышел последователь Засса — сам он называет себя его учеником, — Иван Шутов, житель Ижевска, занесённый за свои силовые номера в Книгу рекордов Гиннеса, участник престижных состязаний и шоу. Он предложил продемонстрировать в рамках открытия экспозиции, посвящённой Александру Зассу, несколько его уникальных номеров. Это стало поистине невиданным зрелищем, которое собрало перед зданием музея истории Оренбурга сотни горожан. Шутов рвал цепи и забивал голый ладонью огромные гвозди в толстые доски. И только в одном модернизировал «дорожное шоу» Самсона — удерживал руками не коней, разбегающихся в разные стороны, а два разъезжающихся автомобиля «скорой помощи». Колеса прокручивались на месте, резина дымилась, а публика замирала в восхищении.

«ОПИЛКИ В МОЁМ СЕРДЦЕ»

Отголоски оренбургских событий разлетелись по всему свету, и в 2007 году на связь с нами вышла некая Жаклин Джонс. Несколько листочков, озаглавленных «Самсон, каким я его знала», оказались лишь пресловутой надводной частью айсберга. Вскоре мы получили рукопись книги, подготовленную воздушной гимнасткой. Сама по себе увлекательная история жизни цирковой артистки достойна публикации, но нас привлекли страницы, подробно рассказывающие о последнем десятилетии жизни Александра Засса.

BRITAINS LEADING SOLO TRAPEZE ACT

AWARD WINNING

BRITISH OUTDOOR
SHOW WORLD
CHAMPIONSHIPS

AS SEEN ON BBC TV
"NATIONWIDE"

Jacqueline Ricardo

*Жаклин (Джеки) Джонс
с Александром Зассом
в казачьем
одевании*

По свидетельствам нынешних жителей Хокли, которые живо откликнулись на публикации журналиста Тома Кинга о Самсоне в местной региональной газете «Эхо», южную часть графства Эссекс в 50-е годы прошлого века облюбовали многие цирковые. Они жили здесь в перерывах между чередой гастролей: довольно просторно, можно было расположиться вместе со своими животными, не тревожась, что они станут беспокоить немногочисленных соседей. Старшее поколение ещё помнит Александра Засса, его силовые номера, которые он время от времени демонстрировал, когда ему было уже за шестьдесят, здесь помнят его дрессированных животных. С большой симпатией жители Хокли отзываются о Бетти, в то время уже пострадавшей от несчастного случая. Она казалась сгустком доброй энергии, бойко перемещаясь в голубой инвалидной коляске по городку.

В 1952 году десятилетнюю Джеки в гости к Самсону, жившему неподалёку, привела её подруга Джейн. Для Джеки, просто бредившей цирком, казалось невероятным вот так запросто увидеть Сильнейшего человека Земли. А его дом! Он был наполнен обезьянами, собаками, прочей живностью. Детские воспоминания сохранились в сердце Жаклин до сих пор: «Он любезно говорил со мной на ломаном английском, его глаза лучились. Я помню, каким он мне казался громадным! Его плечи были просто невероятные, хотя он не больше пяти футов и нескольких дюймов ростом. В тот первый день, когда мы пришли к нему, на нём была казачья шапка*, приталенное пальто из овчины**, бриджи и высокие чёрные ботинки для выезда. Это казалось мне волшебством». В большом сарае Самсон устроил цирковой манеж, кругом стояло множество специальных стоек, под потолком висела трапеция. Джеки не заставила себя долго упрашивать показать, что она умеет делать на трапеции. Здесь же она впервые увидела Сиду и Бетти – широко улыбающегося невысокого светленького толстяка и женщину со строгим тёмным, похожим на цыганское,

* Кубанка (прим. переводчика)

** Чекмень (прим. переводчика)

лицом и горбом на спине. Она странно передвигалась боком. Засс позвал их, чтобы показать, как лихо Джеки обращается с трапедией. Потом Бетти пригласила гостей пить чай. Девочка открывала для себя этот странный мир, украдкой рассматривая всё кругом. Заметила во дворе старый автобус с занавесочками, ей представилось, что цирковые артисты живут там во время гастролей. Войдя в дом, она ощутила резкий, но приятный запах. Её встретили три терьера, которые по команде хозяйки, скользя по паркету, быстро спрятались под столом. «На окнах были занавески с вязаными крючком кремовыми цветами и стеблями, связанными из шёлка. Зеркала из толстого гранёного стекла, обрамлённые резной деревянной рамой, мерцали над потрескивающим очагом. По бокам каждого из них были вырезаны львиные головы. В середине комнаты стоял большой полированный стол ручной резьбы с откидной крышкой. Каждая из его изогнутых ножек заканчивалась львиной лапой. Львиные головы были также среди переплетённых ветвей деревьев, вырезанных по верхнему периметру стола.

Огромный черный котёл, подвешенный на крюке, шумно бурлил на огне. От него исходил странный сладковатый запах.

— Еда для животных, — объяснила Бетти. Я успокоилась, потому что мне начало уже казаться, что она — колдунья!

— Пойдём, возьми этот поднос, дитя, — внезапно крикнула она снаружи. Я поспешила в небольшую опрятную кухоньку, выкрашенную в белый и голубой цвет. Она держала в руках серебряный поднос, на котором стояли кувшин с молоком, сахарница, имбирный бисквит, китайские чашечки и блюдца.

— Не урони его, — предостерегла она, видя, что от волнения у меня дрожат руки. Я взяла поднос, а она проследовала за мной назад в комнату. С облегчением опустила она свое искривлённое тело в искусно вышитое кресло и предложила мне сесть в другое. Джейн уже уютно расположилась за столом.

— Ты очень послушная, дитя, — Бетти смотрела на меня, протягивая мне чашку чая, которую только что налила.

Признаюсь, находясь словно в каком-то оцепенении, я не нашла больше слов и тихо произнесла «спасибо». Когда мы пили, я обнаружила огромный плакат, висящий на стене за её спиной — афиша «Театр Гипподром». Невольно я встала посмотреть. «Самсон, сильнейший человек в мире» — гласила надпись, а под ней картинка, на которой мужчина ловит девушку, вылетающую из жерла пушки. И тот же мужчина в костюме римского гладиатора несёт лошадь на своих плечах! Ниже, более мелким шрифтом, были названы имена других «звёзд», я почти всех их забыла, но помню одного из них — «особого гостя» Грэзи Филдс!

— Тебе нравится цирк, верно? — спросила Бетти.

— Никогда не была в настоящем, — пробормотала я смущенно.

— Ты прирождённая воздушная гимнастка, — сказала она, — правильно сложена, сильная.

Я улыбнулась, взволнованная услышанным, но не поверила её словам.

— Но это не только блёстки и арена, — продолжила она, — это и пот, и мучения, и очень тяжёлый труд, и сердечная боль... Думаешь, ты справишься?

— Да, — ответила я с детской непосредственностью.

— Ты можешь кончить так же, как я, — сказала она, скорчив гримасу.

Я посмотрела на её искривленное тело и замолчала, ожидая объяснений».

Бетти никогда не обвиняла своего Алека в случившемся, хотя мне неоднократно доводилось слышать версию о том, что Засс просто не удержал в зубах канат с подвешенной платформой, но этот вариант трагедии... кажется менее вероятным. По крайней мере, их отношения Александр — Бетти — Сид были поистине удивительными. До конца.

«Сид шумно вошёл в комнату, и сразу стало как будто светлей. Казалось, что эмоции переполняли этого весёлого бочкообразного клоуна. Он присел, налил себе чаю и прикурил сигарету от только что докуренной — заядлый курильщик.

Его жидкие седые волосы казались серебристыми. У него была привычка зачёсывать волосы пальцами, отчего образовались две рыжеватые полосы, идущие ото лба к затылку, подчёркивавшие его клоунскую внешность.

— Ну что, Джеки, подхватила вирус? — подмигнул он мне. Я почувствовала, что уже стала членом цирковой семьи, так как сразу поняла, что он имел в виду.

Я ощущала, как этот «вирус» растёт внутри меня. Я так давно мечтала стать частью этой странной цирковой атмосферы, которая манила меня, как ничто другое на свете. Магия была даже в этих зимних квартирах, где, собственно, ничего особенного и не происходило.

Собаки побежали к двери, приветствуя вошедшего радостным лаем и подпрыгивая. Самсон энергично вошёл в дом. «Лежать!» — шёпотом скомандовал он, и, к моему удивлению, собаки стали тише мышек.

Он добрался до своего чая, налитого в стакан с серебряным подстаканником. Это был чёрный чай с лимоном или джемом — религия не позволяла ему употреблять в пищу коровье молоко*. Он посмотрел сначала на имбирный бисквит, потом на меня.

— Бетти, эта девчушка худенькая, — констатировал он, — ей надо есть. Идём, девонька, ешь!

И он протянул мне огромный кусок салами и ломоть чёрного хлеба. Я всегда была голодной и накинулась на еду. Всё было очень вкусным, и я быстро расправилась с угощением.

— Всё, ты обеспечила себе друга на всю жизнь, — поддразнила меня Джейн, — Самсон так проверяет людей. Он вообще не понимает тех, кто не хочет есть или привередничает. Смотри, он ещё приготовит тебе свой фирменный русский гуляш!

Она рассмеялась и тут же начала бороться с ним».

С тех пор завязалась эта тесная дружба: Джеки и Джейн стали частыми гостями на Пламбероу Авеню. С цирковой троицей по-

*Очередная мистификация или шутка Засса, принятая девочкой всерьёз.
А. Засс был православным (прим. переводчика)

знакомились и родители Джеки. Мама помогала Бетти, а отец подружился с Алеком и Сидом.

«Я узнала, что Самсон перестал выступать с силовыми номерами и продолжал дрессировать диких животных для цирков и зоопарков. Несколько лет работал по контракту с Чессингтонгским зоопарком. Теперь он постарел, показывал номер с собаками и обезьянками, а ещё у него был шимпанзе, номер назывался «Семейка Джолли».

Он был очень заботливым человеком и никогда не приступал к еде, пока его животные не были накормлены, ухожены и согреты. Поэтому он и пользовался у них такой любовью. Во время тренировок он никогда не применял стек или хлыст. Хлыстом на арене он лишь щёлкал для эффекта.

— Никогда не бей животное, чтобы сломить его, — предостерегал он меня, — только добром можно достичь необходимого результата. Если ты причинишь боль, животное затаится, но нет ничего страшнее напуганного дикого зверя, который не любит тебя. Своим твёрдым голосом и уверенностью движений нужно показать зверю, кто главнее. Тогда, так же, как и на свободе, он увидит в тебе лидера, вожака стаи.

Самсон учил меня множеству разных вещей. Я выяснила, что он никак не может найти очаровательную девушку, которая бы хорошо ела и не флиртowała со всеми цирковыми мужчинами. Ему нужна была ассистентка для номера с животными. Вот что он имел в виду, когда говорил, глядя на меня: «Ты быстро растёшь». Он не мог долго ждать, пока я вырасту, чтобы стать его партнёршей на арене!

Самсон был очень образованным человеком, он мог объясняться на семи языках! На родине его отец заведовал большими угодьями. Чтобы объехать их на лошади, Самсону требовалось десять дней! Он рассказывал мне, что снежными зимами он отправлялся следить за скотом с рюкзаком, в котором лежали только одеяло из козлиной шкуры, кусок сала, немного соли, ржаной хлеб и домашняя колбаса».

Жаклин вспоминала также и Сиду, мужа Бетти, тоже достаточно образованного человека: «Он был из состоятельной семьи, на-

NEWBURGH, N. Y. Gruberg World's Exposition Shows

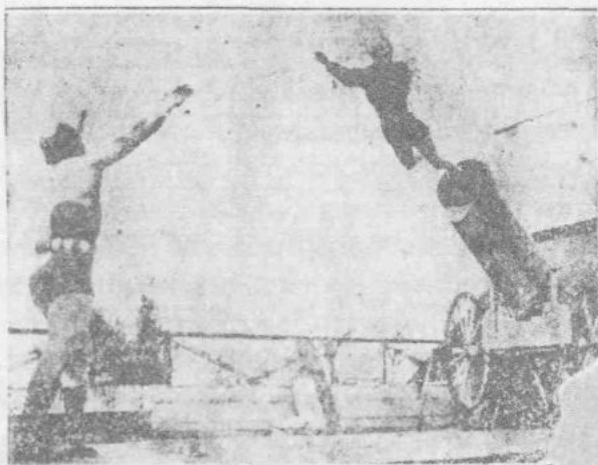
TONITE — REST OF WEEK

MATINEE SATURDAY

AUSPICES OF

VETERAN FIREMEN'S ASSN.

ON THE RECREATION GROUNDS.

FREE ON MIDWAY: SAMSON

STRONGEST MAN ON EARTH—CATCHING A WOMAN—FIR
FROM A HUGE CANNON

20 SHOWS 20

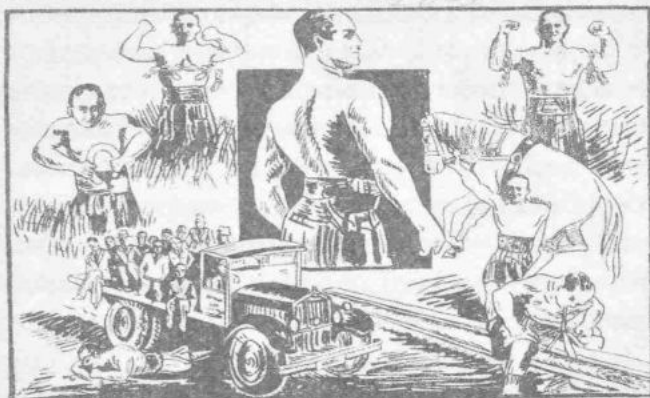
14 RIDES 1

THE SECRET OF THE QUIET OLD MAN

Strongest Man In The World

Samson's dog is named 'An' and is a 'Bull Terrier'.

Lee Press, Oak

чинал учиться на врача, хотел стать хирургом. Рассказывали, что как-то студенты дурачились, и один из молодых врачей бросил ему ещё тёплое вырезанное сердце (откуда он его взял, неизвестно), после этого Сид бросил учёбу и ушёл в морской флот.

Во время Второй мировой он был офицером. Однажды во время воздушной атаки он бросился на палубу, а когда встал, все вокруг него оказались мертвы. Тела, окружавшие его, по-видимому, защитили его от пуль. Тогда он посидел за одну ночь.

Он был хорошим плотником и фантастическим артистом. В цирковой среде его звали клоун Сид Хэй. Он собрал клоунскую труппу, которая исполняла номер «Пожарник» с хлопучками, акробатическими трюками и раздвижной лестницей».

Сезон 1953 года Александр Засс провёл в цирке «Гипподром» в Грейт-Ярмуте. Он выступал с обезьянами шимпанзе Рассела. Его попросили помочь, так как женщине было тяжело управляться с этими большими обезьянами. Вот как запомнилось Жаклин её первое знакомство с питомцем Самсона:

«— А теперь мы познакомимся с шимпанзе Оскаром. Пойдём, я тебе покажу его, — как-то сказал мне Самсон. Он провел меня через дом в свои две комнаты. Все стены были украшены гобеленами с разнообразными ткаными рисунками. Над старым камином висел один из них, изображающий Тараса Бульбу — известная история о казаке, чей сын влюбился и предал своих товарищей (теперь об этом сняли фильм). На дверных косяках висели связки лука и чеснока.

— Ешь лук, и никакие микробы тебе не страшны, — объяснил Самсон, — если все вокруг болеют, это предохранит тебя. Ты же видишь, я никогда не болею.

В углу на покрытом тигровой шкурой небольшом диване, больше похожем на кровать, закинув руки за голову, как будто загорая, в штанах из грубой материи лежал гигантский шимпанзе!»

Всё в доме Александра выглядело необычно и удивительно для будущей звезды цирковой арены. И Засс умело поддерживал эту сказочную атмосферу.

«— Где мои очки? — Самсон шарил среди бумаг на своем столе. Большой чёрный с белым терьер по кличке Пишта лежал между двух комнат Засса на подстилке из старого пальто. Он встал со вздохом и побрел к маленькому кофейному столику. Взял зубами очки и понёс через комнату, сунув их прямо в руку Самсону, после чего вновь не спеша вернулся на свою тёплую подстилку и улёгся с ещё более глубоким вздохом.

Я протёрла глаза, не поверив увиденному. Неужели собака может читать мысли?».

В то время как Засс гастролировал, Сид и Бетти тоже не сидели без дела. Они выступали на ярмарках с блошиным цирком. Блохи были канатоходцами, силачами, воздушными гимнастами. Их сбрую и костюмы Бетти делала сама. Борцовские состязания они устраивали с человеческими вшами, которых можно было разглядывать в большое увеличительное стекло. Когда друзья собирались вместе, к ним заходили и родители Жаклин. Как-то после совместных посиделок Засс провожал гостей до ворот.

«— Заходите как-нибудь днём посмотреть обезьян. Они не любят холода, быстро подхватывают простуду.

Он остановился у ворот. Два больших столба, выкрашенные в белый цвет, венчало по большущему ядру, тоже белого цвета.

— Эти ядра я обычно ловил, когда ими выстреливали из пушки, — похвастался Самсон.

Отец попытался сдвинуть одно из них, но не смог.

— Они зацементированы, — сообразил он и рассмеялся.

Самсон легко взял ядро и начал перебрасывать его с руки на руку, потом поставил на место.

— Да, по-моему, мне надо вступить в ваш клуб силы и здоровья, — засмеялся отец».

В их жизни вообще было много и весёлого, и грустного. Как-то раз Джеки и Джейн зашли в дом вместе с Самсоном.

«Оскар сидел на столе, выдёргивая нитки из клубков голубой шерсти. Он утащил их из коробки с вязаньем Бетти. Зная, что натворил что-то нехорошее, он издал вопль и удрал мимо нас в свою

Засс со своими питомцами

Джеки и Пишта

спальню. Вся шерсть была разбросана клочками. Мы с Джейн начали собирать их, когда в комнату вошла Бетти.

— Сейчас мне достанется, — сказал Самсон, исчезая так же, как и шимпанзе, словно провинившийся школьник.

— Что здесь происходит? — гневно вскричала Бетти. — Опять этот чудный шимпанзе! Его надо держать под замком. Нет, он позволяет ему делать всё, что тому заблагорассудится! Засс!!

Она всегда называла Самсона по фамилии, когда сердилась. А сейчас она была очень сердита. Мы с Джейн забились в угол, ожидая взрыва.

Все собаки исчезли при первых звуках голоса Бетти, и мы сочли, что благоразумнее последовать их примеру. Но прежде чем мы успели улизнуть, Самсон появился снова, держа за руку сопротивляющегося шимпанзе.

Бетти была вне себя от ярости, потому что шерсть предназначалась для очень сложного джемпера, который она вязала.

— Оскар очень сожалеет, он не подумал, он просто играл. Посмотри, он пришёл попросить прощения!

Шимпанзе примерно склонил голову и издал плачущие звуки, протянув руку Бетти.

— Это не его вина, а твоя! — сердито парировала она. — Лучше держите своего окаянного артиста под замком или закрывайте за собой двери. Он слопал все бисквиты и остатки печенья. Собирайтесь-ка лучше в магазин, спросите, осталась ли ещё такая шерсть. И смотрите мне, если её не будет!

Она вручила мне клочок шерсти и обертку от нее:

— Проверь, чтобы номер совпал.

Повернувшись к шимпанзе, она продолжила:

— И чтобы больше не вертелся вокруг меня! — она смягчилась и дала ему конфетку. — На этот раз я тебя прощаю, но чтобы сидел в своей комнате!

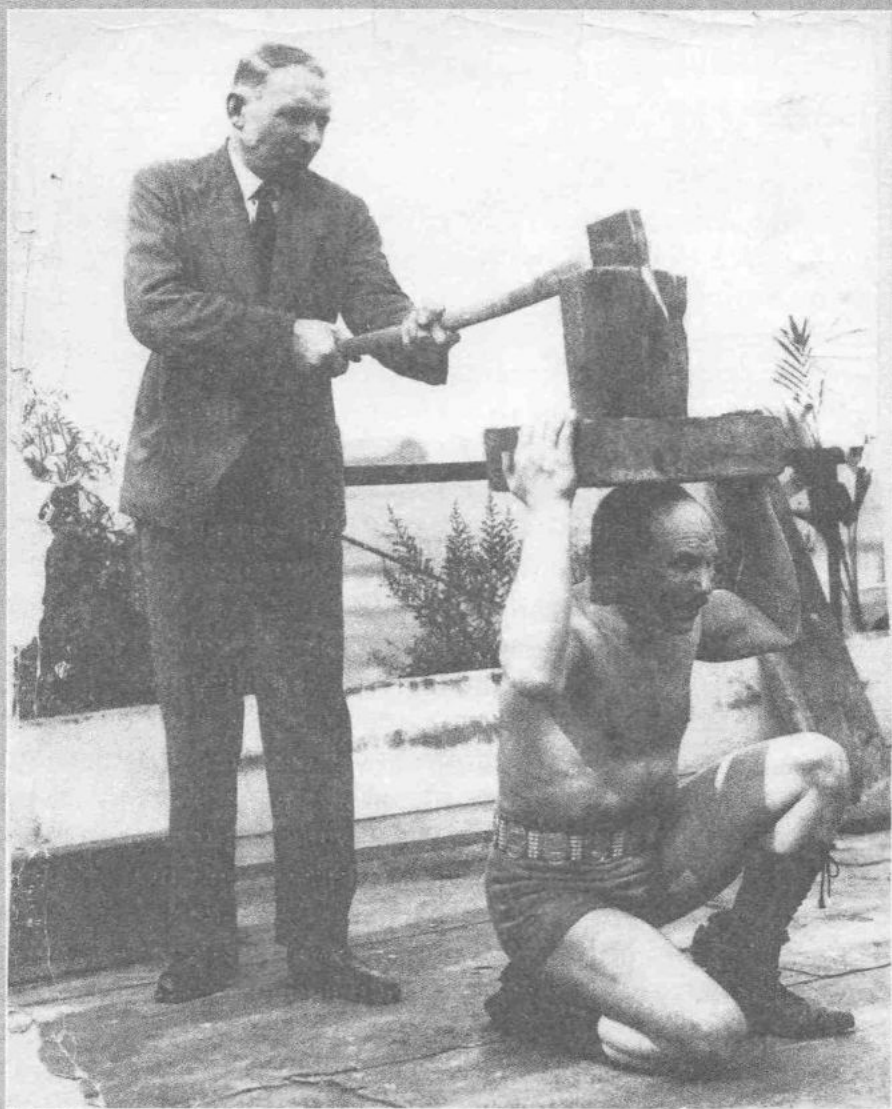
Оскара поместили в его огромную коробку.

— Сиди здесь, пока мы не сходим в магазин, — проинструктировал его Самсон, — и всё будет в порядке.

Мы отправились вместе и вскоре принесли Бетти нужную шерсть».

В 1954 году Александр Засс работал по контракту главным администратором «Нового Калифорнийского цирка» в Вокингхэме. Он выступал со своими знаменитыми собаками и с шотландским пони. 23 августа того же года (а не позднее, как пишет Жаклин в своей книге) по заказу телекомпания Би-Би-Си будет организовано последнее, насколько нам известно, публичное выступление Александра Ивановича Засса с силовыми номерами. И хотя ему было тогда 66 лет, а не 71 год, как объявит голос за кадром, увиденное впечатляет. Эта запись сохранилась в архиве компании «Бритиш Пате». Вот как запомнились те давние события Жаклин:

«Самсон уехал на несколько дней на съёмки. Когда он вернулся, он пригласил маму и папу, Джейн, Джози и меня на просмотр.

В воскресенье мы нарядились в наши лучшие платья и отправились в «Одеон» в Саутент.

Когда мы вошли, директор вышел нам навстречу со словами: «Вы — Самсон! Рад познакомиться, проходите, пожалуйста!» Он пригласил нас на лучшие места, а затем принёс бутылку вина, шерри, виски и апельсиновый сок.

В новостях «Пате Пикториал» Самсона показывали гнущим железную перекладину в дугу. Хотя он и отошёл от силовых номеров, но был всё ещё в форме и довольно силён. Потом показывали, как он тянет автобус с трупой театра «Лондон Палладиум», включая Макса Миллера*. Мы все страшно гордились увиденным. После сеанса отправились на обед в «Савой», где нас ожидал шикарный стол. В этом был весь Самсон».

По-видимому, Бетти в то время уже находилась в больнице — по свидетельству Жаклин, ей пришлось лечь туда из-за прогрессирующего костного туберкулёза. Это была закрытая лечебница в Блэк Нотлей. Бетти предстояло провести там почти полтора года. Засс старался навещать её по мере возможности. Жаклин вспоминает:

«Дорога туда была неблизкой. Меня не пускали, потому что детям запрещали бывать в туберкулёзной больнице, за исключением близких родственников. Как-то, вернувшись после очередного посещения, он пришёл к нам домой на чай в очень подавленном состоянии. Он рассказал маме с папой обо всех операциях, которые предстояло перенести Бетти. У неё должны были взять кость из ноги и пересадить её на позвоночник, чтобы выправить его. Существовала опасность того, что она никогда больше не сможет ходить. Она сильно потеряла в весе, и у нее начались болячки от отсутствия движения. Она лежала в своей кровати на террасе. Лечение могло занять месяцы».

В 1955 году Александр выступает в цирке «Блэкпул Тауэр», а год спустя работает с собаками и обезьянами в цирке Розэйр. Кармен Розэйр неоднократно ассистировала ему в номере «Семейка Джоли» с собачками и обезьянками. После Пасхи 1956 года Засс при-

*Известнейший комический актер Великобритании 1930-50 гг. (прим. переводчика)

Засс в казачьей униформе

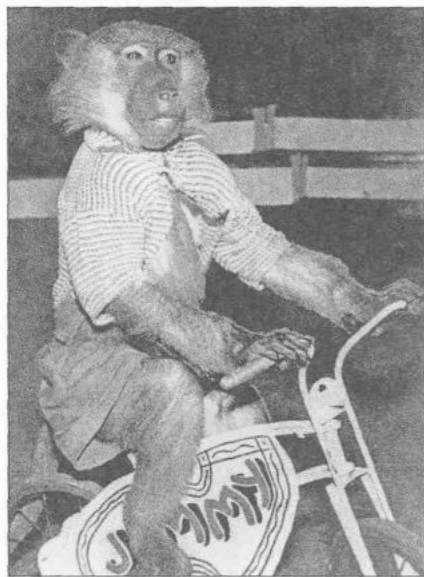

соединился к труппе в городе Биллерик. Сид выступал, как всегда, с «Бертрам Миллис». Туда же он устроил на работу и отца Жаклин, плотника по профессии. В эту компанию со временем влилась ещё одна девушка.

Александр Засс очень долго искал партнёршу, которая могла бы ассистировать ему в номере с собаками. Жаклин была всё ещё слишком мала. И вот подходящая кандидатура нашлась. Восемнадцать лет, привлекательная внешность, опыт работы с собаками. Самсон пригласил её в Хокли. Вместе с Джеки они отправились встречать девушку на станцию.

«Она вышла из поезда. Два одинаковых коричневых чемодана и дорожная сумка из того же материала. Высокие чёрные сапожки, пальто новейшего покроя, зелёная юбка с выглядывающими из-под неё кружевами нижней юбки, – всё по последней моде!

Обильный макияж, высокая причёска с начёсом. Моё первое впечатление было, что она абсолютно не тот тип. Тем не менее, мы обменялись приветствиями, и я подвела её к Самсону. Она непринуждён-

Бабуин Джимми

но болтала со мной. Увидев Самсона, девушка не решилась заговорить с ним. Мне показалось, что она стеснялась. Всю дорогу домой она болтала со мной о рок-н-ролле. Я в то время ещё только начинала интересоваться такими вещами.

Разумеется, мы приготовили к её приезду обед. По моему предложению Самсон приготовил обычную английскую еду. И тут она совершила первую ошибку в его глазах. Она не ела! Она предпочитала чипсы с томатным соусом сверху или шоколад!

Потом мы начали распаковываться, и она с гордостью показывала мне свои платья. Стильная одежда — округлые юбки, блузки с открытыми плечами... У неё не было ничего из того, что мой отец назвал бы практичной одеждой. И только сандалии на ноги.

Второй её ошибкой было то, что, когда она начала пудрить свой носик, а Пишта подошёл поприветствовать её, виляя хвостом, она пнула его! Разумеется, Пишта не был знаком с подобного рода обращением и не ожидал, что его поведение может вызвать чьё-то неодобрение. Он сделал вид, что ему сделали очень больно, начал скулить и прихрамывать.

Джози (так её звали) всего лишь слегка задела его, но таким образом она получила первый урок — нельзя пинать животных. Если она хочет заниматься этой профессией, то должна помнить, что животные — это её жизнь, и им внимание уделяется в первую очередь.

— Если ты станешь обижать моих животных, — предостерёг Самсон, — это будет пустая трата времени. Строгий голос — это всё, что требуется для моих подопечных, чтобы выполнить команду.

Он показал на разочарованного Пишту. Джози, надувшись, удалилась в свою комнату, откуда не выходила весь вечер, слушая свою музыку».

На следующий день вечером Джеки пришла к Самсону.

«Он выглядел мрачно.

— Она не собирается исправляться, — глубоко вздохнул он, — не выходит посмотреть животных, у неё нет ботинок, она сидит в своей комнате, оттуда несутся жуткие звуки.

— Это же рок-н-ролл! — попыталась я защитить её, шутливо пританцовывая вокруг него твист.

Он улыбнулся и погрозил пальцем:

— Ну-ну, продолжай, сходи с ума! Так, найди ботинки Бетти и попробуй вытащить подругу смотреть животных.

Я нашла старые резиновые сапоги, тёплые шерстяные носки и тонкую, но тёплую куртку. Всё это я отнесла Джози, сказав, что Самсон хочет, чтобы она посмотрела животных и начинала работать с ними. Она неохотно пошла, но отказалась от сапог и куртки. На ней было лёгкое модное платье и тоненькие сандалии с невысокими краями. Волосы были осветлены и зачёсаны назад. Она опять оказалась густо покрашена.

Мы отправились к обезьянам. Бамба — маленькая обезьянка — бегала на свободе. Она запрыгнула мне на плечо, и мы зашли в помещение. Джози испуганно посмотрела, но я успокоила её, и она позволила Бамбе забраться на себя. Они глянулись друг другу.

Возвращая обезьянку в клетку, Самсон показал Джози бабуина Джимми, которому девушка сразу же не понравилась — возможно, её духи были резковаты.

Он начал грозно вопить, и мы никак не могли успокоить его. Пришлось посадить его назад в клетку.

Самсон посмотрел на обувь Джози.

— Снаружи трава мокрая, ты не хочешь надеть ботинки?

Она не ответила, а Самсон продолжал:

— Не тепло ведь. Одень куртку. Никто там тебя не увидит, — он хитро улыбнулся.

— Нет-нет, всё в порядке, не беспокойтесь, — ответила она.

Вздохнув, Самсон повёл нас во двор, выбрав самую грязную дорожку, чтобы показать Джози пони. Жижка чавкала в её сандалиях, и я

видела, что её руки покрылись мурашками, но ей нравились пони, и она кое-что знала о лошадях. Это произвело на Самсона впечатление.

Следующими были собаки. Всё шло замечательно. Я показала ей, что они умеют делать, а что ещё нужно репетировать.

— Хорошо, хорошо, — прошептал Самсон. Он выглядел уже веселее.

Когда мы вернулись домой, Джози смеялась:

— Я надену в следующий раз сапоги, только больше не водите меня по самым грязным местам!

Она промочила ноги насквозь, но мы все весело хохотали. Лёд в наших отношениях растаял».

Через некоторое время Бетти стали отпускать домой. «Она стала тучной и могла делать лишь несколько шагов, опираясь на два костыля. Она не могла сама одеваться. От шеи до таза она была закована в стальной корсет, что причиняло ей дополнительные страдания. Ей разрешили покинуть клинику лишь потому, что она сказала, что здесь есть кому ухаживать за ней. Моя мама приходила одевать её, готовила еду, укладывала в постель. Первое время после возвращения Бетти я спала рядом с ней. В конце концов Сид оставил свою работу, чтобы за ней ухаживать.

Бетти добилась того, что начала выходить на улицу на костылях, несмотря на сильные боли. Но вся её решимость не могла изменить реальность: ей было суждено ходить теперь только так.

Она приобрела инвалидную коляску и стала больше передвигаться, потом даже устроилась работать на фабрику игрушек, сидя на конвейере. То, что она могла теперь сама зарабатывать деньги, наполняло её жизнь смыслом и было хорошей терапией. Она оставалась весёлой и энергичной».

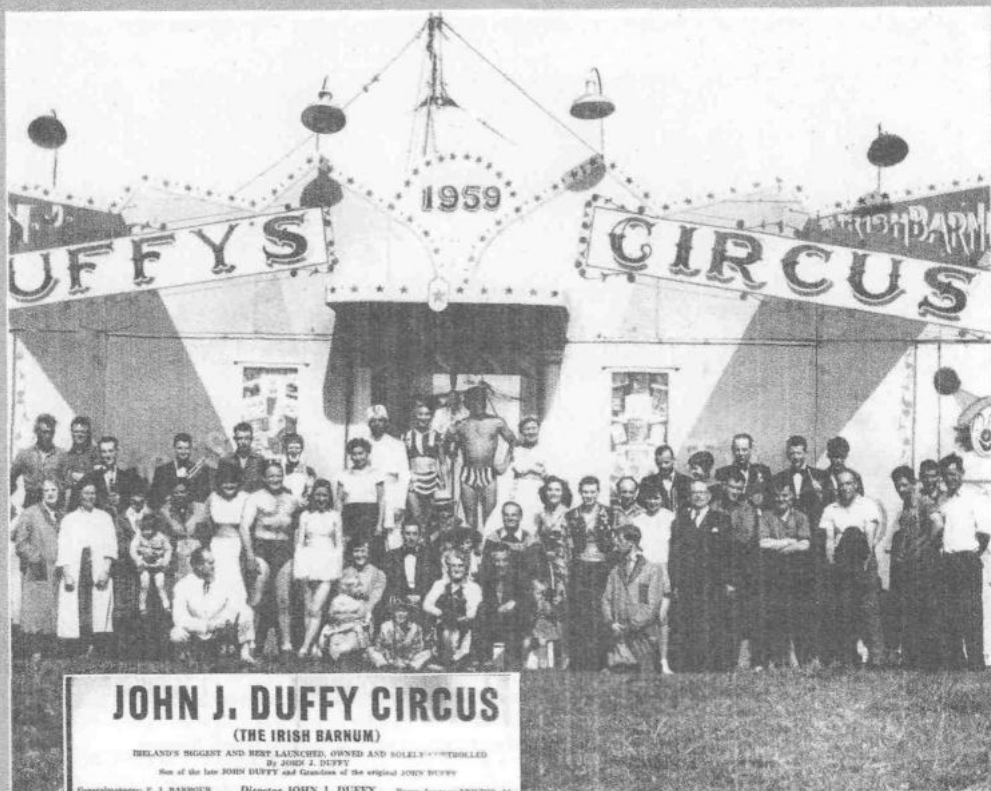
В 1958 году Джеки окончила школу, и Засс пригласил её выступать в рождественские сезоны с Чипперфилдским цирком в «Бингли Холл» в Бирмингеме. Родители поняли, что девочку не удержать. Она великолепно управлялась с собаками и была незаменимой помощницей. На следующий год Самсон взял её с собой за море — в Ирландию на гастроли цирка Джона Джеймса Даффи.

Джесси (справа) и Джози (слева) с А. Зассом. На заднем плане в проёме двери стоит Бетти

Они выступали семь дней в неделю, состав артистов был международный, и, как вспоминала Джейн, Засс говорил на всех языках, кроме французского и арабского. В Рождественский сезон 1959–60 года они вновь выступают вместе в программе цирка доктора Хантера в театре «Эмпайр» в Белфасте (Северная Ирландия). По следам этих выступлений ирландские газеты писали тогда о 73-летнем Зассе как о «старейшем в Европе дрессировщике диких животных», иногда даже ошибочно называя Засса профессором. Отмечали, что ни в один из трёх приездов дрессировщик не повторился в показе номеров, хотя выступал он всё с той же командой: собаки и обезьянка — «Семейка Джолли».

В Хокли Александр Иванович Засс жил, по сути, в перерывах между гастрольями, и каждую весну, как говорят соседи, вновь и вновь собирался в путь. Летом 1960 года Засс получил письмо из Москвы

JOHN J. DUFFY CIRCUS

(THE IRISH BARNUM)

IRELAND'S BIGGEST AND BEST LAUNCHED, OWNED AND SOLELY CONTROLLED

By JOHN J. DUFFY

Son of the late JOHN DUFFY and Grandson of the original JOHN DUFFY

General Manager: F. J. BARRICK Director: JOHN J. DUFFY Horse: ARISTON ARISTON AG

PROGRAM 1959

1	OVERTURE BY THE SILVER CIRCUS BAND	12	DIRECTOR DUFFY presents LIBERTY BURNES
2	THE GRAND PROCESSION OF CIRCUS STARS	13	LEO-LEO THE FRENCH WARD ON THE WHEEL
3	SHAMROCK and QUEENIE FALCONING PONIES presented by JOHN J. DUFFY	14	THE JOLLY FAMILY PERFORMING DOGS & MONKEYS
4	THE MIDGET PONIES presented by Director JOHN J. DUFFY	15	TARZAN and PARTNER AFRICAN JUNGLE FANTASY
5	ROSE MARIE IRELAND'S OWN LADY THIRTY-ROSE WALKER	16	THE INDIAN PAIR RIZK & GWENDOLIN
6	GOGA & GRIDNEFF CHINESE JUGGLERS	17	MAKOVEC THE WORLD'S STRONGEST MAN
7	MADAME GORDINA THE BALLERINA ON HORSEBACK	18	THREE HAPPY CLOWNS HEDGEHOG, REUBEN, JOHNNIE, GE
8	TABBA - ADALLAH MYSTIC FROM THE ORIENT	19	THE TWO EGGS SEE THE LADY HOLD A MAN ON HER
9	SANDER SKARDELLI EUROPE'S FOREMOST PLATE JUGGLER	20	GEORGE & LYDIA FROM THE ED SULLIVAN SHOW, U.S. FREE BALANCING LINGERIE ACT
10	THE 4 MANIACS IRELAND'S LEADING CLOWNS	21	LUCIEN BELUZE FROM CIRQUE MEDIANO, PARIS COMEDY CYCLING ACT
11	BARTON & ASSISTANT NATIONAL HEAD BALANCING ON THE HIGH TRAPEZE	22	3 BERNHARDS BALANCING ON THE ROTATING LAD
OFFERS INVITED JOHN J. DUFFY CIRCUS "IRLANDIA" Department Co. Dublin, Ireland		ALL THE ACTS BOOKED BY ARISTON AGENCY	

А. Засс на гастролях с цирком Дарфи

от сестры Надежды, завязалась его переписка с племянником Юрием Шапошниковым. «Дядя Шура», как он подписывал свои послания, писал на великолепном русском языке, используя свои фирменные бланки: «Уникальный дрессировщик животных», «Настоящий Самсон — Засс и его весёлая постановка с собаками «Семейка Джолли». Ноябрь 1960 года: «Дорогой Юра! Прости, что долго не писал: был в отъезде. На прошлой неделе приехал домой, страшно был обрадован, даже сначала не поверил, когда мне сказали, что меня вызывают по телефону из Москвы. Как это вы там ухитрились узнать мой номер телефона? Я очень и очень рад был услышать твой и Надин голос и ещё раз благодарю. Если бы я только мог получить контракт к вам, я бы привез много новых номеров. В настоящее время буду сидеть дома до Рождества, потом опять уеду на 2-3 месяца, а там видно будет (...) Прости, что пишу на старой бумаге, тороплюсь на поезд. Еду в Лондон на один день (...) Остаюсь любящий твой дядя Шура».

Ещё через год, 6 ноября 1961 года Александр Иванович писал сестре Наде: «Приехал вчера домой и застал письма ваши. Спешу ответить. Сезон в этом году был не очень удачным. Дожди, и переезды были трудные. Я тоже, как и вы, живу без особых перемен. Начал обучать молодую лошадь (что со мной на фотографии) под седло. Оказалась очень понятлива. Здесь тоже настала осень и нужно приготовить грядки в огороде на лето. Про львов и леопардов ты спрашивала, живы ли они, или нет? Они все теперь в зоологическом саду, и их у меня нет. Получила ли ты моё последнее письмо, где я тебе и Юре посылал по четыре или по три карточки с лошадьми, и где я в саду за самоваром с моими знакомыми? Если не получила, я пришлю тебе новые.

*Последнее фото Александра Засса.
Дома в Хокли*

В Лондоне выступает украинская труппа танцоров. Прибавления семейства ни у меня, ни у моих животных нет, если не считать кошек. На Рождество постараюсь найти контракт недель на шесть, потом опять домой.

Дорогая Надя, не сердись, если не пишу много. «Понять — простить». Теперь у меня больше времени, и я буду писать часто. Желаю вам всем доброго здоровья и успеха в делах. Целую всех. Твой брат Шура».

В зиму 1961–62 года Засс тоже не усидел на месте — в феврале неделю провёл в Лондоне на съемках цирковой программы вместе со своими любимцами — собаками и обезьянкой. Но среди этих бесконечных поездок задумался Самсон и о более дальнем путешествии: он пытается выяснить, сможет ли вернуться в Англию, если отправится в Советский Союз навестить родных как обычный турист? Ведь британского подданства у него так и нет. И ещё: «Если останусь в России, то могу ли получить работу как тренер или преподаватель по физкультуре?»

SAMSON, THE STRONGEST MAN ON EARTH, HAS DIED

203

SAMSON, the man who, in his heyday, could lift cars, smash six inch nails into wood with his bare fists and twist iron bars as if they were putty, died peacefully in Rochford Hospital on Wednesday, aged 79. Real name Alexander Zass, he lived during the latter part of his life in a bus Avenue, Hockley, where he trained animal films.

Because of his enormous feat of hand strength, Russian-born Mr. Zass toured and became known the world over as lived these Samson, the strongest man in the still world, and was a legend in his own lifetime.

During the first world war, as an officer in the Imperial Russian cavalry, he once carried his injured horse back to camp on his back.

He could hold two Shire horses both pulling in opposite directions, and lift a platform with 20 people on it.

While in Russia he was captured by the Hungarians, but escaped and joined a travelling circus, where his amazing strength made him world-famous.

He came to Britain, where he appeared at the old London Hippodrome, Coliseum and Alhambra. He has been with some of the most famous circuses in the world, including Chippendale's.

His life-long partner, though they did not work together all the time, was temperate artist Betty Jackson. One night, as she and Samson were doing their act in which he held a pin on a wire in mid-air, the rope broke. Betty, received a fractured spine, which has meant a wheelchair ever since, and Samson broke his collarbone.

Blaming himself for the accident, he bought the bungalow in which Betty Jackson, real name Mrs. Martina Ellen Tibbary, and her husband

and is fully competent to take over where Samson left off, for she is a registered animal trainer. "The show must go on — he would have liked to see it."

The he always be dogs, cats and birds, and Mr. Ray well, when there, trying to pass a car back into stable on chimp's swing.

To Mr his 25 yo Mr. Zass neighbour and friend.

"He was busy told me, and I was for anyone life, and a shall all a wheel-chair ever since, and Samson broke his collarbone.

Mrs. Tibbary, real name Mrs. Martina Ellen Tibbary, and her husband

and is fully competent to take over where Samson left off, for she is a registered animal trainer. "The show must go on — he would have liked to see it."

The he always be dogs, cats and birds, and Mr. Ray well, when there, trying to pass a car back into stable on chimp's swing.

To Mr his 25 yo Mr. Zass neighbour and friend.

"He was busy told me, and I was for anyone life, and a shall all a wheel-chair ever since, and Samson broke his collarbone.

CERTIFIED COPY OF AN ENTRY OF DEATH

GIVEN AT THE GENERAL REGISTER OFFICE

Application Number B293391

REGISTRATION DISTRICT Rochford
1962 DEATH in the Sub-district of Rochford Hospital in the County of Essex.

Column	1	2	3	4	5	6	7	8	9
No.	When and where died	Name and surname	Sex	Age	Occupation	Cause of death	Signature, description and residence of informant	When registered	Signature of registrar
225	24th Sept 1962 Rochford Hospital	Alexander Zass	Male	79	Former Circus Performer	Myocardial infarction	Mrs. M. E. Tibbary, 24, Bus Avenue, Hockley, Essex	25th Sept 1962	J. T. Tibbary

CERTIFIED to be a true copy of an entry in the certified copy of a Register of Deaths in the District above mentioned.

Given at the GENERAL REGISTER OFFICE, under the Seal of the said Office, the 2nd day of January 2007

DYB 283129

See note marked

CAUTION: THERE ARE OFFENCES RELATING TO FALSIFYING OR ALTERING A CERTIFICATE AND USING OR POSSESSING A FALSE CERTIFICATE (CROWN COPYRIGHT)
WARNING: A CERTIFICATE IS NOT EVIDENCE OF IDENTITY.

«Умер Самсон, сильнейший человек Земли». Свидетельство о смерти Александра Засса

Тем летом в его доме-фургоне случился пожар. 74-летний Самсон отважно бросился внутрь спасать из огня шимпанзе. При этом он получил ожог головы и серьёзно повредил глаза. Говорят, после этого инцидента он так и не смог оправиться. В понедельник, 24 сентября 1962 года, по словам Бетти, Алек весь день не находил себе места: «Он постоянно повторял, что, наверное, скоро умрёт и что даже лучше пусть он умрёт, чем будет болеть». Он был настолько уверен, что ему недолго осталось на этом свете, что дал Бетти подробные инструкции по поводу своих похорон. При этом настаивал, чтобы она заказала могилу с таким расчётом, чтобы потом когда-нибудь они могли быть похоронены там вдвоём. Алек сказал своей Бетти, что мечтает о тихих похоронах на кладбище при церкви в Хокли, и чтобы она ехала за ним на своей маленькой голубой инвалидной коляске... Он хотел также быть погребённым

«утром, когда солнце начинает светить», потому что цирковые всегда снимаются с места рано утром. «В цирке это называется «ранний дозор», — сказал Сид, — когда весь цирковой поезд приходит в движение».

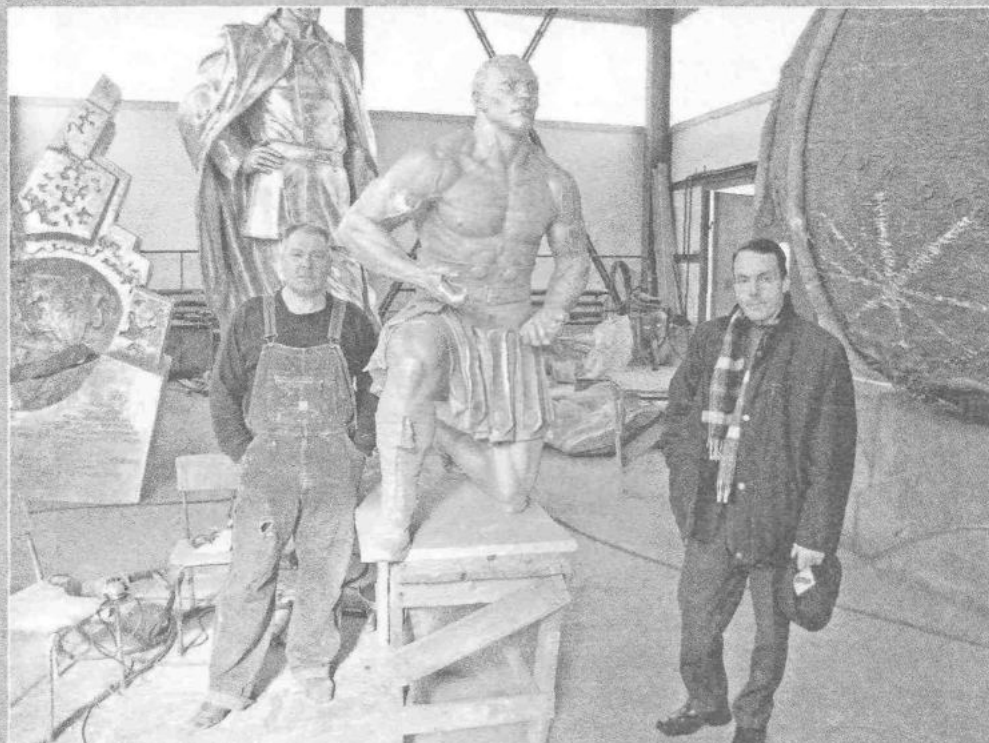
Их друг скончался рано утром в среду в больнице соседнего городка Рошфорд. Накануне вечером его доставили туда с сердечным приступом. Похороны состоялись в соответствии с пожеланиями Самсона. Пресса отозвалась на событие броскими заголовками: «Умер сильнейший человек мира», «Последние дни Самсона». Но это были всего лишь местные газеты...

Сидней (Сид) Тилбэри умер два года спустя, и его, согласно завещанию Самсона, похоронили в той же могиле.

ВОЗВРАЩЕНИЕ РУССКОГО САМСОНА

Ещё в 2006 году, направляясь в Великобританию на поиски следов Александра Засса, будучи проездом в Москве, я встретился с известным российским скульптором Александром Иулиановичем Рукавишниковым. За несколько месяцев до того родилась мысль поставить памятник нашему выдающемуся соотечественнику перед оренбургским цирком, придя в который в 1908 году, Александр Засс навсегда остался цирковым. Сомнений в том, кто должен стать автором памятника Русскому Самсону, не было. Была лишь неуверенность в том, согласится ли один из самых востребованных скульпторов страны тратить своё время на «провинциальный» проект. И опасения, удастся ли нашему небольшому фонду осуществить столь грандиозный, в первую очередь, дорогостоящий, замысел? Александр Рукавишников, которому через десятки лет стало известно о нашей инициативе, не медлил ни минуты и дал все свои телефоны для связи.

Модель для скульптуры была определена сразу — коленопреклонённый Самсон, завязывающий толстый металлический прут в сложный узор. Сохранились и профессиональные фотографии, и хроника «Бритиш Пате», где запечатлён этот знаменитый номер Александра Засса. Через год, когда ещё далеко не все финансовые

Скульптор Александр Рукавишников и составитель книги в литейном цехе в Солнечногорске перед памятником А. Засу

Установка памятника на постамент

Памятник Александру Зассу перед оренбургским цирком в день открытия, 23 декабря 2008 года

вопросы были решены, когда скульптор только-только получил от спонсоров — Уральской горно-металлургической компании — небольшую партию литейной бронзы, меня, находящегося в зарубежной командировке, застал врасплох телефонный звонок. Из мастерской народного художника России Рукавишникова просили приехать, чтобы посмотреть только что отлитую скульптуру Самсона.

Приехав в литейный цех в подмосковном Солнечногорске, лишь переступив порог ангара, где стоял будущий памятник, я понял, что свершилось чудо. Сотрудники Александра Иулиановича зачем-то принесли мне фотографии Засса: «Посмотрите, похож?» За несколько лет работы над этим проектом я знал Самсона, пожалуй, лучше самого близкого своего родственника. Да, это был Засс, легендарный Сильнейший человек Земли. С таким же восхищением уже готовую, искусственно патинированную бронзовую скульптуру восприняли и в Оренбурге. Кажется, так удачно сошлись звёзды: и великолепно знавший, кто такой Засс, член Правления Российской национальной ассоциации карате Александр Рукавишников, и первый вице-губернатор Оренбургской области Сергей Грачёв, сам — спортсмен, в прошлом — литейщик, хорошо знакомый с творчеством династии скульпторов Рукавишниковых, и глава Оренбурга Юрий Мищеряков, бывший боксёр, каждый по-своему помогли нам сделать так, чтобы памятник занял свое место на площади перед оренбургским цирком в последние дни 2008 года — сто лет спустя...

Такое вот триумфальное возвращение. Но даже выход этой книги в свет вовсе не означает, что в истории Александра Ивановича Засса — Русского Самсона — поставлена точка. Скорее, многоточие...

*Игорь Храмов,
президент
Оренбургского
благотворительного фонда
«Евразия»*

ПРИЛОЖЕНИЕ А.

У.А. Пуллума к книге «Удивительный Самсон,
рассказано им самим», Лондон, 1925 г.
«СИЛАЧИ И ГОДЫ»

I

Со времён далёкой древности силачей окружает любопытство и притягательность. Неважно, в какую эпоху, неважно, в какой стране — вокруг человека большой силы всегда сиял ореол, пленяющий воображение. Ибо, каким бы разумным не становился человек по сравнению со своими доисторическими предками — как бы сильно привычки и обычаи современного образа жизни не заставляли его иногда забывать это — под кожей он всё ещё остаётся животным. И, поскольку с этим ничего не поделаешь, ярким проявлением этого обстоятельства остаётся тот факт, что слава всегда затронет чувствительную струну в его груди, — всегда заставит кровь, подгоняемую этим первобытным позывом, быстрее бежать по жилам. То есть, если он, конечно, типично сложен, если он — действительно верный образец того, для чего предназначен его пол.

И история, и легенда изображают силача чем-то выдающимся. Мифология — этот неослабевающий источник плодотворного вдохновения художника и скульптора, во многом построена на его сказочном могуществе. Но я не предлагаю погрузиться в смутное

прошлое в поисках героев своего пространного рассказа. Все мои персонажи жили на моей собственной памяти. Следовательно, я могу авторитетно говорить об их силе — их подвиги подробно описаны и измерены в точных цифрах.

История, которую я собираюсь рассказать, хотя и вовсе не содержит и частицы вымысла, остаётся, тем не менее, удивительной. Воистину, безо всякого только что представленного заверения неискущённому читателю будет простительно, если он не примет как истину многое из того, изложенного здесь для его назидания. Однако на самом деле ему не нужно быть ни на гран скептическим. Чудесны подвиги, на которые я стану ссылаться, равно как чудесны подвиги, которые исполняются сейчас в ясных, как при свете дня, условиях. Но не буду забежать вперёд, иначе моё повествование рискует начаться не с нужного места.

Лет тридцать с лишним назад, один немецко-американский силач (иногда описываемый как Эльзасец), называвший себя Сэмпсоном, выступал в старом лондонском зале «Ройял Аквариум» вместе с другим атлетом, очевидно тоже приехавшим из-за границы, который гордо именовался Циклопом. Последнего, между прочим, называли учеником Сэмпсона. Эта парочка давала представления, уникальные в своём роде. Перцу в развлечение, которое они устраивали, добавляло объявление о том, что Сэмпсон подарит 1000 фунтов любому, кто придёт и повторит его подвиги. Но хотя это было щедрое предложение, никто с необходимым количеством нервов и способностей не появлялся. И потому карьера этого самоуверенного исполнителя геркулесовской мощи продолжала двигаться своим чередом.

А в это время на Континенте один юноша дождался того, чтобы видения, возникшие на заре его жизни, осуществились! В детстве он был слабым и болезненным подростком, к которому одноклассники и соседские парни относились как к мишени, мешку для битья и пинков. Естественно, он находил свою жизнь несладкой, и не было заступника, чтобы спасти его. Поэтому он как можно дольше сидел взаперти и читал книги.

В одной из них прочёл, что занятия физической культурой делают его сильным. Он удивился! Сделает ли это его достаточно сильным, чтобы поменяться ролями со своими преследователями? Он занимался прилежно, тренировался и экспериментировал, и со временем обнаружил, что так оно и случилось. Более того, оказалось, что он совершенно неосознанно и случайно натолкнулся на средство зарабатывать на жизнь, так как в процессе тренировок и экспериментов сформировал фигуру, которая привлекала скульпторов и шоуменов.

Следуя этой линии, он поехал в Италию, где однажды пошёл искупаться. Когда он выходил из моря, его пропорции греческого бога привлекли внимание одного приезжего из Англии, некоего мистера Обри Ханта, члена Британской Академии, который выразил наряду с восхищением фигурой пловца горячее желание нарисовать его. Пловец нисколько не возражал и таким образом ступил на тропу судьбы.

Во время позирования и рисования они много разговаривали. И в ходе беседы мистер Хант сказал своей модели о силаче Сэмпсоне, красочно обрисовал его подвиги и какой интерес они вызвали, и, наконец, рассказал ему о той тысяче фунтов, которую Сэмпсон предлагал любому, кто сможет повторить их. Натурщик заинтересовался — особенно тысячей фунтов — и высказал предложение, что он и есть тот человек, кто заберёт эти деньги. Мистер Хант, в свою очередь, тоже проявил заинтересованность и дал герою своего холста рекомендательное письмо для мистера Джона Флеминга, тогдашнего управляющего Национальным Спортивным Клубом. Итак, без всякой помпы тот, кто станет величайшим шоуменом из силачей, приехал в Лондон. И с его приездом прибыла Немезида для Сэмпсона, ибо этот претендент был не кем иным, как знаменитым ныне Евгением Сандовым.

Поскольку он не говорил по-английски (его разнообразные разговоры с мистером Обри Хантом всегда велись на французском), искал переводчика и провожатого, и ему так повезло, что он встретил некоего профессора Атиллу, делом жизни ко-

торого, по-видимому, было отыскивать силачей и зарабатывать на их выступлениях. Он и сам был силачом в некотором роде, но недостаточно большим, чтобы выступить от своего имени против Сэмпсона. Он ухватился за Сандова, разглядев — как оказалось безошибочно — финансовые возможности, какие сулил этот их союз.

Прибывшего в НСК Сандова встретили учтиво, но без особого восторга. Члены клуба отнеслись с вежливым скепсисом к его способности победить Сэмпсона, и ничто не могло переменить это их отношение, пока Сандов безо всякой подготовки не продемонстрировал свою силу, подняв с пола очень грузного участника этого собрания и водрузив его на подвернувшийся под руку стол.

Это убедило мистера Флеминга, особенно когда Сандов разделся в гимнастическом зале. Все согласились с тем, что если его способности соответствуют внешнему виду, то для этой диковинки из Аквариума грядёт день Ватерлоо, и через несколько дней Сандов с мистером Флемингом и другими членами клуба заняли ложу в Аквариуме, дождались, чтобы Сэмпсон объявил свой ежевечерний вызов ценой в тысячу фунтов и немедленно приняли его!

Сэмпсон, который, вероятно, никак не ожидал, что кто-то поднимет брошенную им перчатку, сразу заволновался. А ещё он сразу начал увиливать. А кто такой этот незнакомец? А что он из себя представляет, чтобы иметь право помериться силами с «Самым сильным в мире человеком»? Пусть он покажет себя в поединке с менее грозным Циклопом! Затем, если этот чужак преуспеет — и только тогда, — можно будет устроить матч с ним самим. А чтобы проверить ретивость этого самонадеянного претендента, за победу над Циклопом объявляется награда в 100 фунтов. Таковы теперь были условия припёртого к стенке Сэмпсона, и отступать ни на йоту от них он не собирался.

Ни мистер Флеминг, ни Сандов, однако, совсем не соглашались с этим. Они пришли в первую очередь за той тысячей фунтов. Но теперь, глядя на его отвлекающие маневры, они жаждали крови Сэмпсона и не были склонны предоставить ему пути от-

ступления. Они видели, что под напыщенностью шоумена скрывалось понимание того, что он попался на свой блеф, и решили стоять на своём.

Видя, что положение безвыходно, управляющие Аквариума вмешались и постепенно уговорили пришельцев. Для этого они лично гарантировали оплату ста фунтов за повторение номеров Циклопа. Более того, они гарантировали, что если Сандов выиграет, они проследят, чтобы Сэмпсон не отвертелся.

Когда все вопросы были улажены, партия НСК наводнила сцену. Сандов, между прочим, подготовился для этого случая, облачившись в «бутафорскую» одежду, под которой скрывался спортивный костюм: он опасался, что Сэмпсон или кто-то из его окружения узнает его, так как к тому времени и его лицо, и его фигура были хорошо известны на Континенте. А для того, чтобы ещё больше усилить своё инкогнито, он к тому же носил монокль, удерживать который на нужном месте доставляло ему больше забот, чем испытания, через которые ему предстояло пройти в поединке с Циклопом.

Появление Сандова, пробирающегося к сцене, не вызвало особенного трепета у Сэмпсона. Последний, по сути дела, вполне вернул свой привычный апломб, и более того — был насмешлив. А когда Сандов споткнулся об одну из гирь, расставленных на сцене, выронил и потерял свой монокль, насмешливые замечания того, кому бросили вызов, нашли живой отклик среди зрителей, большинство из которых болело за человека под флагом Сэмпсона. Однако их настроение значительно изменилось, когда Сандов картинно скинул с себя одеяние, которое скрывало его превосходное телосложение. Сэмпсон тоже немедленно отрезвел и стал заметно более встревоженным и довольно многоречивым в своих репликах, обращённых к не менее обескураженному Циклопу.

Последний после того, как эти переговоры закончились, и в какой-то степени подбодрённый ими, выступил вперёд, чтобы показать первое упражнение, которое заключалось в подъёме штан-

ги. Этот вес Циклоп поднял над головой одной рукой, применив метод, который в среде штангистов потом стали называть «жим выкручиванием». Затем продолжил Сандов, он подтянул штангу до плеч одной рукой так же легко, как Циклоп, и спокойно поднял её над головой, не прибегая к способу, который предпочитал его оппонент. Штанга весила, как объявили, 160 фунтов.

Как любой читатель, хоть что-то смыслящий в технике штангистов, поймёт, способ Сандова был намного труднее, чем у ученика Сэмпсона. И, конечно, это не было точным повторением. Но раз не было ничего оговорено на этот счёт, кроме того, что Сандов должен поднять тот же вес, что и Циклоп, вопрос о методе не поднимался. Следовательно, все согласились с тем, что претендент успешно прошёл первое испытание, причём так, можно попутно заметить, что он оказался в итоге сильнее.

Второе испытание показало, что Циклоп поднял обеими руками и толкнул над головой штангу весом 220 фунтов. Евгений не испытал никаких затруднений, повторяя это, и, пренебрегая более лёгким способом, медленно поднял штангу на высоту вытянутых рук. Со стороны Сандова это было действительно хорошее исполнение подъёма, хотя по сегодняшним меркам далеко не рекордное.

Третьим испытанием стало то, что технически описывают как «жим на спине» штанги, весящей около 250 фунтов. Оба прошли через него с легкостью, и тогда, поскольку Циклоп, видимо, не мог поставить перед Сандовым никаких новых задач, мистер Флеминг решил, что испытания завершены. Поэтому он попросил, во-первых, чтобы те сто фунтов были уплачены, во-вторых, чтобы Сэмпсон тотчас же вышел и исполнил свою часть соглашения.

Однако у этого коварного шоумена на уме было другое. Он и его ученик, как он объяснял долго и нудно, по-настоящему сильные люди. Они никакие не показательные эстрадные артисты. Сила включает в себя и выносливость, и сравнивать чьи-то способности нельзя таким скорым способом. Циклоп и Сандов должны начать всё снова. Подъёмы нужно продолжать, пока один из сопер-

ников не проиграет. И тогда зрители быстро поймут, что Сандов даже не ровня Циклопу, а не то что сильнее его.

Этот манёвр не смог получить и малейшего одобрения. Никто из присутствующих не хотел до смерти томиться здесь, рискуя застрять на неделю до окончания разрешения спора. Поэтому управляющие Аквариумом предложили, чтобы Циклоп поставил Сандову ещё одно задание. И тогда, если Сандов так же успешно выполнит его, как остальные, сто фунтов будут, конечно же, выплачены.

Когда сошлись на этом — не без протестов, надо сказать, Сэмпсона — определили окончательное испытание. Это было что-то наподобие того, что среди штангистов называется «мёртвая тяга». Вынесли большой плоский камень, весивший около 400 фунтов, на него положили три 56-фунтовые гири. Под камень просунули канат и крепко завязали его. Циклоп, стоя на двух стульях, между которыми лежал камень, силился оторвать одной рукой этот набор разновесов от пола. После двух неудач он снял одну из гирь, после чего его следующая попытка удалась. По просьбе Сандова, однако, третью 56-фунтовую гирю вернули обратно, и претендент поднял всю комбинацию с первой попытки. Сто фунтов были выиграны честно и без обмана, а Сэмпсона призвали выполнить условия сделки.

Последовала примечательная сцена! Сэмпсон извергал потоки слов, дёргал себя за волосы и усы, дико размахивал руками, проливал слёзы. Через какое-то время он, однако, заметно успокоился, сказав в своё оправдание, что сильно переволновался, отчего у него случился «нервный криз» из-за поражения любимого ученика, и что будет нечестно при таком явно неподходящем душевном состоянии ждать от него участия в соревновании, которое может подставить под удар всю его карьеру.

Его призыв вызвал сочувствие в сердце управляющего, который тотчас углядел, какую жирную кость можно бросить газетчикам. Умеючи, всё это можно было обернуть в щедрый праздник для кассы заведения. Они и так уже сделали хорошую выручку,

ведь хозяева других шоу, что шли в этом здании, прослышав, что происходит, столпились в театре Сэмпсона, так что там можно было задохнуться. На тот момент управляющие очень неплохо заработали. Было бы глупо с их стороны упустить хорошие виды на урожай. Поэтому просьба Сэмпсона нашла сильную поддержку. Успеха достигло и обращение к азартным чувствам мистера Флеминга и Сандова. Чек на 100 фунтов был выписан, и следующая суббота была назначена для битвы, которая решит, сможет ли Сэмпсон и дальше править или передаст свою корону чужаку.

II

Теперь, когда Циклоп был убран с пути, Сандов пошёл домой, чтобы подумать и посоветоваться с профессором Атиллой. Предстояло большое испытание, и поэтому важно не упустить ни одну мелочь. Ибо как победитель, так и тот, кто болел за него, внимательно наблюдали за противником. Они не раз сходили на выступления Сэмпсона, и оба заметили две особенности, по-настоящему важные на их взгляд. Во-первых, одним из любимых трюков Сэмпсона было разрывание цепей сокращением бицепсов. Во-вторых, предплечья Сандова были значительно объёмнее, чем у Сэмпсона.

Они подозревали, что когда начнётся испытание, Сэмпсон достанет свои цепи. И наверняка окажется, что они не полезут на предплечья Сандова, и, следовательно, они не поддадутся его бицепсам. Поэтому испытание не состоится! Сэмпсон после этого несомненно, заявит, что претендент уваливает от попытки — и возвестит о своей победе.

Любимец публики, этот германо-американец может отвлечь зрителей от сути дела, Сэмпсон просто обратится к их чувству честной игры, и его блеф может сработать. В этом таилась опасность, и надо было предпринять решительные меры против неё. Наверняка можно было найти хитрый способ обойти это обстоятельство.

Итак, Сандов с Атиллой немного поработали как сыщики и разыскали на улочке возле площади Лечестер-сквер того, кто изготавлял цепи Сэмпсона. Они объяснили ему о своём затруднении и, приведя примеры, как противная сторона чинит им препоны, обратились к спортивным чувствам мастера по цепям. Тот отнёсся к ним с сочувствием, а они исподволь выудили из него обещание изготовить набор цепей, точь-в-точь такой же, как для самого Сэмпсона, отличавшийся только в одном: чтобы они по длине окружности были впору Сандову на предплечьях. Более того, он пообещал, принимая во внимание случившиеся исключительные обстоятельства, что обязательно придёт в Аквариум в решающую субботу и, если понадобится, сделает заявление, удовлетворяющее любого непредвзятого арбитра.

Наступил вечер, обещавший множество событий! Сандов, сопровождаемый на этот раз целой свитой остро заинтересованных спортсменов, которые к тому же сделали кое-какие приготовления ввиду возможных происшествий, отправился к Аквариуму. Здание было уже битком, при этом некоторые места продавались по несслыханной цене в 50 гиней. Но ещё больше народа толпилось снаружи, чем внутри. Людей было так много, что к крыльцу оказалось просто немыслимо подойти. Повсюду пестрели вывески «Аншлаг», двери были заперты, пробить дорогу, чтобы объяснить хоть кому-нибудь, что если вы ставите «Гамлета», то Принц Датский может остаться неслышимым «гласом вовне», не представлялось возможным.

Тогда компания пошла к служебному входу. К нему путь был посвободнее, но яростный стук в дверь и грубые пинки не вызвали никакого отклика. Все, включая привратников, столпились на сцене, ожидая Сандова. Час, назначенный для матча, пробил! Оставался только один способ попасть внутрь, и Сандов воспользовался им, выломав дверь.

Разыгравшаяся внутри сцена не поддаётся описанию, так что я и не стану пытаться это делать. Сэмпсон, преждевременно ликовал, считая, что соперник струсил и не пришёл на поединок. Его словно ударило электрическим током, когда претендент с дру-

зьями эффектно появился на сцене. На какое-то время воцарился хаос! Но постепенно некоторое подобие порядка восстановилось, сцена была подготовлена и схватка началась. Должен упомянуть, что для великого испытания было отобрано по взаимному согласию трое судей. Это были маркиз Куинсберри, лорд де Клиффорд и профессор Аткинсон из Парк Лейн, предшественник нынешнего всемирно известного профессора Баркера.

Сэмпсон открыл действо, вытащив кабель из проводов диаметром в один дюйм. Он обмотал им грудную клетку и, выпустив воздух из лёгких, завязал концы. Удерживая их руками, он расширил грудную клетку, и кабель лопнул от напряжения спинных мышц. Успешное окончание первого трюка Сэмпсона потонуло в оглушительных аплодисментах.

Кабель был заново соединён, и Сандова пригласили повторить этот трюк. У претендента при этом возникла непредусмотренная трудность, потому что кабель после того, как его восстановили, укоротился. Получилось так, что, завязав его на груди, как Сэмпсон, Сандов мог держаться за концы кабеля только кончиками пальцев. Пока он прикидывал, как удержать кабель при натяжении, Сэмпсон заметил его затруднения и открыто радовался. Это было неумно с его стороны, так как только придало духу Сандову сделать резкий сверхсильный рывок. Хлоп! Кабель не выдержал, и Сандов триумфально прошёл первое испытание.

Затем настал эпизод с цепями! Сэмпсон, взяв блестящие стальные петли, сначала надел на правую руку одну цепь, напряг бицепс и с видимой лёгкостью порвал её. Затем он порвал другую на левой руке, после чего окольцевал двумя цепями правое плечо. С явно большим усилием он разорвал их одновременно, думая при этом, что поставил перед Сандовым невыполнимую задачу. Сандову принесли второй набор цепей, но тут обнаружилось, что они слишком коротки и не проходят дальше середины его предплечий, прямо как он и предполагал. Тогда он вытащил свой набор, но Сэмпсон был против его использования, и его возражения сначала поддержали даже судьи. Они придерживались того,

как Сандов и предвидел, что по условиям состязания надо было повторять номера Сэмпсона, а это было явно не повторение. Они оказались единодушны на это счёт, и их непоколебимое отношение к этому вопросу заводило, похоже, в тупик.

Так как Сандов не мог говорить по-английски, мистер Флеминг и профессор Атилла приняли на себя удар и объяснили, как, когда и почему были припасены цепи для Сандова, а также поделились секретом, что мастер, их изготовивший обещал присутствовать здесь. Соответственно судьи пригласили этого джентльмена, и тот пробрался из середины зала к сцене. Ввиду такой сенсационной встречи лицом к лицу Сэмпсон вынужден был признать его личность, а мастер торжественно подтвердил, что цепи, которыми он снабдил Сандова, отличались от тех, что разорвал Сэмпсон, только длиной. Судьи признали претензию Сандова совершенно законной и разрешили ему начинать.

Сандов не принимал преувеличенно картинных поз, к каким прибегал Сэмпсон, выполняя те же трюки, он просто порвал по одной цепи одним и другим плечом, следом двойную связку из стальных звеньев правой рукой. Сэмпсон смотрел во все глаза на поразительное исполнение трюков. Затем, не в силах сдерживать чувства, он со стенаниями ринулся со сцены, чтобы уединиться в своей гримуборной и запёрся там, чтобы оплакать свою горькую долю и возроптать на безжалостную жестокость судьбы.

Так внезапно закончился этот матч! Сэмпсона невозможно было выманить из комнаты, и хотя все понимали, что Сандова попросят повторить ещё несколько трюков Сэмпсона, стало очевидно, что если разочарованный шоумен наотрез отказывался выходить из своего убежища, то состязание нужно завершить. Судьям не оставалось ничего другого, как объявить Сандова победителем. К сожалению, не было никакого предварительного соглашения о том, что правление выплатит ту тысячу фунтов, за которую боролся претендент и которую он, бесспорно выиграл. Сэмпсон был недоступен. Так что вся эта сумма так и не была выплачена.

Не думаю, что Сандов горько терзался по этому поводу. Конечно, он остался без основной части приза, на который так рассчитывал, но эта победа принесла ему такую славу, о какой тот даже не мечтал. Ведь он был очень умён! То, что он заранее подготовил — я про это упоминал — были гири и другой реквизит для атлетического выступления, припасённые поблизости от театра. Поскольку Сэмпсон в своём глубоком негодовании покинул сцену, уникальное развлечение для зрителей закончилось. Поэтому, когда Сандов добровольно взял на себя всю нагрузку и дал импровизированное представление, они так горячо приняли его, с такой сердечностью, которая, однако, оказалась только слабым намёком на то, что его ожидало в ближайшем будущем. Ещё стоит вспомнить, что новый герой — или, скорее те, кто представляли его — предложил, в свою очередь, Сэмпсону тысячу фунтов за то, что он повторит любой из трюков победителя. Но это предложение осталось семенем, упавшим на каменистую почву.

Закончив выступление, Сандов покинул сцену состоявшимся человеком, осаждаемый предложениями ангажементов от мюзикхоллов, отработав которые, он стал одним из величайших исполнителей всех времён. А после завершения своих выступлений он приступил, как планировал, к карьере инструктора по физической культуре и основателя новой системы оздоровления.

Я подробно остановился на драматической истории Сандова и Сэмпсона потому, что это было первым состязанием атлетов, известным во всех подробностях. А ещё потому, что с него началось всё физкультурное движение, искусство и наука тяжёлой атлетики, какой мы её знаем в нашей стране сегодня. Возможно, это был не самый интересный или самый романтический эпизод в истории этого вида спорта, но он стал первым камнем моста, приведшего к ещё более великим свершениям. Сандову в свое время придётся испытать изменчивость фортуны от рук Геркулеса МакКанна, который как таинственно возник, так и исчез. История этого матча и тонкости вердикта, который висел на волоске, составит интересное чтение. Так что я предлагаю перейти к её краткому изложению.

III

Убрав с пьедестала Сэмпсона, Сандов оказался очень востребованным, ему льстили и осыпали наградами. Воистину, пробил его час, и буквально всё, к чему он прикасался, превращалось в золото. Самые заветные двери широко распахивались перед ним, знатные леди и джентльмены пылко увлекались его идеями и идеалами. Управляющие мюзик-холлов переругались из-за его выступлений, стараясь заполучить Сандова на самых соблазнительных условиях — королевские гонорары, которые даже для наших дней исчисляются в суммах, граничащих с фантастикой (я, конечно, совсем не сравниваю их с призовыми, которые получают современные чемпионы по боксу, поскольку как оценочная, так и открыто признаваемая стоимость представителей этой когорты атлетического братства издавна заслуживает такой оценки).

Сандов, однако, надо признать, сполна отрабатывал эти деньги, ведь его выступления были великолепным зрелищем, выдумкой незаурядного ума. Они являли собой выражение силы, украшенной изяществом и артистизмом, показ щедрой роскоши, обращённый как к чувствам, так и к инстинктам, рафинированное представление физической мощи, какое никто из собратьев по цеху до него не пытался сделать. Король шоуменов, артист до кончиков ногтей, в его время весь мир лежал у его ног — таким был Евгений Сандов. И даже сейчас его звезда не закатилась! Возможно, слегка поблёкла за прошедшие годы, но толика блеска, утраченная им, с лихвой возмещается романтическим великолепием, которым даже нынешнее поколение продолжает окутывать его; огромен пиетет, с которым к нему будут относиться ещё не родившиеся поколения — так велик престиж этого человека.

Глядя на Сандова, находящегося на гребне успеха, стали появляться неизбежные подражатели, и, поскольку в стране царили соответствующие умонастроения, разразился бум силовых зрелищ. Влекомые иллюзиями лёгких денег, грозные на вид жители

Континента сходили на эти берега, а имена присвоенные ими, указывали на то, что они были знакомы с мифологией и, очевидно, им было известно о прирождённой любви британцев к заморским диковинкам. Бок о бок с этими чужеземными пришельцами шагали мускулистые великаны с наших собственных островов, и все они вдохновлялись общим желанием, все гнались в горячечной жажде за одной и той же призрачной мечтой: славой и богатством Сандова.

Среди последних были двое родом из Бирмингема, профессионально известные как Геркулес и Самсон МакКанны, они ничем не отличались от остальной братии, поскольку были хороши в некоторых особенных трюках и всем и каждому предлагали повторить их. Сандов, которого, конечно, МакКанны выделяли особо, ответил встречным вызовом; но довольно долго не происходило ничего существенного, кроме напыщенных заявлений с обеих сторон. Затем, драматически неожиданно, один из братьев поднял перчатку Сандова, и после обычных перепалок, неотделимых от описываемых событий, матч был согласован.

Условия соглашения оказались таковы, что следовало отобрать шесть лучших трюков, по три на выбор каждого соперника; на выполнение этих трюков отводилось не более трёх попыток. Но это было не всё! Была внесена любопытная оговорка, гласящая, что с Сандовым будет соревноваться либо Геркулес, либо Самсон, причём окончательный выбор остаётся за ними до дня матча. Эти МакКанны были ушлыми, можно не сомневаться. По крайней мере, в том деле.

Начало матча, состоявшегося 10 декабря 1890 года в Ройял Мюзик Холле в районе Холборна, ознаменовалось, при неопишемом волнении, объявлением, что против Сандова значится Геркулес МакКанн. Судьями снова были маркиз Куинсберри и профессор Аткинсон, а исполнять эти обязанности им помогал ещё один выдающийся персонаж того времени — мистер Ширли Б. Жёв. Собралась огромная аудитория, среди которой было замечено несколько весьма либеральных представителей из высших кругов страны.

Первым приступить к действию должен был Сандов, хотя то, чем он занялся, не было связано с проходившим поединком. При подписании его условий МакКанны открыто усомнились в том, что Сандов одной рукой поднимает над головой 250-фунтовый вес — что, по его словам, он делает на каждом из своих выступлений, — и братья, уверенные в своей правоте, побились с Сандовым об заклад в 100 фунтов, что в день соревнования в присутствии арбитров он не сможет воспроизвести этот трюк. Личная гордость, подкреплённая знанием своих возможностей, убедила Сандова легко согласиться на это. Ему подвернулся самый подходящий случай укрепить свою репутацию, отсюда и его готовность начинать первым.

Вес, который Сандов предполагал поднять, в действительности был собран из пяти гирь. Он взял их на плечо двумя руками. Из этого положения ему без труда удалось выпрямить руку, подняв вес над головой. Гири поставили на весы и определили общую массу в 251,5 фунта. Так как судьи единодушно признали, что Сандов вполне исполнил свою заявку, деньги МакКаннов сменили владельца.

Затем началось силовое состязание космического размаха! МакКанн, выигравший жеребьёвку, начал с подъёма правой рукой, используя штангу весом 170 фунтов. Её он поднял одной рукой на плечо, и очень чисто провёл рывок над головой. Сандов, в свою очередь, сделал попытку, но неудачно! Ещё подход, и опять неудача. Немного передохнув, он попытался сделать трюк ещё раз. На этот раз у него получилось, но судьи решили, что очко уходит Геркулесу, потому что он смог поднять вес с первой попытки.

Я просто пишу, как было дело, констатируя, что Сандов оказался более чем слегка удивлён решением судей. Ибо, будучи всегда крайне успешным, он, естественно, рассчитывал на получение этого очка. Однако он не протестовал против решения, но приступил к постановке задания для Геркулеса, — последнему оно так пришлось не по вкусу, что он просто отказался от всяких попыток его выполнить...

Трюк, выбранный Сандовым, заключался в поднятии правой рукой штанги весом в 226 фунтов. Это вес он поднял на плечо дву-

мя руками, откуда сделал «выкручивание» над головой. Геркулес очень сильно протестовал против использования двух рук на предварительной стадии, но судьи держались того мнения, что приём использовался вполне законно, поэтому протест был отклонён. Так что второе очко присудили Сандову.

Теперь уже Геркулес рвался в бой, и для следующего трюка он прибег к левой руке. Этой рукой он поднял штангу весом в 155 фунтов на плечо и попытался сделать рывок вверх. Первый и второй подход были неудачными. Но с третьего раза у него, наконец, получилось. Настала очередь его оппонента.

Сандов чисто взял штангу левой рукой и «выкручиванием» дважды последовательно поднял её на длину руки. Затем он получил такой неожиданный сюрприз, который мог повергнуть в шок! Судьи решили, что с применённым им способом всё в порядке. Но стиль МакКанна чище, сказали они, поэтому третье очко отойдёт к нему.

Евгений был расстроен, но не обезоружен. Он не стал делать вид, что понимает ход мыслей арбитров, который привёл к этому заключению. Всё, что он понимал — ему позарез необходимо быстро уравнивать положение. Итак, узнав, что Геркулес не склонен связываться со сложностями выкручивания, он взял две гири общим весом 198,25 фунта правой рукой на плечо и равномерно толкнул их вверх. МакКанн отклонил попытку повторить этот трюк, следовательно, у судей не оставалось иного выбора, как засчитать ему техническое поражение и присудить очко Евгению. Похоже, пока что счёт шёл равный.

Тогда МакКанн взялся за свой знаменитый подъём гантелей! Вцепившись в 120 фунтов правой рукой и в 112 фунтов левой, он достаточно легко втянул их на плечи, но не смог сделать рывок вверх. Ещё раз попытался выполнить упражнение, но не с лучшим результатом. Наконец, он попробовал снова. В этот раз гантели ушли вверх, к огромной радости его болельщиков. Настал черёд Сандова, который испытал большие трудности с этим подъёмом, все три его попытки были отмечены неудачей.

Надо было определяться с последним трюком, и этот выбор был за Сандовым. Это стал «Подъём любым способом двумя», где он поднял штангу в 210 фунтов одной рукой, потом другой рукой попытался взять 50-фунтовую гантель. Дважды при попытке поднять гантель он с грохотом ронял штангу. Затем, наконец, у него всё получилось под оглушительные аплодисменты. Геркулес снова отказался повторить трюк.

Так закончился поединок Евгения Сандова и Геркулеса МакКанна, и всем присутствующим казалось, что каждый остался «при своих». Но судьи, однако, думали иначе и назвали победителем Геркулеса — поразительный вердикт вызвал буйную сцену и поднял в груди у того, кому присудили поражение, такие чувства, которые лишь со временем немного смягчились.

IV

Сандов оставался тем, кем был. И выглядел соответствующе. Братья же МакКанны несколько месяцев грозились, но так и не смогли сбросить короля Евгения с трона и исчезли в туманах, из которых появились. Даже победа Геркулеса МакКанна над Сандовым не смогла поколебать превосходства последнего, и остальные силачи, которые шли к кассе за гонораром вослед Сандову, никогда даже не покушались это оспорить.

Было одно всеобъемлющее объяснение такой удивительной сдержанности с их стороны. Они знали, что Сандов силен всесторонне, тогда как все они были в той или иной степени узкими специалистами. Один, выступавший то как Мило, то как «Бринн: Король пушечных ядер», был балансёром тяжестей и, возможно, лучшим и самым убедительным образцом этого атлетического стиля, какого только видел свет. Он мог жонглировать снарядами — и немаленькими — при этом удерживать на подбородке пушку. Поль Конша был ещё одним артистом в этом жанре. Но ни он, ни Мило не являлись тяжёлоатлетами в при-

нятом смысле этого слова, хотя они без всяких обиняков признаются настоящими силачами.

В то время представления Сандова всегда были лучшими. Так, когда появились такие люди как Джон Грюн Маркс и Ванситтарт, то они могли побеждать только в одном умении, в котором они могли соревноваться, то есть в силе захвата. Маркс, уроженец Люксембурга, начинал как штангист, сделав себе имя, подняв 300 фунтов «Чистым жимом двумя руками» — самым уважаемым исполнением подъёма того времени. Но суть его выступления была в особенных талантах. Он играючи управлялся с гантелями и штангами, которые никто, кроме него, не мог поднять. Не потому, что они были слишком тяжёлыми, надо понимать, а потому, что их грифы были слишком толстыми. Маркс, например, мог вызвать любого поднять над головой две специальные гантели. Но кто бы ни пытался, никто не мог этого сделать, несмотря на 50 фунтов стерлингов, которые Маркс предлагал в награду. Хотя гантели весили всего по 120 фунтов — ничего особенного для мужчин, привычных к этому делу, — в то время когда сам Маркс был сложен как Гаргантюа и весил около 17 стоунов.

Сам я поднимал чистым способом пару гантелей, весящих по 95 фунтов, мой вес тогда был всего 8 стоунов 10 фунтов. Том Певье, чемпион Англии среди любителей, поднял две гантели общим весом 234 фунта, хотя Том весил в тот день всего 12 стоунов. Но никто не имел ни малейшего шанса с гантелями Грюна Маркса. Ни у кого не было таких ладоней, как у Маркса, или — не считая Ванситтарта — его силы захвата. Грифы его гантелей имели в окружности 9 дюймов. Но кроме этого, все сталкивались с ещё большей трудностью. Маркс оборачивал грифы несколькими слоями свинцовой фольги, а она, как известно, скользит. Кроме его способностей в этом направлении, Маркс был хорош в подъёме привязанных грузов и при этом являлся замечательным шоуменом. Не таким, конечно, как Сэмпсон, как вы сейчас поймёте.

Маркс мог поднять на 6 дюймов от земли двадцать пять-тридцать человек. Для этого он готовил платформу, становился меж-

ду параллельных брусьев и привязывал ремни к плечам и поясу. К этой упряжи прикреплялась клетка, в которую приглашались зрители. Когда люди заходили, он с силой отжимался от параллельных брусьев и, выпрямляя ноги и спину, нечеловеческим усилием отрывал клетку от пола. Джон Грюн также разрывал подковы и двойные колоды карт, ломал гантели, рукоять которых была по калибру как у его знаменитых штанг и выполнял другие поразительные трюки. Но, как я сказал, его трюк с упряжью был детской забавой по сравнению с Сэмпсоном.

Вот это был РЕКОРД — и он оставался бы рекордом и сегодня, если бы его исполнение не было некоторым образом безвременно опорочено. Сэмпсон поднял слона. Для того, чтобы совершить этот подвиг, он собрал платформу, под которой стояла клетка, в которую заводили большого слона. К каждому углу клетки привязали огромные цепи, которые продели сквозь отверстия в верхней платформе, и там прикрепили к хомуту. Сэмпсон забирался на платформу и, пригнувшись, надевал хомут на плечи. Затем, опираясь обеими руками на параллельные брусья, как это делал Маркс, он распрямлялся и вставал, а клетка со слонем раскачивалась над землёй. Совершив такой парализующий подвиг, Сэмпсон обычно рушился на платформу, и в чувство он, как правило, приходил при помощи бренди, чтобы раскланяться под неистовые рукоплескания. А слон, конечно, при этом падал с грохотом при каждом низвержении Сэмпсона. Это было и драматическое, и естественное окончание трюка.

Мне так и не удалось выяснить, сколько времени продолжалось это шоу. Думаю, что не так долго до того, как случилась катастрофа. Сэмпсон, как обычно, потерял сознание, был приведён в чувство и стал раскланиваться, когда вдруг зрители заметили, что слон не грохнулся, как положено, а всё ещё раскачивается в воздухе. Что-то не сработало в подъёмном механизме — и оказалось губительным для Сэмпсона, так как это перечеркнуло его карьеру шоумена в силовом жанре.

Вернёмся к людям с сильной хваткой! Маркс, как я говорил, был чудом. Его трюки действительно исполнялись без обмана, и

если кто-то заявляет, что применение свинцовой фольги давало ему нечестное преимущество перед претендентами на сумму в 50 фунтов, имейте в виду то, что Джон Грюн сам-то с этим справлялся. Тем не менее я склонен считать, что несмотря на замечательный захват, в силе он уступал Ванситтарту.

Ванситтарт, англичанин, занимался физической культурой больше для развлечения, чем для заработка. Он был неплохо обеспечен и никогда не ограничивал себя в расходах. Но позднее он поддался соблазну огней рампы и объезжал залы как «Вансарт: Человек с железной хваткой» — ярлык вполне обоснованный. Он брал пенни между большим и указательным пальцем, затем ломал монету на две части, прижимая ее к подушечке другого большого пальца. У.П. Касуэлл, экс-чемпион в лёгком весе среди любителей, которого победил Томас Инч на мировом чемпионате в среднем весе, тоже мог ломать пенсы таким способом. Ещё несколько человек претендовало на то, что они разрывали и разламывали монеты, но только про Вансарта и Касуэлла я точно знаю, что они могли это делать.

Вансарт мог двигать бутылку шампанского вдоль всей длины руки невероятным движением её мускулов. Он также ломал подковы на куски, рвал напополам теннисные мячи, сгибал и скручивал гвозди из кованого железа. Более того, он набрасывал полотенце на изгиб руки, помещал бутылку кларета и, сдавливая её между бицепсом и предплечьем, разбивал её вдребезги. Это был сенсационный трюк, к тому же — крайне опасный.

Он был также величайшим из тех, кто поднимал бильярдные кии, эту форму демонстрации силы в то время очень любили. Оперев толстые концы четырёх киев на пол, он зажимал их тонкие концы не более дюйма длиной пальцами вытянутой руки. Кончики киев, понятное дело, были просто вставлены между пальцами, а не обхвачены каким-либо образом. Затем, просто поворачивая руку ладонью вниз, он поднимал кии от пола так, что они вставали под прямым углом к его руке. Да, в пальцах у Вансарта была немалая сила.

Для этого необычного парня самым большим удовольствием было поражать людей. При довольно большом росте, его ноги были несколько худоваты, но торс и руки были просто удивительны. Свои широкие плечи он пытался замаскировать, стараясь выглядеть сутулым и сгорбленным. Вдобавок он носил пальто на два размера больше, а с его бледного лица не сходило виноватое выражение. Всё перечисленное, конечно, создавало впечатление, что это какой-то доходяга, а не человек, который каждый вечер элекtrizовал многолюдные аудитории показом поразительной физической силы. У людей, не знавших его, он вызывал сочувствие, они думали, что у него истощение, чахотка или другая смертельная болезнь. Даже на сцене грим едва скрывал его мертвенную бледность.

Возможно, лучше всего ему удавалось рукопожатие. Иногда оно было мягким, иногда — люди морщились. Обычно это было пожатие, характеризующее этого человека, твёрдое и честное. Но эти пальцы! Он мог заставить остальных силачей присмиреть, едва только ему удавалось уговорить их сцепить пальцы. Никакого пожатия, надо понять! Просто пальцы бедняги оказывались между его пальцами. Это был взаимный зажим пальцев и перетягивание. Но как только чьи-то фаланги оказывались между пальцами Вансарта, они там застревали до тех пор, пока человека с железной хваткой не начинали молить о пощаде.

Вансарт часто в своем шоу делал одну штуку, которая живо показывала силу его захвата и производила соответствующее впечатление на аудиторию. Один из его помощников ложился на лавку лицом вверх, после чего Вансарт брал обычную 56-фунтовую гирю, одолженную у какого-нибудь местного торговца, переворачивал её ручкой вниз, затем он производил рукой месмерические пассы над лицом человека. Зрители заметно ёжились во время исполнения этого номера, что, казалось, нравилось Вансарту, так как он продолжал манипулировать гирей над физиогномией лежащего человека, пока не начинало казаться, что снаряд вот-вот выскользнет даже из его похожих на тиски пальцев. Этого, однако,

никогда не случалось, на счастье того, кто лежал под грузом. При своей силе Вансарт, однако, не блистал как штангист, и, хотя считался наделённым способностями по этой линии, по моему мнению, было бы совсем неверным считать его таковым.

Я не застал шоу Моррисона — «Американского Геркулеса» — в мюзик холлах, хотя этот человек работал в них какое-то время. Но однажды я видел показ его силы в кофейне, прилегающей к Кэмбервелл Палас Варьете — мюзик-холлу на юго-востоке Лондона. Он считался очень сильным (относительно чего у меня есть сомнения), но был знаменит своим умением ломать монеты, которое он показал в тот самый раз, при этом несколько сомневающихся обеднели каждый на полкроны, после того как над монетами поработали пальцы Моррисона. Надо сказать, однако, что даже в этом жанре он не был ни таким же замечательным, ни изобретательным, как Сэмпсон, с которым я уже не раз имел дело. Ранее я упустил возможность упомянуть о способностях «поднимателя слона» ломать монеты, и будет только правильно восстановить справедливость.

Сэмпсон великолепно ломал монеты. Некоторые шли дальше, считая его великим специалистом по «ловкости рук» из когда-либо известных... Возможно, так и было! Я слышал, как говорили, что оказавшись в тех местах общественного отдыха, которые сейчас закрываются раньше, он просил зевак проверить его силу в ломке монет. Любую полученную им монету от пяти шиллингов до шестипенсовиков он разламывал и возвращал, прося их владельцев проверить их подлинность по дате чеканки. Некоторые он ронял или отвергал, ловко заговаривая зубы, а впоследствии он признавался моему доверенному лицу, что ему приходилось отказываться от них, потому что у него отсутствовала «подготовленная» монета точно такого же номинала и года выпуска. Можно только предположить, что он должен был ходить с вместительными карманами, набитыми разнообразными «подготовленными» монетами. То, что у него были крепкие нервы, никто не оспаривал, а его талант к изобретательству был су-

губо практическим. Перед разоблачением трюка со слоном номер с разрыванием монет обычно завершал его выступления. Стоя в центре сцены, он приглашал аудиторию кидать ему серебряные монеты, которые он ловил на лету, разламывал — или, вероятно, делал вид — и швырял половинки назад. Он был превосходный артист, номер — в новинку, и редко когда монеты не падали дождем. Имея только одну пару рук, он, конечно, не мог поймать каждую — да он и не пытался! И когда он полагал, что упустил достаточное их количество, занавес опускался, после чего Сэмпсон сметал приличную добавку к своему гонорару.

Когда я обратился к своей памяти за материалом для пера, на меня нахлынуло столько воспоминаний, — многие из них весьма забавны. Но до того, как я примусь за что-то в этом роде, я должен сделать то, в чём считаю себя обязанным — воздать дань уважения Артуру Саксону, которого в его время справедливо называли «Сильнейший из силачей».

V

«Саксонцы — трио мускульных чудес — включая Артура Саксона, который заявляет, что он сильнейший в мире, и чьи обескураживающие трюки заставляют признать его достойным кандидатом на такое определение». (Эти строчки подытоживают то, как афишировались Саксонцы — *Автор*).

До времени появления на сцене Трио Саксонцев работа со штангой среди силачей стала приходить в упадок, а с ними она начала возрождаться. Романтика, однако, не исчезла, несколько не исчезла! Действительно, ворота на поле чудес распахнулись ещё сильнее, и горизонты возможностей расширились. И раз «волшебные сказки» настолько приоткрылись, все — и каждый из нас — смог ли по крайней мере догадаться о чудесных физических возможностях, доступных почти каждому — только руку протяни! Тогда мы узнали впервые, что любой нормальный здоровый человек может

не только поднимать, но и играть с тяжестями, значительно превышающими его собственный вес. Что даже поднятие слонов и удерживание лошадей и роялей (как делали Сэмпсон и Сандов в виде «трюков» для зрителей) было, с показным бахвальством или без него и помощью сценического оборудования, тем не менее, в пределах возможного. То есть в пределах, о которых Сэмпсон или Сандов нам никогда не сообщали. И о которых, если они когда-либо размышляли, они предпочитали сохранять загадочное молчание.

Саксонцы, однако, раскрывали свои секреты всем на свете! Они не поднимали слонов, не ломали подготовленные монеты, не рвали цепи (наполовину подпиленные или как-то по-другому особо обработанные), обходились без помощи невидимой проволоки, чтобы на время опровергнуть законы гравитации. Они по-настоящему работали, а не бездельничали, и просто брались за гриф и поднимали над головой штанги, которые весили ровно столько, сколько было заявлено — а при проверках чаще оказывалось, что они весили даже больше, чем объявлено. В этом отношении Саксонцы были уникальны. И именно поэтому они ввели моду на то, чему ни один член братства силачей не мог следовать без риска упасть со своего высокого положения. Такими ужасающими, в самом деле, стали новые нормативы штангистов, установленные Саксонцами, что очень скоро им перестали оказывать тот вид лести, который неизменно прилагается к чему-то первоклассному — лесть подражания. Саксонцы, знаете ли, отличались в трюках, которые не особо поддавались подражанию.

Они, конечно, были везунчиками! Но везение их заключалось лишь в том, что Арно Саксону, бывшему борцу, задумавшему создать труппу, посчастливилось случайно встретить Оскара Хильгенфельдта и некоего Артура Хеннинга; последний как раз и был тем, кем назывался — «сильнейшим человеком в мире». Артур Хеннинг или, если назвать его именем, которое обессмертило его за подвиги в тяжелой атлетике, Артур Саксон, умер 6 августа 1921 года от пневмонии. Очень печально, ибо именно он, и только он, играл роль Атласа в Трио Саксонцев, представлявшего силачам (и

тем, кто хотел бы ими стать) всего мира свои золотые зрелища настоящей романтики силы, а поднятие гантелей, гирь, пивных бочек и мешков с зерном было всего лишь воротами к ней.

Арно Саксон, творческий гений группы, оказавшейся самым значительным средоточием физической силы, когда-либо виданной со времён, которые можно достоверно вспомнить, сам выступал в атлетических жанрах, а также был мастером по борьбе в классическом стиле грэпплинг. Возможно, ничего особенно выдающегося, но у него было видение, дар, который обычно не связывают с мускулистыми людьми, коих пруд пруди. И более того, он использовал этот дар, что ещё больше ему помогало. Сам по себе он жил неплохо, ежедневно выступая в цирках, но если взять для сравнения, например, гонорары Сандова, догадывался, что, как ни прискорбно, его таланты недооценены. Он, однако, понимал, что восстать в одиночку против превосходства Сандова будет безнадёжным делом, поэтому только чудо могло улучшить его материальное положение. Но, как я уже сказал, у него было видение! И, наконец, он наткнулся на мысль, претворение которой в жизнь сулило значительно нарастить его банковский счёт, и она, так уж получилось, сотворила великую историю о тяжёлой атлетике, какой ещё не бывало.

Чтобы осуществить свою идею, Арно поехал в Германию, и там, в Лейпциге, где располагался пожалуй, самый известный из всех наиболее знаменитых тяжёлоатлетических континентальных клубов, он сдвинул бокалы с двумя его членами (уже упомянутыми Оскаром Хильденфельдтом и Артуром Хеннингом) и растолковал им свою схему. Это было не более и не менее, чем предложение объединить силы, приехать в Англию и там показывать в мюзик-холлах величайшее силовое шоу, какое только видывали в этой стране. Он напирал на то, что Англия для силачей — это просто Эльдorado, и так красочно описывал эту картину, что задолго до того, как он закончил, его компаньоны совершенно уверились в том, что до того момента они лишь зря тратили время в стране, где родились. Итак, они приехали в Англию назвавшись «Трио

Саксонцев», и немедленно в мире атлетов начали происходить удивительные события.

Трио быстро получило ангажементы, которые они ознакомили вызовом Сандову, и этот вызов был основан на феноменальной способности Артура (тогда лишь девятнадцатилетнего парня) в жиме выкручиванием. Артур в то время (1897 год) поднимал этим стилем 267 фунтов, и, как может показаться невероятным для тех, кто не так знаком с фактами, как автор, «донашивал» другой рукой гирию весом 119 фунтов после того, как поднял вверх большую штангу. Его партнёры были хороши в своих собственных особых трюках, и, конечно, все великолепно работали в команде, что так отличало выступления Саксонцев. Но задача снять корону короля-императора с чела Евгения была по всеобщему согласию предоставлена несокрушимо Артуру.

Саксонцы дебютировали в Гранде, графство Шеффилд, и всеми мыслимыми способами объявляли на публике, что в их программе есть человек, который каждый вечер поднимает одной рукой вес, неподвластный даже Евгению Сандову. Естественно, такое заявление привлекло внимание к трио, и кассовая выручка в Гранде значительно потяжелела. Но хотя их шоу решительно впечатляло всех, кто его видел, вес, поднятый Артуром одной рукой, принимался с оговорками. Затем однажды вечером Сандов, никого не предупредив заранее, явился неузнанным и из своей ложи театрально «запрыгнул» на сцену навстречу агрессору.

Сандов так поступал раньше, как читатель хорошо помнит. Проницательный психолог, он знал толк во внезапных атаках в любом противоборстве, и можно с большой уверенностью предположить, что он рассчитывал на то, что всё пойдёт, как ему надо. Публика была заодно с ним, что не могло не ободрить его, даже если он испытывал волнение относительно того, что получится, если он померяется силой и ловкостью с «захватчиками». Но можно считать само собой разумеющимся, что он ничего подобного вовсе не чувствовал. С чего бы? Разве он не великий, несравненный Евгений?

Однако когда Сандов взялся за штангу Артура Саксона, он быстро понял что не только он хорошо познал силу и ценность сюрпризов! Сам по себе заявленный вес штанги не особенно подействовал на его воображение. Но это было не всё, что обнаружил победитель Циклопа и Сэмпсона! Он очень быстро убедился в том, что штанга Артура Саксона просто не хотела подниматься — по крайней мере, в чужих руках. Это был не послушный снаряд, к каким он привык. Когда он поднял её к плечу, она покатилась и стала угрожающе заваливаться, совсем не напоминая ту послушную игрушку в руке Саксона.

Конечно, на это имелись свои причины, про которые сейчас можно без вреда для кого-либо рассказать. Сандов всегда наклонял штангу, когда выполнял выкручивание, а Саксон знал это, и сделал соответствующие приготовления... Внутри трехдюймового трубчатого стального грифа большой штанги Артура каталась некоторая масса ртути, которая при наклоне перетекала из одного конца в другой, как это происходит с водой в ватерпасе, из-за чего с ней было невозможно управляться. Для Артура это не имело значения, так как он всегда поднимал штангу, держа гриф в совершенно горизонтальном положении, при этом ртуть оставалась в мёртвой точке. Но это раз за разом срывало все попытки Сандова поднять над головой неуклюжий груз так же ловко, как это делал Саксон, и он удручённо покинул сцену. Спустя несколько лет эта самая штанга по странному совпадению попала в собственность Сандова, и читателям только остаётся гадать, о чём он подумал, когда между дел изучил её и раскрыл секрет.

Но вернёмся к тому случаю и его последствиям!

Саксонцы, естественно, выжали всё возможное из неудачи Сандова, и наводняли города, где выступали, афишами, подчёркивающими итоги его попыток. Сандов, однако, не лежал на боку после своего провала, а обратился к закону. Решение было принято в его пользу, судья постановил, что поскольку он управлялся одной рукой со штангой Саксона и выполнил сходные телодвижения, удерживая её, трио не имеет права заявлять, что Сан-

дов не смог поднять их штангу. Был выписан судебный запрет на дальнейшее повторение такого заявления. Закон, следует сказать, не разъяснял, как положено исполнять подъём. Чтобы закрыть тему, можно сказать, однако, что обе стороны выиграли от этой демонстрации силы и ловкости, рекламирующей их способности.

На следующей неделе Саксонцы оказались на верхних строках афиш в ливерпульском Парфеноне, где притягивали толпы зрителей, а также нашли англичанина достаточно смелого, чтобы взяться за их гигантскую штангу. Этим отважным персонажем был некий Джордж Динни, тогда наш лучший исполнитель жима выкручиванием. Но он, как и остальные, нашел трюк Саксонцев слишком тяжёлой задачей, и хотя было несколько хороших попыток, он, в конце концов, признал своё поражение. Пока он пробовал поднять снаряд, Арно, между прочим, заменил 119-фунтовую гирю, которую он должен был поднять другой рукой, чтобы выиграть их деньги, гирей, весом 180 фунтов, которую Артур под настроение рывком закидывал над головой — отдельный трюк, это, конечно, надо понимать. Эта тонкая предосторожность была вполне излишней, как оказалось. Но она хорошо иллюстрирует мышление Саксонцев: они всегда были во всеоружии на случай непредвиденных обстоятельств.

Как раз в то время, когда Саксонцы исполняли контракт в том самом зале, произошёл очень смешной случай, главными героями которого они оказались. Всем известно (по крайней мере, старожилам), что участники трио были большими любителями стаканчика хорошего английского пива. Однажды они заглянули в гостиницу, которую содержал один известный атлет. Здесь где они провели несколько часов, во время которых поднимали снаряды и пили свой любимый напиток. После того как они потребили такое его количество, что заставили хозяина задуматься, осталось ли сколько-нибудь для других его клиентов, для трио настала пора отправляться в концертный зал на своё шоу; они настойчиво затребовали экипаж, чтобы эффектно завершить визит. Карета была предоставлена.

Им удалось втиснуться в неё без посторонней помощи, Артур и Оскар сели на заднее сиденье, а Арно, как самый дородный из всех троих, — на переднее. Кучер с встревоженным видом подстегнул рысака и тронулся к концертному залу, а его ездоки, охваченные счастливым настроением, запели хорошо поставленными голосами, начав с любимых немецких песен.

Однако по мере продвижения, их пение становилось всё громче, пока, наконец, не грянуло «Deutschland Über Alles» — мелодия, для которой, по их мнению, самый главный и нужный аккомпанемент — это топот. Что они и делали, и нет нужды говорить — очень даже энергично, когда вдруг дно кареты провалилось и вот — на земле грандиозная куча мала, карета резко остановилась, как впрочем их «мелодичная» песня.

Кто-то может подумает, что такое происшествие могло немного утихомирить Саксонцев, но нет, ничего подобного! Вместо этого, поняв, что случилось, они загорланили ещё пуще, сказав бедняге старому возчику, который чуть не обезумел, чтобы он трогал, а они пойдут, не выходя из кабинки. И они зашагали внутри кареты, сопровождаемые огромной толпой, и таким чудным манером добрались до места, к изумлению стоявшего у входа мистера Смита, тогдашнего управляющего Парфенона.

После того как этот джентльмен немного пришёл в себя, он провёл своих буйных подопечных в уборную и втолковал им, чтобы они поскорей собрались, а сам снова вышел наружу и увидел, что огромная толпа, которая сопровождала повозку с трио, целиком втянулась в здание, чтобы посмотреть на представление. Это его более чем порадовало, такой уж склад ума у этих управляющих мюзик-холлами, особенно в таких случаях.

Саксонцы как звёзды, были, естественно, в конце программы. Но вот, наконец, объявили их выход, и публика приготовилась посмотреть на зрелище, которое, как они предвкушали, будет довольно необычным. И им не пришлось разочароваться, хотя можно с уверенностью предположить, что всё, что они увидели до конца представления, превзошло их самые смелые ожидания.

Под бодрящие звуки музыки поднялся занавес, открывая три качающиеся фигуры в гладиаторских позах: обычное для Саксонцев и, как правило, впечатляющее начало. Артур со 100-фунтовой гирей на голове, явно намеревающийся разmozжить голову Оскару, который лежал навзничь на полу, тогда как Арно со взглядом то ли защищающим, то ли умоляющим, завершал эту живую картину. Так они выдержали несколько секунд — и за это время положения двух стоящих позёров значительно изменились, когда Артур вдруг опустил гирю на пол с такой силой, что явно было слышно, как затрещали доски (то, что произнёс управляющий, хорошо расслышали не все, но если полагаться на очень уважаемый источник, его замечания были очень крепкими).

Реприза с позами завершилась, и Арно начал действие. Он был очень хорош в поднятии тяжестей зубами, и, бывало, поднимал человека, сидящего в люльке, посредством прикреплённого к ней «кляпа», после чего катал его как на карусели. В этот раз он, видимо, решил превзойти себя и выполнить трюк с большой скоростью, но у него закружилась голова, и он быстро разжал зубы и выпустил кляп, вследствие чего несчастный пассажир люльки отправился в партер прямо через головы оркестрантов, а Арно завалился назад и налетел на какую-то громоздкую декорацию.

Это смешное происшествие, которое могло запросто окончиться серьёзными последствиями, было, однако, лишь прелюдией к тому, что случилось дальше.

После того как буйное веселье публики немного стихло, Оскар попытался сделать трюк, который и в обычных-то условиях являлся очень опасным, ну а тогда просто должен был иметь только один конец. Этот трюк состоял из того, что ему на голову ставилась 100-фунтовая гири, при этом он подбирал с пола две другие, тоже по 100 фунтов, и поднимал их над головой. Он умудрялся ещё поставить одну из них на голову. Но когда он нагнулся, чтобы взяться за две гири, первая, которую удерживал на голове, покатила прямо в оркестровую яму, пробив насквозь рояль, после чего музыканты врассыпную кинулись спасать свои жизни, прячась во все возможные места за сценой.

Ещё можно представить радостный рёв, который за этим последовал, но вот описать его, конечно, нельзя. Немного погодя, однако, всё успокоилось, как вдруг послышался крик Арно: «Кде ест дер оркестр? Мы не мочь виступайт без дер мюзик!» Тут уже зрители стали корчиться от нового припадка веселья.

К этому времени управляющий появился на сцене, пытаясь убедить Саксонцев уйти, используя всё, чтобы добиться этого. Но сие было бесполезно. Трио приехало делать шоу, и оно станет его делать, как бы то ни было. Так что Артур начал показывать свой жим одной рукой 267-фунтовой штанги, сделал его наполовину, когда — трах — она рухнула, причём один из шаров проломил пол. В этот миг управляющий покинул сцену, не в силах больше видеть то, что творится и оставаться хотя бы с виду невозмутимым.

Затем настал черёд великого трюка Артура, с поддержкой, при котором он ставил себе на спину и удерживал на руках и ногах несколько человек и грузов. Ему удалось нечеловеческим усилием поставить гирю в 267 фунтов на ноги, затем он подвесил ещё по 100-фунтовой гире на каждую ногу. Вызвали шесть человек, после долгих уговоров добровольцев набрали, затем Арно и Оскар подогнали их к штанге, а сами начали рассаживаться на другой, которую Артур вытянул из-за своей головы и толкнул на вытянутую руку. Только все более-менее удобно разместились, как крен большой штанги оказался слишком велик, чтобы Артур мог её удерживать, и люди, грузы и Саксонцы — все посыпались и смешались в кучу. Занавес упал, и так закончилось выступление Саксонцев.

Но после этого пошли аншлаги! Все городские и соседствующие районы быстро прослышали об этой феерии Саксонцев, им предложили ангажемент на следующую неделю, и они сразу согласились, причём это была третья неделя их пребывания в Англии.

Пока Саксонцы ездили по стране, они безжалостно разрушали все старые представления о силе штангистов, устанавливая новые стандарты такого колоссального размаха, что поражали тех, кто был в этом деле. Никто до сих пор не сравнился с ними, уж не го-

воря о том, чтобы превзойти, и сегодня представляется, что наше поколение удостоилось того, чтобы видеть собственными глазами то, что делали эти люди. Нам очень повезло. Потому что таких штангистов, как они, мы, скорее всего, больше не увидим...

Сам я очень обязан Саксонцам, ибо именно от них я получил вдохновение начать собственные шаги по тропе, что вела к здоровью и, следовательно, силе, что сделала моё имя таким известным для многих. Я никогда не забывал об этом, и поэтому считаю себя обязанным продолжить эту хронику описанием ещё нескольких чудесных подвигов. Пусть это будет данью их памяти.

VI

Звезда Саксонцев теперь сияла на недостижимой высоте, и ей суждено было там остаться. Где бы они ни появлялись, их ждал восторженный прием, ибо их трюки были настолько подлинными и очевидными, что даже самым отъявленным скептикам приходилось, в конце концов, признавать это. Завоевать такое признание удалось, однако, не в один день, и не всегда это делалось традиционными способами. Есть много историй, которые я мог бы пересказать, когда вспоминаю те приёмы, которые использовал Артур и его собраты, чтобы убедить «неверящих Фом» в их способности совершать то, что они заявляли – и ещё сверх того. Некоторые из них я расскажу в своё время, так как уверен, что их будет интересно прочитать.

То, что Саксонцы остались непревзойдёнными, покажется уникальным случаем для того, кто изучает историю этого трио. Его состав со времени, когда они впервые ступили на эти берега, к концу их карьеры претерпел значительные изменения, хотя про это знают не все даже в братстве штангистов. Но одной бессменной фигурой среди них был тот, кого по праву называли «Железным мастером». То, что он оставался на положении лидера, было настоящей причиной превосходства силового шоу Трио Саксонцев.

Оскар Хильденфельдт был первым, кто покинул трио, и после своего ухода он объединил силы с одним англичанином, который позднее оказался одним из величайших в мире мастеров жима выкручиванием. Под именем Братьев Атилла они ездили по стране, выступая с шоу, которое было одним из самых утончённых и хорошо отработанных в своем роде. Достоверность заявленных способностей англичанина в упомянутом жиме была подтверждена в сенсационной манере, когда Макс Унгер приехал в Лондон, вызывая всех и каждого поднять его огромную штангу одной рукой. Вес штанги был заявлен как 312 фунтов. Было ли это так на самом деле, вы увидите позднее. А пока я вернусь к Саксонцам.

Когда ушёл Оскар, в шоу был взят англичанин по имени Сомертон, и то, что он был очень сильный малый, можно считать само собой разумеющимся, иначе от него не было бы проку для Саксонцев. Одним из трюков Сомертона был чистый жим и рывок двух гантель по 103 и 105 фунтов десять раз попеременно. Он оставался в шоу некоторое время, затем уступил место другому приезжему из Фатерлянда, достойному весельчаку по имени Адольф Берг. Покинув трио, Сомертон под псевдонимом «Локо» бросил вызов Ингу, но хотя были исписаны целые стопки бумаги, их встреча так и не состоялась, так как Инч настаивал на подъёмах, в которых сам был хорош, Локо естественно делал то же самое.

Когда уехал Арно, его место занял Герман Хеннинг, брат Артура, в то время всего лишь юнец семнадцати лет. Но какой юнец! Приятные черты лица, прекрасная шевелюра, фигура, отлитая в классических линиях, — он выглядел как греческий бог, сошедший на землю. Он, подобно Лонсестону Эллиоту, мог всегда прожить в мире атлетизма, опираясь только на свой внешний вид, но он был настоящим братом Артура, более предпочитающим поднимать штанги, чем позировать. Имея вес всего лишь 12 стоунов, он на моих глазах делал чистый жим и рывок двумя руками 297 фунтов, а однажды он правой рукой поднял большую штангу Артура

весом 300 фунтов. Это было, между прочим, в старом «Стандарте», теперь известном как «Виктория Палас», зале, где в силовых шоу хорошо платили с продаж билетов, благодаря близлежащим военным казармам. В то время некоторые из лучших штангистов и силачей были найдены в армии.

Со временем ушёл Адольф, и его место занял ещё один брат лидера. Это был Курт, с его приходом группа стала сильной, как никогда, ибо очень скоро он доказал, что в каждой мелочи он так же хорош, как Герман. Довольно долго трое братьев работали вместе, затем Герман покинул трио, чтобы выступать с сольным номером под именем Германа Максима, давая в один вечер борцовское шоу (он был великолепным борцом), а на другой — показывая номера со штангой. В то время услуги Адольфа Берга были вновь востребованы. Но когда Артур решил поставить свой последний и самый великий номер, он признал ценность участия Германа. Так «блудный сын» вернулся, а Адольф окончательно покинул этот мускулистый триумvirат, чтобы пахать свою борозду.

Образовавшееся таким образом Трио Артура Саксона — под таким названием они теперь выступали — путешествовало по миру, демонстрируя всем и каждому свою сверхчеловеческую мощь. С цирком Уирта они объездили Индию и Южную Африку, где чемпионам по борьбе пришлось склонить флаги перед Артуром (все Саксонцы были хорошими борцами, это интересно отметить), в то время как Америка познакомилась с ними через агентство Цирка Ринглинга.

В своей поездке по этой стране Артур постоянно сталкивался с просьбами доказать свои чрезвычайные способности в подъёме одной рукой, что он и делал следующим интересным способом. Там, где трио должно было появиться, афиши приглашали местных штангистов принести свои собственные снаряды, чтобы он поднимал их одной рукой — при условии, что они весят не более 330 фунтов. Это, конечно, представляло для сомневающихся непредвиденную трудность, так как у них не было штанг, достаточно тяжёлых для чемпиона. Но они, ничуть не сбитые с толку прино-

сили разношёрстные наборы гирь, которые Саксон поднимал для их удовольствия вместо большой штанги, которую он использовал в своём шоу. Это их успокаивало!

Его первый официальный рекорд в жиме выкручиванием был поставлен 8 апреля 1903 года в мюзик-холле Южного Лондона, на специальном дневном представлении, и поднятая штанга весила ровно 314 фунтов. Позднее он побил этот рекорд, подняв 335,75 фунта в том же зале. Это, между прочим, являлось наивысшим зафиксированным исполнением такого жима в нашей стране, хотя он чуть было не поднял 353 фунта в Национальном Спортивном Клубе 29 января 1906 года. Перед этим он смог (12 декабря 1905 года) поднять немыслимый вес в 370 фунтов правой рукой в Штутгарте. Это до сих пор остаётся мировым рекордом в жиме одной рукой с плеча. И из того, что я понимаю в этих делах, это ещё долго останется рекордом.

Не хочу привносить слишком много технических подробностей в мой рассказ, но всё же справедливо уточнить, что неудача Саксона в НСК случилась, несомненно, из-за того, что он поднимал штангу с непривычным для себя грифом. Иначе бы, по моему мнению — и не я один его придерживаюсь — результат оказался бы другим. Гриф этой штанги был не больше одного дюйма в диаметре, тогда как у тех штанг, с которыми он исполнил свои самые тяжёлые подъёмы, диаметр был не менее трёх дюймов. Более того, штанга, которую Саксон пытался поднять в НСК, весила поразному на своих концах.

Все этих факторы сильно способствовали его поражению, хотя он совсем не оправдывался. Шесть раз он отжимал штангу на вытянутую руку, но она выкатывалась из его пальцев, пока он пытался распрямиться. Тонкий гриф глубоко врезался в его ладонь, и было видно, что это суровое испытание очень болезненно. Стараясь изо всех сил — а он старался — он всё равно не мог покорить этот вес в тот вечер. Так что чудесный подъём Артуром Саксоном 370 фунтов остаётся единственным официальным рекордом. Однако неофициально он превзошёл и это несколько

раз — один такой примечательный случай был в школе Аполлона, тогда располагавшейся на Литтл Ньюпорт Стрит. Свидетелями этого были У. Бэнкиер («Аполлон»), Билл Клейн, известный боец (теперь его лицо узнаваемо: массажист в фильме «Ринг»), и мистер Джон Мюррей (тогдашний редактор «Хелс энд Стренгс», а в последние годы редактор «Боксинга»). Последний всегда от всего сердца восхищается великим Артуром и подпишется под этим в любой момент.

Дело было так! Артур весь день гулял в дружеской компании. Выйдя примерно в 10 утра, он с несколькими добрыми друзьями обошёл ряд заведений, где можно было расслабиться и освежиться. В шесть тридцать ввечеру компания остановилась возле школы Аполлона. И во время разговоров мистер Бэнкиер, явно из любопытства и, видимо, из-за неведения, спросил, правда ли, что Артур когда-то поднимал одной рукой 300 фунтов.

Этого вопроса было достаточно, чтобы раззадорить Артура! Он ворвался в школу, собрал все попавшие под руку снаряды, осмелял вес каждого из них и собрал самый жуткий с виду груз, какой только можно представить. Гири, блины, гантели — всё пошло в дело, они были привязаны шнуром к штанге, которую Артур собрался поднять к нескрываемому ужасу зрителей.

Груз был неотцентрирован! Да, можно смело сказать, что найти центр тяжести этого сооружения было немыслимо. Но Артур не особенно беспокоился насчёт этого. Он снял шляпу и пальто и двумя руками поднял эту необычайную штангу на плечи. Три зрителя содрогнулись! Эта школа, чтобы стало понятнее, располагалась на одном из верхних этажей, и если бы Артур уронил штангу — как Аполлон мог поручиться за их жизни, не говоря об обитателях нижних этажей?

Однако Артур не уронил штангу. Он с раскачки перевёл её в положение для подъёма и начал выжимать её на вытянутую руку, когда развязался узел, и 56-фунтовая гантель скатилась, задев его по лицу. Артур опустил штангу, снял воротник с галстуком, заново завязал узел и начал поднимать снаряд. На этот раз гиря с маркировкой 60 фунтов выскользнула и ударила его по затылку. Артур

сказал пару слов, ещё раз опустил это нагромождение весов и снял ботинки. Штанга снова вознеслась на плечи, и тут бо фунтовая гиря грохнулась на пол. От этого груз потерял устойчивость, но три зрителя кинулись как один к Артуру и опрокинули его на борцовский мат, спасая перекрытие. При этом каждый заработал по паре-другой синяков.

Да уж, могу сказать, как Артур обозлился! На этот раз он снял носки, подтяжки, и, так как не было под рукой пояса, опоясал брюки полотенцем. У него почти не осталось кожи между большим и указательным пальцами на правой руке. Но он не обращал на это внимания, для него было главным одолеть этот вес или умереть. Было бесполезно взывать к нему! Уверения в том, что все уже признают: 300 фунтов в его руке — это просто пушинка, — отметены. Вес определённо должен быть взят. И с четвертой или пятой попытки (зрители были так взбудоражены, что сбились со счёта), рука Артура вытянулась, спина распрямилась, и он овладел колоссальной массой железа. Один из небольших прикрепленных грузов отвалился — не та бо-фунтовая гиря, которую привязывали заново, — но насчёт него Артур уже не волновался. Взвесили всё, что осталось, общий вес составил ровно 386 фунтов. Точность этого исполнения основывается только на свидетельствах господ Бэнкиера, Клейна и Мюррея, любой из них с большим удовольствием бы, несомненно, отрицал, что он находился там, если бы только мог примирить такое заявление со своей совестью.

И вот, хотя сам я отношусь к братству отъявленных скептиков, когда дело касается трюков, совершённых другими, лично буду последним, кто усомнится в чём-либо, совершённом Артуром Саксоном. Ибо собственными глазами видел, как он выполнил множество замечательных упражнений. В своих выступлениях он держал на ногах от двенадцати до восемнадцати человек, которые садились на длинную крепкую доску из ясеня, и чем тяжелее были люди, тем более довольный вид принимал силач. А если этого было недостаточно, он вынимал из-за головы штангу весом 232 фунта, на которую садились два его брата, обычно вместе с

самым тяжёлым рабочим сцены, какого могли найти. Общий вес этого трюка обычно исчислялся цифрами, заметно превышающими тонну — и он делал это сотни раз.

Способы, которыми отважный Артур демонстрировал свою сверхчеловеческую силу, были чрезвычайно разнообразными: жонглирование, балансировка, поддержка, наряду с обычным подъёмом грузов, и он блистал в каждом из них. Как пример жонглирования можно упомянуть, что Трио Саксонцев открывало выступления, очень зрелищно вращая гири. Вес гири Артура был 119 фунтов, и в перечне различных грузов, которые использовались в одном из номеров Артура, эту самую гирю и ещё одну подобную один из братьев обычно называл «маленькие лёгкие гири для жонглирования». Это, конечно, демонстрирует тот юмор, который отмечали у Саксонцев. Они были великие шутники, как можно увидеть из следующего.

Саксонцы выступали в зале недалеко от моего дома, когда разнеслась весть, что большая штанга Артура Саксона была выставлена на обозрение возле зала с табличкой, гласящей, что если кто-либо сможет поднять её над головой двумя руками, после того как Артур Саксон поднимет её этим вечером одной рукой, то ему вручат 100 фунтов. Это привлекло всех окрестных силачей, и в конце концов один из них, более азартный, чем остальные, подбадриваемый болельщиками, смог после некоторой борьбы поднять штангу вверх. Окрылённые этим примером, несколько человек попытались счастья, и ещё двое справились. Ввиду этого казалось, что Саксонцы наверняка не так много заработают на этой неделе, после того как им придётся расплатиться с этими тремя, а может, с кем-нибудь ещё.

Новость об успехе неофициальных попыток трёх отчаянных соискателей ста фунтов от Трио Саксонцев быстро разнеслась, и когда настал вечер, зал был буквально набит. Саксонцы, явно в счастливом неведении о сумме, с которой им придётся вскоре расстаться, провели выступление без сучка, без задоринки, и затем со сцены прозвучало объявление о том, что грядёт состяза-

ние. Подозрительная улыбка, казалось, промелькнула на губах Артура, когда Адольф произнёс свою речь, явно подмигивая. А в это время соискатели пробирались к сцене под ободряющие крики со всех концов зала.

Гигантская штанга Артура была поставлена посреди сцены. Откатив её, чемпион твёрдо взялся за середину грифа и, легко взяв на плечо, равномерно отжал штангу на вытянутую руку над головой. Затем он перевел её в двуручный захват и мягко вернул на землю. Участники состязания, уже без пиджаков и жилетов, с закатанными до верха рукавами, вышли вперёд. Но вот что странно — никто из них не смог поднять штангу ни на полдюйма. Видите ли, она теперь была заполнена и весила не менее 300 фунтов — а может быть, намного больше. Когда она утром стояла на улице, то была пуста, и весила меньше половины упомянутых цифр. Да, Саксонцы знали толк в рекламе!

Я уже говорил, что Артур Саксон был неистощим на выдумки. Многие считают, что он просто выполнял подъём одной рукой, но это совсем не тот случай. Касательно его способностей поднимать штангу двумя руками я не могу точно ручаться, но уверенно могу сказать, что видел, как он брал по две полуцентнерные гири в каждую руку, поднимал их от внешней стороны ног до плеч, затем равномерно отжимал их вверх шесть раз попеременно, при этом его корпус нисколько не наклонялся. Ещё я видел, как он поднимал двумя руками мешок с мукой над головой, эту историю я расскажу позже.

Что касается переноса грузов, то Артуру не приходилось волноваться при сравнении его с Мило из Кротона. Я видел, как он ставил на плечи 232-фунтовую штангу, на которую Курт усаживал Германа. Затем приглашались восемь человек, чтобы прицепиться к штанге (по четыре с обеих сторон), их он переносил от одного конца сцены до другого и обратно без каких-то признаков сильного напряжения. По случаю он изменял способ исполнения, раскочивая и кружа людей, отчего они были крайне ошарашены. Когда всё останавливалось, у них кружилась голова, и их попытки равно

сойти со сцены, вновь обрета земную твердь под ногами, Всегда давали зрителям возможность повеселиться.

Одной из хороших приманок на выступления Трио Саксонцев было устраиваемое ими соревнование с мешком муки. Мешок весил 286 фунтов, и условием состязания было поднять мешок с пола на плечи и отнести со сцены, не сгибая спины. Во время всего их длительного пребывания в нашей стране никто так и не смог исполнить этот трюк. Герман, тогда довольно юный, обычно показывал, как легко (если у тебя достаточно сил) это сделать, каждую пятницу, когда происходил финал этого состязания.

То, что поднять этот самый мешок оказалось невозможным, было только одной из их козырных карт. Туза они держали в рукаве — на всякий непредвиденный случай. Саксонцы были чрезвычайно осторожными, когда дело касалось формулировок условий состязания, очень мало полагаясь на случай. Их афиши, объявляющие о состязании по переноске мешка с мукой, гласили: «10 фунтов будет вручено любому, кто может поднять **ТОТ ЖЕ МЕШОК ТЕМ ЖЕ СПОСОБОМ**, каким **ЭТО МОЖЕТ СДЕЛАТЬ ОДИН ИЗ САКСОНЦЕВ**». Следует подчеркнуть, что это я выделил слова большими буквами. Их смысл вскоре будет понятен.

Трио Саксонцев должно было выступать в кэмбервелльском Палас Варьете (это было их второе выступление в этом зале), и их тяжёлый «реквизит» завозили воскресным утром накануне выступления в понедельник. Сопровождающий багаж некто Уильям Слейд, сам по себе очень сильный и крупный мужчина, попытался из лучших побуждений дать Артуру совет относительно целесообразности, а точнее, нецелесообразности вывешивания объявления о состязании с мешком в этой местности.

Слейд был уроженцем Кэмбервелла и имел основания опасаться способностей силачей, живущих здесь, а их в то время было немало. Он пояснил, что знал одного из них, работавшего на местном мукомольном заводе, про которого говорили, что тот может нести одновременно по мешку под мышками и один — на спине. Он также знал, что этот человек собрался участвовать в состяза-

нии. Слейд был так уверен, что опасность не преувеличена, что посоветовал Артуру убрать объявления о состязании.

Артур улыбнулся. «Не думаю, что он заберёт наши деньги, Слейд, — сказал он, — перечитай объявление. Оно ничего не говорит о поднятии мешка на плечи, не говорит оно и о том, что поднимать надо тот мешок, который использует Герман. Мы тоже слышали об этом парне, и если он сможет поднять мешок, который мы завтра приготовим, так же, как я, а не Герман, тогда мне останется сказать, что он зря тратит время, работая на заводе. Неси наш аварийный мешок, Герман!» И прикатали то, что Артур так кстати назвал «аварийным» мешком.

Этот вполне невинный с виду предмет был полон сюрпризов, про которые знали только посвящённые. Не круглый, не прямоугольный, не квадратный, но какая-то помесь всех трёх видов, он представлял собой поверхность, за которую нельзя были взяться. В довершение этого он был очень скользким, потому что его щедро намазали портняжным мелом. И, если и этого было мало для того, чтобы сделать его неподъёмным, в один его край запрятали 56-фунтовую гирию, чтобы сместить центр тяжести. «Ну, вот он, мешок, Слейд, — сказал Артур, — попробуй, что ты можешь с ним сделать». Слейд попробовал. Ничего у него не вышло.

Тогда Артур снял пальто. Он встал ногами по обе стороны мешка, нагнулся и обхватил его руками, переплетя пальцы. (А какие у него были кисти рук! Просто непомерно большие). Затем, поставив его на попá, он поднял его с пола на колени. Рывок — и мешок уже на его груди, откуда он заставил груз «подпрыгнуть», и тот лёг во всю длину на плечи, поддерживаемый руками. Невероятное усилие — и мешок то ли дёрнулся, то ли вытолкнулся поверх головы на вытянутых руках. Мы стояли, как заколдованные. Мы привыкли ожидать чего угодно от этого сына Анака, но это было чем-то запредельным. «Думаешь, что твой друг делает это, Слейд?», — сказал Артур. Слейд не сразу обрел дар речи. «Да ни за что в жизни», — ответил он. «Ну, — сказал Артур, — ему придется постараться на этой неделе, если

хочет эти десять фунтов». Вес мешка, как позже определили, был больше трёх центнеров.

Настал вечер понедельника, а с ним пришла и толпа претендентов, и среди них тот гигант, молва о котором опережала его. Несомненно, он был чрезвычайно сильным, но, тем не менее, не смог поднять обычный мешок даже до колен, и поэтому он уберёгся от потрясения, которое бы получил от знакомства с аварийным мешком. А соревнование, кстати говоря, выиграл сам Слейд, у которого был уникальный метод справляться с этой задачей, о чём я сейчас расскажу.

Слейд садился на сцену, зажав мешок ногами, перетягивал его к груди и выталкивал его, пока тот не укладывался ему на колени, которые он распрямлял после перемещения мешка. Затем, поддерживая его равновесие одной рукой, другой помогал себе подняться, после чего обхватывал груз обеими руками и «подбрасывал» его на грудь. Многие, посмотрев как делает это Слейд, пытались применить этот способ, но чаще всего мешок чуть не расплющивал их. А когда они пытались из-под него выбраться, зрители веселились безмерно. К счастью, Саксонцы всегда были рядом, чтобы прийти на выручку, иначе бы больницам и похоронным конторам добавилось работы.

Другим состязанием, которое устраивали Саксонцы для привлечения многочисленных участников и которое вызывало время от времени много веселья, было поднятие бочки с пивом. Или, по крайней мере, того, что так называлось. Эту бочку надо было поднять с пола на плечи, затем вверх на вытянутые руки, при этом предлагаемым призом был бочонок пива и ящик с сотней трёхшиллинговых сигар. Артур обычно показывал, как просто поднять этот бочонок, весивший 220 фунтов, раскачав его из положения между ног и одним непрерывным движением поднять его над головой на вытянутые руки, держась за уторы бочки. Ни один не смог поднять эту бочку выше плеч, хотя многие выражали уверенность в том, что они испили то, что она, как считалось, содержала. Думаю, однако, им всем было очень далеко до того, чтобы

равняться с Саксонцами даже в этом отношении. Ибо, как я уже намекал, Саксонцы совсем не были сторонниками сухого закона.

Они были безрассудно храбрыми, парни из Трио Саксонцев! Один из их подвигов был совершён впервые в цирке Энглера – на том месте, где сейчас находится Палладиум Мюзик Холл, – может быть, кто-то помнит. Они построили огромный деревянный мост, который шёл через весь цирк от входа до входа, весом, как было проверено, свыше двух тонн. Под центром моста стояли два ложемента, оббитых мягким материалом.

Лёжа на спинах, Саксонцы держали ноги под прямым углом, упираясь ступнями в центр этой конструкции, затем приподнимали её с подпорок, распрямляя ноги. По сигналу Германа автомобиль, в котором сидели девять борцов, включая Ивана Поддубного, русского гиганта (этот трюк исполнялся в то время, когда все лучшие борцы мира съехались в Лондон для состязания за титул чемпиона и алмазный пояс), заезжал с улицы на мост и останавливался посередине над Саксонцами. Артур и Курт сдерживали общий вес автомобиля, людей и моста около шести секунд. Затем автомобиль продолжал движение по мосту вниз и дальше на улицу с другой стороны цирка, после чего Саксонцы сгибали ноги, давая мосту упасть на подпорки. Это колоссальный и устрашающий трюк, и его надо было видеть, чтобы в него поверить.

Когда этот трюк выполнялся в Брюсселе, автомобиль, на который забрались двенадцать человек, отклонился с пути и съехал с моста, который завалился набок, а «атланты» попали в больницу. Общий вес, который тогда держали Артур и Курт превышал 6600 фунтов. Все думали, что их убило, но хотя их сильно покалечило, смерти они избежали. Ног у Курта пришили железным прутком к деревянному брусу, а у Артура было сломано несколько рёбер. Это несчастье, однако, не охладило неукротимый дух Артура, и когда он в конце концов поправился, то решил повторить этот трюк, хотя для этого пришлось давить на Германа. Курт был совершенно не годен для того, что имело подходящее название «Автодром на четырёх ногах».

Теперь Артур Саксон покинул сцену, на которой мы всего лишь игроки, но оставил о себе память, которая не увядает. Он был провозглашён сильнейшим человеком в мире тех дней, его многочисленные поразительные трюки не оставляли иного мнения, чем то, что он действительно был самым достойным из всех, кто претендовал на это гордое звание. *Sic transit.*

VII

Артур Саксон, конечно, вытеснил со сцены остальных силачей и штангистов. Его трюки были так замечательны, что тем, кто стремился к славе, приходилось довольствоваться скорее постановкой зрелищ, а не установлением и обновлением рекордов. Они, несомненно, были силачами, которые могли бы отличиться в любое обычное время. Но пока Артур Саксон был на поле, им приходилось, волей-неволей, воздерживаться от того, чтобы набиваться на сравнения. Некоторые из них умышленно не называли себя штангистами, хотя можно с уверенностью предположить, что они развили свою силу и мускулатуру именно посредством штанги. И нет никакого сомнения в том, что несмотря на препятствие в виде Саксона, они могли заслужить устойчивую славу в этом виде спорта, если бы в те годы общество сообразило, как производить пропорциональные сравнения.

Оскар и Альберт Атилла, больше известные как братья Атилла, были примечательными образчиками. Оскар, который, как надо помнить, был причастен к образованию первого трио Саксонцев, отличался большой силой в жиме двумя руками, и этим он больше всего занимался. Но специализацией Альберта был жим выкручиванием. Этим стилем он поднимал грозного вида штангу, весившую около 220 фунтов, чьи шары были утыканы железными шипами. Вдвоём они давали очень слаженное и зрелищное представление, и состязаний, которые они устраивали, куда бы ни ездили, с нетерпением ждали определённые личности, которые считали силовые

шоу тех дней ниспосланными с неба возможностями подзаработать. О братьях Атилла позднее будет сказано больше. А пока я перейду к Уильяму Бэнкиеру, которого также знали как «Аполлон — идеальный атлет» и «шотландский Геракл».

Аполлон нашёл совершенно новый путь. У него была, а может, до сих пор есть, обида на судьбу. Будучи сравнительно небольшим по размерам человеком, он неоднократно вызывал великого Евгения Сандова помериться силой и решить это простым подъёмом гири или при помощи любых других испытаний, о которых можно договориться. Сандов, однако, не принял вызова Аполлона, и сторонники претендента без колебаний наживали капитал на робости Сандова. Но если он не смог удовлетворить одно своё великое устремление, которое должно было доказать, что «милая Шотландия» способна производить силачей, равных тем заезжим с чужих берегов, — Уильям Бэнкиер по крайней мере преуспел в том, что познакомил многих с новыми возможностями для применения силы.

Аполлон, который был великолепно сложен, давал представления, которые нравились публике. Вначале он позировал в виде классических статуй, затем показывал силу, о которой говорило его телосложение. Один-два трюка с бильярдными киями обычно предваряли более внушительные номера, среди которых был подъем одной рукой человека, облачённого в доспехи, после чего Аполлон перепрыгивал через спинку стула, держа в руках по 56-фунтовой гире. Этот трюк всегда вызывал долгие аплодисменты.

Затем шотландец ложился под большую платформу, которую он поддерживал коленями и плечами, голова выходила через специально сделанное отверстие, а руки и ноги составляли четыре подпорки. На эту платформу общими усилиями семи-восьми человек устанавливался рояль, после чего эти же люди влезали на платформу, один усаживался за инструмент, и начинался небольшой оригинальный концерт. Это был очень зрелищный номер.

Его представление обычно включало и состязание с мешком муки, как за несколько лет до этого делало Трио Саксонцев. Соревнование у Аполлона шло по другим направлениям, ибо если знаменитые братья оговаривали, что их мешок нужно поднимать и уносить со сцены, не сгибая спину, люди, которые делали заявки на призовые деньги Аполлона, были вынуждены ложиться на пол лицом вниз, перетягивать мешок на спину, затем подниматься и относить его. Насколько знаю, только один человек смог сделать это как следует, и звали его Эдуард Астон, я отдельно упомяну о нём позднее.

Когда, однако, Аполлон поехал в Индию, там всё было по-другому. Секреты рычагов и приложения силы на Востоке перестали быть тайнами несколько поколений назад, и я слышал, как говорили, что когда Аполлон приглашал индийских и мусульманских силачей повторить этот трюк, то нашёл там намного больше удачливых соперников, чем он встречал в нашей стране. Его трюк с пойманными мешками, однако, проходил очень хорошо. Это было по-настоящему великое представление. Мешок роняли на него с высоты, а Аполлон хватал его и оставался невредим. Это было оригинальное и смелое нововведение.

Он также поставил ещё один зрелищный номер. В нём использовался автомобиль. Лёжа на земле, он выдерживал машину с людьми, которая переезжала его шею. В этом трюке не было никакого фокуса, он объясняется просто: атлет сопротивлялся проходящему весу сосредоточенным сокращением шейных мышц, при этом, несомненно, он перенял несколько приёмов у японских борцов джиу-джитсу, которые делали яркий номер из демонстрации силы своих шей как прелюдию к основной части своего шоу. Аполлон, если кто помнит, одно время антрепренировал Юкио Тани. Этот смышлённый японец, бывало, позволял шестерым людям навалиться изо всех сил на бамбуковый шест, положенный поперёк его горла, когда он лежал на спине. Выдержав довольно продолжительное время этот нажим, Тани ловко высвобождался, повернув шею и делая сальто.

Казалось, что «геракловский» бизнес уже разработан вдоль и поперёк. Но кто-то новый должен был появиться (он тогда уже фактически появился), чтобы, используя возможности арсенала уловок силачей, делать что-то на грани фантастики. Таким стал Берт Викхэм, «человек из многих частей», а также «человек во многих свитерах».

У Викхэма был предшественник, болезненно тощий австриец, выступавший под именем герра Георга Леттла. Этот человек болтал о присущей ему электрической энергии и утверждал, что у него в той или иной мере есть сверхъестественный дар. Во всяком случае, для начала он останавливал движущиеся автомобили – на сцене. Да, он действительно это делал. Но я всегда понимал, что эти машины были легкими сзади, это позволяло ему приподнять их от земли, так что когда запускался мотор, задние колеса не могли цеплять пол. Этот манёвр, конечно, не доходил до зрителей.

Леттл делал упор на то, что показывал пару слабеньких тощих рук, тем самым сообщая миру, что он выполняет трюк исключительно при помощи умственной силы. В конечном счёте он исчез, даже не появившись на публике. Но прежде собрал значительное вознаграждение как воздаяние за свою сообразительность. Вероятно, он не раз громко посмеялся над великой британской публикой. И, тем не менее, этот австриец показал Викхэму путь, на который твёрдо ступил этот король шоуменов.

Нужно отдать должное Викхэму! Никто в этом деле никогда не получал столь много бесплатной публичности, и ни один человек не делал на этом столько выгоды и известности. Он появился, я полагаю, сначала где-то в Уэльсе, но именно в цирке Энглера лондонцы впервые увидели его шоу. Викхэм заявлял, что может останавливать авто на полном ходу, и это, со всей очевидностью, он проделывал в своём шоу. Однажды вечером он был подвергнут по поводу этого трюка перекрёстному допросу в своей уборной, из этого разговора вытек до крайности фантастический эпизод. Ни одно событие во всей истории атлетических зрелищ никогда не было столь

блестяще поставлено, так красочно освещено в прессе и столь артистично исполнено. Три или четыре «эксперта» вместе с Бертом прошли по Риджент стрит до площади Пикадилли. Здесь эта группа остановилась, всё ещё обсуждая его более или менее чудесную силу. Виххэма спрашивали: «Так вы всё-таки можете остановить машину?», «Вы взаправду можете успешно противостоять силе мотора, работающего на полную мощь?» Ответ явился молниеносно.

Виххэм быстро оглянулся, затем бросился с мостовой к проезжающему мимо такси, ухватился за рамку, на которой была прикреплена табличка с номерами, и через несколько ярдов остановил его. Его трюк был доказан! Все вечерние и немало более трезвомыслящих утренних ежедневных газет поместили колонки об этом. Провинциальные издания, менее озабоченные достоверностью, поведали своим ошарашенным читателям, что Берт Виххэм остановил лондонский трамвай на Брикстон Роуд. Они не беспокоились о точности подробностей.

Это не имело значения, ибо прославило Берта Виххэма. Укутанный в свои многочисленные свитера, он объехал страну с немалой выгодой для себя. В то время много шумихи начала производить борьба, так что Берт «катал» с собой нескольких силачей. Звезду своей труппы он сподвигал за хорошие деньги выходить против лучшего борца, какого только можно было найти. И, так как он обычно был достаточно разумен или достаточно удачлив, чтобы подбирать хороших людей, ему в основном удавалось поддерживать нужный интерес, чтобы заполнять половину вечернего развлечения.

Затем этот великий человек сам выходил на сцену в сопровождении автомобиля. Он всегда вывозил свой собственный, между прочим, и ему неизменно удавалось договориться с местным шофёром, который прислушивался к «весомым» доводам. По случаю он мог разрывать колоды карт и ломать подковы, которые были в пору слону – чудовищные предметы, которые подносили ему под протесты зрителей. Затем наступал его многословный вызов каждому в этом мире, кто лучший в одиннадцати, тринадцати, пятнадц-

цати или даже семнадцати видах спорта, — плавание, для которого ему пришлось бы снять семь или восемь свитеров, обычно бывших на нём, благоразумно исключалось. Затем, наконец, колоссальный трюк Берта с удержанием двух автомобилей.

Поставленный между двумя машинами, Берт или любой из ведущих, которых он привлекал по случаю, объявлял, что сейчас произойдёт, и пространно изрекал, какая для этого требуется нечеловеческая сила. Затем заводились моторы, и зрители могли (благодаря лучу друммондова света) наблюдать, как черты лица Берта чудовищно искажались из-за ужасного напряжения, и совершалось чудо. Берт напрягался и напрягался, пока авто, несмотря на сопротивление моторов, медленно подкатывались к нему.

Великий трюк! Трюк, который даже превзошёл поднятие слона могучим Сэмпсоном до тех пор, пока одним несчастным вечером в ланкастерском мюзик холле, что-то не так пошло с механикой, и сейчас нужно описать, как и почему всё пошло не так, как надо.

Всё дело было в шофёре нанятом из местных жителей, который сыграл с ним подлый трюк. Он сделал это к тому же в самом начале их запланированного надолго сотрудничества, причём на эту работу он сам долго и упорно набивался. Берт, как всегда, обернул вокруг себя цепи обоих автомобилей, когда этот мерзкий тип вместо того, чтобы дать задний ход (секрет этого номера), поставил рычаг на одну из передних скоростей и въехал со сцены прямо через декорации в стену театра, волоча за собой бедного Берта и его старый «прицеп». Это был, конечно, финал Викхэма.

Но перед тем, как закончить с Викхэмом, нужно сказать ещё кое о чём. Неправильно будет так просто отбросить Берта, потому что он был больше, чем эпизодический персонаж. Он был ярким проявлением эпохи. Ведь одержимые поклонники силы толпились на железнодорожных станциях, чтобы увидеть, как он оставливает поезд.

Этот трюк, который неизменно вызывал глубокое уважение, проходил в виде прощальной «штуки». Викхэм, будучи в

какой-нибудь компании, редко упускал возможность показать свои многочисленные дарования. Его обычно провожала на местном вокзале небольшая толпа поклонников. И с ними он болтал, пока поезд не начинал трогаться. Тут он одним прыжком подскакивал к вагону, хватался за дверную ручку, и, явно выжимая из себя все силы, могучим рывком распахивал дверь и уезжал, махая рукой на прощанье. А оставшиеся зрители стояли, раскрыв рот, в твёрдом убеждении, что он в самом деле уменьшил скорость локомотива. Признаю, звучит слегка надуманно. Но я пишу именно так, как было.

Почти такой же по подлинности трюк был у него с подковой. Приехав в любой город, в котором ему надо было выступать, он приходил к лучшему кузнецу и заказывал особенную подкову. Когда она была готова, просил кузнеца рассказывать всем, что эта подкова будет предложена для проверки его (Викхэма) сил, упирая на то, что, выставив эту подкову у своей кузницы или концертного зала, мастер получит бесплатную рекламу своего предприятия. Эта особенная подкова, как заявлялось, представлялась на суд пятничным или субботним вечером, в зависимости от того, который день лучше на этой неделе подходит для хорошего выступления. После того, как подкову изучили, Викхэм заявлял, что она ему очень нравится, поэтому он тут же закажет себе вторую. Это всё для того, чтобы расширить рекламу, так он всегда предусмотрительно объяснял.

Наступал вечер представления, к которому ковалась эта специальная подкова. Берт боролся с ней без особой пользы и, наконец, злобно бросал на пол, от которого она отскакивала или съезжала со сцены прямо за кулисы. Немедленно после этого подкову ему возвращали. Но Берт возражал, что он уже достаточно с ней возился, она оказалась твёрже, чем он ожидал. Но, в конце концов, поддавался на уговоры попробовать ещё раз. Среди тишины, которая становилась осязаемой, он делал последнее сверхусилие, и — чудо из чудес — непокорная подкова разрывалась надвое. Но так как подкова никогда не ломалась раньше, чем она побывает за

кулисами, злые языки пытались выводить отсюда логическое объяснение предусмотрительности Берта, который всегда заказывал пару подков, а не одну.

«Штучка» с локомотивом однако послужила толчком для создания одного из лучших бурлесков для мюзик-холлов, когда-либо поставленных. Его давал маленький человечек, который называл себя Вертом Бикхэмом (ходили слухи, что он одно время работал на Берта), который ковылял по сцене, закутанный сильнее, чем египетская мумия. После того как были отпародированы множество номеров Берта, выскакивал огромный швейцар и выступал против чего-нибудь, на это Бикхэм хватал гиганта и забрасывал его обратно за кулисы, откуда он немедленно возвращался, подвешенный на явно заметной проволоке и качался на ней взад и вперед над сценой. Выступление пародиста заканчивалось выездом на сцену шипящего и пыхтевшего бутафорского паровоза, который насмешник над силачом хватал и вертел над головой. Так что, хотя Берт недавно ушёл от нас, в сатире память о нём всё ещё жива.

Артистом, равным по гениальности Викхэму, но совсем другого жанра — настоящим силачом и умным штангистом к тому же, был Монте Сальдо, чьё сценическое мастерство лучше всего проявлялось в номере, который он ставил при помощи своего брата Франка, и который назывался «Сон скульптора» — несомненно, один из самых артистичных и впечатляющих из тех, что когда-либо ставились.

Занавес поднимался, открывая мастерскую скульптора, который работает над копией известной классической статуи. Её изображал сам Монте, очень искусно раскрашенный и одетый под мрамор, а сзади него стояло зеркало, в котором статуя отражалась. Немного поработав, скульптор будто бы уставал, он прикрывал свой шедевр шторками и, растянувшись на кушетке, вскоре засыпал.

После этого шторки сами собой раздвигались, открывая статую уже в другой классической позе, снова отражённой в зеркале. Затем они снова сходились и расходились, каждый раз открывая

всё новые позы и отражения, пока, наконец, и статуя, и её отражение в зеркале не застывали друг против друга в известной борцовской позиции. После паузы зеркало падало и разбивалось, а «отражение» — брат Франк, если быть точнее, — выпрыгивало, чтобы схватиться с Монте и изобразить на сцене разнообразные борцовские позы.

Этот уникальный дебют продолжался рядом не менее свежих силовых трюков, в которых участвовали как люди, так и металлические грузы, и завершался жимом Франка вверх одной рукой, при этом удерживаемый им ассистент вращался. Это вращение, между прочим, исполнялось блестяще. Когда Франк укладывался на ладонь Монте, тот подкладывал вращающийся диск, на который опиралась спина брата. Поэтому, когда Франк поднимался, Монте мог закрутить его.

В этом месте скульптор начинал ворочаться, — на что и статуя, и её «отражение» отскакивали на свои места, принимая вновь первоначальную позу, таким образом убеждая проснувшегося резчика мрамора, что всё, что происходило, на самом деле было только сном.

Монте Сальдо был одним из очень немногих, кто укрепил репутацию, заработанную на сцене силовыми трюками, атмосферой своего блеска и фантазии. Первый человек в мире, который поднял вес своего тела одной рукой и один из самых успешных когда-либо известных тренеров. О Монте вы очень скоро ещё услышите.

VIII

Примерно в то же время, что и упомянутые мной недавно персонажи, промелькнул квартет силовых шоу, которые заслуживают хотя бы краткого обзора. Во-первых, это Бен Гур (в частной жизни — Дик Соломон), который прибегал к хитроумным ловушкам древнего Рима, чтобы делать впечатляющую сценическую постановку. Довольно здоровый парень, — его главным трюком было но-

силь мешок с песком весом 330 фунтов тем же способом, как это делал Аполлон. Его лучшим подъёмом над головой, однако, был тот, который он делал, держа в каждой руке по 90-фунтовой штанге. Любители, меньшие его по размерам в двое, сегодня могут исполнить этот жим.

Труппа Атласа и Вулканы ставила замечательное шоу, но что касается калибровки их гирь, они далеко «уплывали» от точности. Очаровательные дамы исполняли несколько лёгких упражнений с парой «112-фунтовых» штанг и заканчивали номер, держа их на весу под прямым углом к телу, а мужчины труппы при этом жонглировали ими в такой презрительной манере, что могли бы заставить Пола Чинкевалли спрятать лицо от стыда. У них проходили, однако, очень успешные гастролы несколько лет, пока однажды они не приехали на неделю в Кэмбервелл, и там прошли через довольно унижительные переживания и получили явно необходимый урок.

Бетриш — ещё один силач, кому совесть не давала спать по ночам. Одним из его великих трюков было подбросить 336 фунтов над головой одной рукой так же легко, как бык швыряет плащ матадора. Он всё продолжал это делать, пока Эдвард Астон не поднялся однажды вечером на сцену и сделал это даже легче, чем Бетриш, и ещё много раз. Отнимите 200 фунтов из заявленного веса, и станет довольно ясно, сколько эта штанга весила на самом деле.

Затем ещё был Лионел Стронгфорт, который поставил одно из лучших шоу, проходивших когда-либо в Лондоне. Чудесный артист с крайне импозантной фигурой, он собирал большие залы до тех пор, пока однажды вечером маленький Альберт Атилла, запрыгнув на его сцену и подняв его самую большую концертную штангу, ушёл богаче на 25 фунтов и разрушил репутацию Стронгфорта как штангиста в нашей стране — от этого удара тот никогда не оправился. Это было интересным действием, и вы, несомненно, хотели бы услышать эту историю полностью.

«Стронгфорт, чемпион мира по атлетике, в сенсационных силовых номерах. Вызов всему миру. 25 фунтов стерлингов будет выдано любому, кто сможет исполнить трюк Стронгфорта, подняв одной рукой

над головой штангу весом 312 фунтов, мировой рекорд». Таковы были ошеломляющие заголовки, которые появились на афишах Лондонского Павильона на площади Пикадилли несколько лет назад. Лионел Стронгфорт, известный ранее как Макс Унгер, бросал вызов всему свету в состязании по поднятию штанги одной рукой, явно не считаясь со страшными для себя последствиями, когда такой дерзкий вызов загонит его в свою же ловушку.

Сказать, что Стронгфорт не знал, что именно выйдет из его затеи, нельзя, так как Томас Инч заранее предупреждал его, что и Артур Саксон, и Альберт Атилла легко справятся с его гирей — она, между прочим, совсем не была штангой, — случись им объявиться на сцене. Стронгфорт, однако, не считал нужным обращать внимание на предупреждения, утверждая, что Альберт Атилла имеет недостаточный вес, чтобы поднять эту тяжесть; и, поскольку стало известно, что Артур Саксон тогда находился в Манчестере, непохоже, что нужно кого-то бояться. Будучи неунывающим оптимистом, он стоял на своём.

В середине недели Атилла, который узнал о вызове, появился с одним своим другом, уютно устроился поближе к сцене и стал ожидать выхода Стронгфорта. Наконец, его черёд наступил, и первый акт этой драмы начался.

Стронгфорт прежде всего представил неплохую демонстрацию мускулов и позирования, затем показал несколько интересных силовых номеров, после чего был озвучен вызов, направленный к любому мужчине в мире, поднять его громоздкую с виду гирю, которую медленно выкатили на середину сцены. Эта гиря, как было заявлено, весила 312 фунтов, и любому, кто поднимет её выше головы одной рукой, выплатят 25 фунтов стерлингов.

Как только вызов бросили, на сцену ступил Атилла, которому было любопытно, сколько гиря весит на самом деле. Ему не верилось, что в ней действительно 312 фунтов. Он знал, как и все остальные, что единственный человек, могущий таким способом поднять этот вес — это грозный Артур Саксон. Его собственный «потолок» был где-то в районе 240 фунтов — действительно, заме-

чательный результат, если вспомнить, что сам он никогда не весил более 10 стоунов 7 фунтов. Это, возможно, ещё более примечательно, когда узнаёшь, что вопреки своему тевтонскому имени он был англичанином.

Опробовав вес, Атилла нашёл, что гиря далеко не столь тяжела, как заявлено. Привожу его слова: «Наверно, она весила на унцию или вроде того свыше 190 фунтов, но ни на гран больше». Удивлённый, он повернулся к Стронгфорту и спросил: «Вы точно предлагаете 25 фунтов любому, кто сможет это поднять?» На этот вопрос Стронгфорт ответил: «Да, дадим 25 фунтов любому». Услышав это, Атилла заявил, что принимает вызов здесь и сейчас и поднимет эту гирю. Стронгфорт ответил довольно невозмутимо: «Хорошо. Давайте!»

Атилла не стал терять время на то, чтобы вернуть гирю на пол, и, решив не полагаться на удачу, спросил Стронгфорта, как поднимать её на плечо — одной или двумя руками? «Двумя», — был ответ, и едва это слово слетело с уст, Атилла перевернул гирю и из этого положения быстро выжал её над головой на вытянутой руке. Несколько мгновений он подержал её так, затем опустил и поставил на сцену. Повернувшись к Стронгфорту, чтобы узнать, что тот на это скажет, Атилла обнаружил, что он на сцене один: Стронгфорт и его импресарио исчезли. А он стоял под одобрительный рёв, в ожидании тех 25 фунтов, которые явно не спешили появиться. Он видел, как из-за кулис распорядитель сцены неистово машет ему, чтобы тот уходил. Но Атилла и не думал двигаться. Он сам был опытным артистом и знал эти игры. И, раз он отказывался покидать сцену, тяжёлый занавес упал, но он, однако, предвидел эту уловку и выскочил перед ним, а зал при этом вопил, чтобы Атилла стоял на своём и не двигался, пока ему не заплатят, что он и сам намеревался делать.

Оркестр играл, занавес снова поднялся, и начался очередной номер программы. Атилла по-прежнему не двигался с места. Публика, теперь уже доведённая до бешенства, прогнала выступавших, пронзительно требуя, чтобы Атилле выплатили деньги, ко-

торые он так честно и с такой легкостью выиграл. Наконец вышел дежурный администратор и попросил тишины. Когда она наконец наступила, он вручил Атилле двадцать соверенов и пятифунтовую банкноту, за что силач поблагодарил его, а зрителей — за поддержку, после чего без всякой суеты спокойно покинул здание.

Так закончилась попытка Лионела Стронгфорта заявлять о вызове там, где в то время практически находился центр мира тяжёлой атлетики, с гирей, которая не весила столько, чтобы обосновать такое масштабное заявление. А вот что было дальше!

Следующим утром Атилла был в кабинете редактора «Спортинг Лайф», делясь подробностями произошедшего, когда кто бы мог туда прийти, несясь вверх по ступенькам, как не старина Том Инч с новостью, что внизу стоит Артур Саксон, только что прибывший прямо из Манчестера. И что они собираются принять вызов Стронгфорта этим вечером! Когда Инчу доложили, что те 25 фунтов уже «прибраны», он немедленно крикнул Артуру Саксону, чтобы тот поднимался. Вожак Трио Саксонцев пришёл, как его попросили, и буквально взорвался, когда ему выложили эти сведения.

Разгромленный Атиллой Стронгфорт мог, по моему мнению, считать, что ему ещё повезло, ибо не опоздай Саксон на один день, ничто бы уже не предотвратило такой сцены, как жонгляж тем, что он самодовольно описывал как «штанга вызова». Совсем недавно, могу добавить, Стронгфорт заявил, что успех Атиллы объясняется тем, что штангу в тот самый день подменил без его ведома тот, кто её и поднял. Но все факты, которыми я располагаю, говорят о том, что объяснение это столь же химерическое, сколь и запоздалое.

IX

Хотя, как я показал, проходило множество силовых зрелищ, подлинных и не очень, на протяжении долгих лет, последовавших за матчем «МакКанн против Сандова», соревнований по штанге

не было, за исключением Кубка Кэдбери (выигранного Масполи, великим французским штангистом) и двух-трёх чемпионатов, организованных по инициативе Любительской Гимнастической Ассоциации. Это, однако, были исключительно любительские соревнования. Штангистам недоставало внимания прессы; и, как естественное следствие этого, по общему мнению, — также и зрительского интереса.

Что это мнение оказалось ошибочным, было показано, когда Томас Инч из Скарборо, который досконально изучил тяжёлую атлетику, вышел на публику в конце 1906 года и бросил вызов, собирая чемпионат мира среди штангистов в среднем весе. Это казалось очень смелым предложением, поскольку тогда по всеобщему мнению считалось, что штанга — это вид спорта, в котором царили континентальные атлеты, следовательно, было так же бесполезно для британцев оспаривать их превосходство, как если бы жители Континента бросили вызов англичанам или австралийцам сыграть в крикет, надеясь победить. Кроме того, Инч был в той или иной степени тёмной лошадкой. Авторитетным в вопросах физической культуры — возможно! Но мог ли он сам поднимать тяжести? Это надо было выяснить.

На вызов никто не отвечал несколько месяцев. Непохоже было, чтобы кто-то из англичан примет его. Хаус, чемпион в среднем весе среди любителей, явно не имел намерения отказываться от своего любительского статуса, Певье и Эллиот, также любители, не могли взять такой вес. А на Континенте, казалось, этот вызов просто не заметили. Тогда, когда уже предполагалось, что из вызова Инча ничего не выйдет, появились два претендента, и по странному совпадению, практически одновременно. Морис Дерiaz, швейцарский штангист в среднем весе (равно известный и как борец, и как натурщик) приехал лишь для того, чтобы узнать, что опоздал, так как У.П. Касвелл (победитель последнего любительского чемпионата среди штангистов в лёгком весе) собрал всё своё мужество, достаточное для принятия вызова Инча, и нашёл достаточно денег, чтобы покрыть залог. А Инч,

всегда деловой человек, решил, что пришедший первым — первым же должен быть обслужен.

Матч проходил в старом немецком гимнастическом зале возле церкви Св. Панкрата, перед толпой числом несколько тысяч — простое доказательство, что даже тогда было достаточно зрителей для соревнований по штанге. Тот матч оказался фактическим началом современной тяжёлой атлетики. Он наметил перелом между старым и новым стилем, старыми и новыми приспособлениями, так как Инч использовал дисковые штанги, а Касвелл — ныне устаревшие, которые загружались дробью. Тогда не было никакого официального органа, управляющего этим видом спорта, но из-за того матча и его последствий (турнир на золотой кубок «Сильнейшего британца»), такой регулирующий орган возник. Верно, что он был в начале двойственным по характеру, составленный и из любителей, и из профессионалов. Всё же начало перехода от хаоса к подобию какого-то порядка было положено. Необходимый процесс отбраковки последовал позднее.

Этот матч также примечателен по другим причинам. Когда Сандов встречался с Сэмпсоном, испытания, заданные последним, не стали прецедентами, так как были отобраны по прихоти Сэмпсона. Сандов и МакКанн также «поднимали» штангу, но не по правилам, признаваемым всеми. А матч «Инч против Касвелла» был определён как шесть подъемов, условия его проведения были более или менее приемлемы для всех. И дальнейший интерес усилен тем, что Инч пытался побить наилучший подъём Сандова — жим одной рукой веса в 269 фунтов. Он не смог сделать этот трюк, причину чего здесь не стоит обсуждать. Но он исполнил свою большую мечту, так как победил в матче с явным перевесом. Итак, впервые с победы Эллиота в Афинах в Великобритании появился человек, владеющий титулом чемпиона мира по тяжёлой атлетике.

В связи с возникшим интересом состоялось довольно большое количество соревнований по штанге, а в последующие годы был установлен не один рекорд. Затем, в начале 1909 года, появился новый Ричмонд в лице Эдварда Астона (также из Йоркшира), ко-

торый выступил с вызовом, нацеленным на титул Инча в среднем весе. Инч, бизнес которого как инструктора к этому времени разросся до исполинских размеров, выразил готовность защитить свой титул, но поставил условия — и так обосновал их: он как всегда очень занят; он подрастерял форму для работы со штангой и как результат — потяжелел.

Тем не менее, он соглашался встретиться с Астоном при условии, что тот докажет, что способен повторить все подвиги, сделанные Инчем в его матче с Касвеллом. Астон, чьи амбиции не уступали его уверенности в своих силах, принял эти условия и сделал свою попытку в Сельскохозяйственном зале Ислингтона, тогдашнем месте новой серии мировых чемпионатов по штанге. Но он не справился с этим, и тогда на короткое время исчез из виду.

Затем эти события получили дальнейшее развитие!

Замечательный немецкий штангист, который заявил о своих правах на звание чемпиона Континента в среднем весе, приехал в Англию. Это был баварец по имени Макс Зикк (позднее его станут называть Максикк), и в дополнение к своим способностям штангиста — которые оказались значительными — он хвастал своим уникальным даром управления мускулами. Это означало, что ему удавалось управлять любым мускулом или группой мускулов по своему желанию. Он являлся, несомненно, феноменом, и приехал в Лондон, как было объявлено, бросить вызов Инчу и оспорить его титул в среднем весе.

Этот вызов застал Инча в ещё более неподходящий момент, чем это было с Астоном. Будучи весьма преуспевающим, он стал как никогда по горло занят делами, тогда как вес его возрастал стремительно — вынужденный результат малоподвижного образа жизни. Более того, он теперь носил гордый титул «Сильнейшего Британца», что, как считалось, оказалось даже более ценным для его бизнеса, чем его мировой титул в среднем весе. Его поприще преподавателя физической культуры требовало столько внимания, что найти время для тренировок оказалось бы чрезвычай-

но сложным. И опять таки был актуален вопрос набранного веса. Инч, несомненно оказался меж двух огней.

Но победитель Касвелла был изобретателен. Он подозревал и, возможно, не без оснований, что за прибытием Зикка стояло нечто большее, чем могло показаться взгляду случайного наблюдателя. И снова он зашёл с хорошей карты. Он сказал, что позанимается своей подготовкой, снизив свой вес, и встретится с Максом Зикком при условии, что феноменальный баварец сначала встретится с Эдвардом Астоном и победит его. Противники, вероятно, позабыли Астона или, если даже и помнили, не рассматривали его как серьёзную силу. Так или иначе, они согласились на квалификационные испытания. И Зикк провёл 4 августа 1910 года матч с Астоном за мировой титул в среднем весе в Гранвильском Палас Варьете, в Уолхэм Грин.

На ранних этапах матча Зикк, который поднимал замечательные грузы для человека в 10 стоунов и 7 фунтов (ибо всего столько он весил), повредил плечо и, по совету Монте Сальдо, своего наставника, отступил, оставляя победу за Астоном. На этом Инч, честно глядя в лицо фактам, отказался от своего титула в среднем весе в пользу Астона и предположил, что кампания Зикка завершилась поражением.

Так оно и было, хотя противная сторона никоим образом не исчерпала свои боезапасы. Последовал ещё один матч, в котором эти замечательные штангисты снова стали соперниками. Но он в действительности никак не продвинул вопрос превосходства кого — либо из них, так как поединок, устроенный 14 декабря 1910 года в рамках дневного представления в Холборн Эмпайр, не уложился в отведённое для матча время. Зикк вёл в счёте под конец матча, но это ничего не значило, так как никто из них не успел поднять весь набор приготовленных грузов, числом восемь.

Прошло практически шесть месяцев, прежде чем случилась очередная тяжелоатлетическая история, на этот раз встречались Астон и Инч, чтобы выяснить наболевший вопрос: кто из них имеет больше прав носить титул «Сильнейшего человека Брита-

нии». Этот, ставший, несомненно, самым сенсационным в истории страны матч показал поражение Инча от Астона, причём последний был явно лучше натренирован. Он же являлся и более техничным штангистом из этих двоих. Победитель выразил уважение к Монте Сальдо за свою превосходную физическую форму, и нет сомнений в том, что это уважение было правильно отмеренным. Ранее я упомянул, что Сальдо тренер более чем среднего таланта, и оставалось только несколько недель до его не менее значимого триумфа, когда он привёл Согуела к победе над знаменитым Карквестом в матче мирового чемпионата.

В британском мире профессиональных штангистов Инч и Астон были, конечно, самыми выдающимися фигурами. Их соперничество сильно содействовало здоровому интересу к этому виду спорта, а вклад Монте Сальдо, по всеобщему мнению, также высоко ценился. Фактически без Инча, Астона и Сальдо движение штангистов в нашей стране оказалось бы лишено того блеска, который оно излучало с 1906 года до самого начала войны. И хотя все трое сейчас — ветераны, показанный ими пример до сих пор силён, а влияние, которым они обладают, значительно.

После поединков Астона с Максикком и Инчем обязанность поддерживать интерес к этому спорту легла на плечи Британской любительской ассоциации штангистов, — это название присвоено управляющим органом любителей, который возник из объединённой ассоциации в конце 1910 года, — про неё упоминалось ранее. Ассоциация занималась этим, проводя из года в год чемпионаты, до тех пор, пока бряцание оружием естественным образом не прекратило её деятельность. Именно как член этой Ассоциации я выиграл пятьдесят золотых медалей, четырнадцать общенациональных чемпионатов и побил сто девяносто два мировых и британских рекорда, большинство из последних — до сих пор за мной, несмотря на решительные попытки многих амбициозных людей побить их.

По окончании войны и любители, и профессионалы делали попытки воссоздать свои организации с целью собрать воедино те

нити, которые они были вынуждены забросить. Но это оказалось сверхчеловеческой задачей, так что только любителям удалось сделать что-то существенное. Не то чтобы их сегодняшняя организация приближается к довоенному стандарту, этого, конечно, сейчас нет. Но она всё-таки работает, и работает очень активно сейчас, когда я пишу эти строки. Чемпионаты проводятся, появляются рекордсмены, чего нельзя, к сожалению, сказать о братстве штангистов-профессионалов. Но останется ли преимущество за любителями? Поживём — увидим. Искренне надеюсь, что нет!

Причина такой сонливости профессиональных штангистов, несомненно, в недостатке общественного интереса к их способностям, столь явного в течение последних нескольких лет, а это случилось, в свою очередь потому, что в те же годы из мюзик-холлов исчезли профессиональные силачи, которые первыми и подогревали этот интерес. Пока что, если взять захватывающие зрелища, нет ни одной выдающейся личности. Штангисты исчислялись — и исчисляются — тысячами, могу это засвидетельствовать. Но сценического артиста геркулесовой мощи не видели уже много лет. Отсюда, если какой интерес и был, то угас; а раз нет силы примера, то на новое поколение, которое могло бы выказать точно так же этот интерес, не оказывалось какого-либо убедительного воздействия.

То есть не оказывалось до начала прошлого года, пока на наши берега не спустился ещё один пришелец в лице Александра Заса, борца неимоверной силы, дрессировщика исключительного дарования и профессионального силача феноменальных возможностей. Описываемый как «Удивительный Самсон», этот последний гастролёр за своё сравнительно недолгое пребывание здесь уже вызвал оживление физкультурного энтузиазма, который вероятно, равен, если не превосходит, увлечённость физкультурой, достигнутую за весь период, охваченный в моём повествовании. Как странно повторяется история! Кажется, что всегда именно какому-то чужестранцу судьбой предназначено пробудить британца из летаргического состояния ума касательно материй, неразрывно связанных с его собственным физическим благополучием.

Тем не менее, даже если Александр, появившись здесь, больше не сможет сделать ничего, кроме одного этого, перед вами есть по крайней мере один человек, который вполне готов признать, что этот гость обязал нас вечной благодарностью.

Что касается меня, думаю, это великолепный малый, совершенно настоящий, насквозь искренний и скромный до крайности. Меня попросили перечислить всё, что я знаю о нём, в остальной части этой истории. И после того, как вы прочтёте всё, что мне есть рассказать — слова, которые из одного только чувства справедливости должны быть сказаны, — вы возможно, подумаете то же, что и я: «Удивительный Самсон» открывает совершенно новую главу интересной повести «Силачи и годы».

У.А. Пуллум,

победитель 15 британских

тяжелоатлетических чемпионатов,

обладатель 50 золотых медалей,

192-кратный мировой и британский рекордсмен.

Чемпион мира по тяжелой атлетике

в весе девяти стоунов

ПРИЛОЖЕНИЕ Б.

У.А. Пуллума к книге «Удивительный Самсон,
рассказано им самим», Лондон, 1925 г.
УДИВИТЕЛЬНЫЙ САМСОН
Пояснения к его трюкам и методам

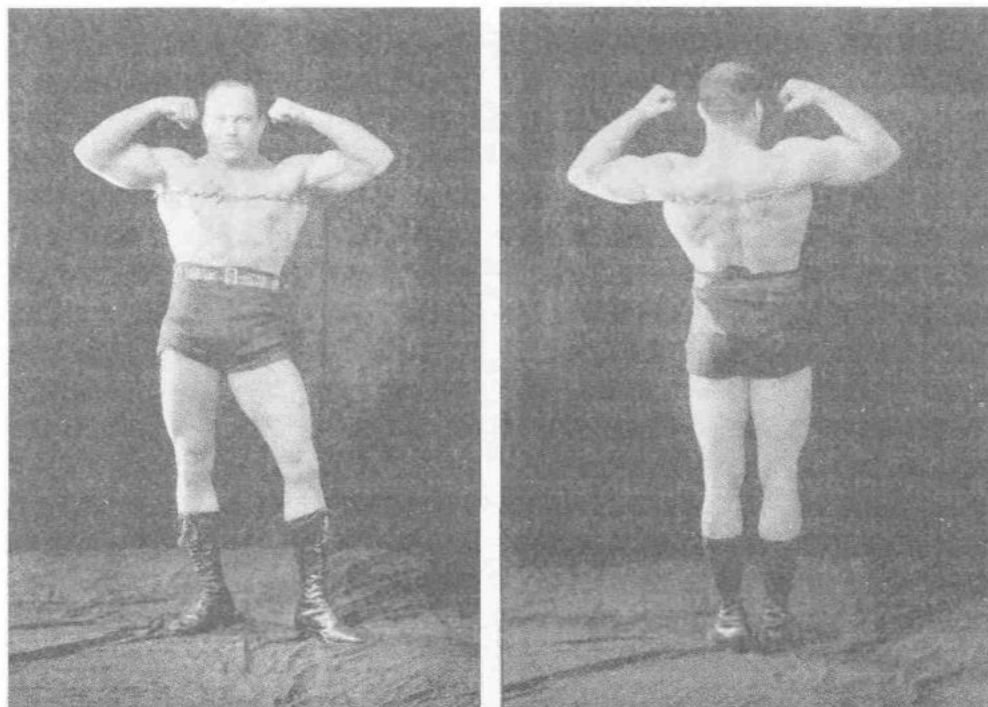
Честно могу сказать, что за свой собственный долгий опыт силача я не встречал никого более скромного или более подлинного, чем это геркулесово чудо — человека, чья чрезвычайно интересная история жизни составляет основную тему данной книги. Думаю, большинство из тех, кто видел его выступления, безоговорочно согласится с теми словами, которыми я его описал. Склонен полагать, что те, кто ранее питал сомнения на этот счёт, тоже признают это после прочтения всего, что расскажу, побуждаемый врождённым чувством справедливости.

Когда Александр Засс — или Самсон, если использовать имя, под которым он более известен — впервые явил здешней публике своё мастерство, основная масса зрителей, не очень, однако, подкованная в этих материях, всё же осознала, что этот человек самым решительным образом выбивается из общего ряда признанных силачей. Это подтверждают многочисленные отзывы, направленные и направляемые мне с той поры. А они и должны были появиться, просил бы я этого или нет. Ведь все знают, что я связан с такими людьми и делами. Основная масса зрителей была

готова воспринимать Самсона, полагаясь на высокую оценку, которые давали ему агенты мюзик-холлов. Другие же, из тех, кто имеет более чем мимолётный интерес к таким вопросам, были уверены в обратном. Его трюки так поразительны, задачи, которые он ставит перед собой каждый вечер, настолько труднопреодолимы, что они скоропалительно пришли к заключению: в таком противоположном мнении есть своя логика. Другими словами, они допускали, что Самсон — «фальшак».

Не желая ни на миг становиться в позу всеведущего, должен, однако заметить, что я никогда не считал Самсона таковым. Понятно, что заявления, сделанные от его имени, были невероятны. Но это не первый случай, когда подобные заявления делались от имени других и оказывались, тем не менее, при тщательном, беспристрастном и искушённом рассмотрении совершенно оправданными. Здесь, следует заметить, я думаю о Максикке и покойном Артуре Саксоне — силачах, которым отвёл место в другой части этой книги. И оба были, каждый в своей сфере, столь же замечательными.

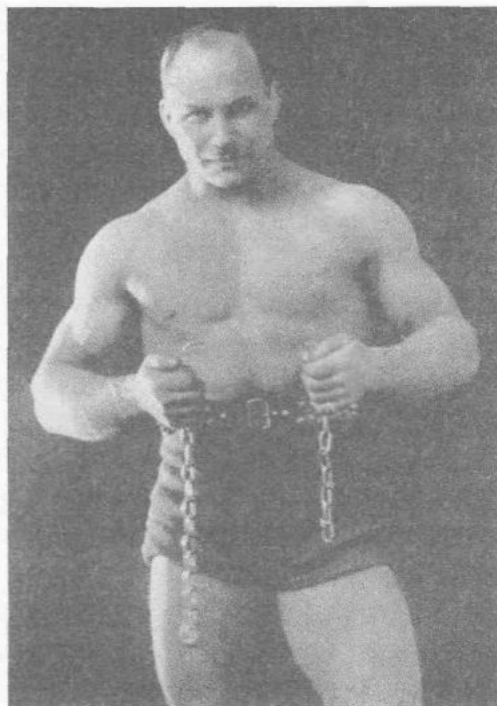
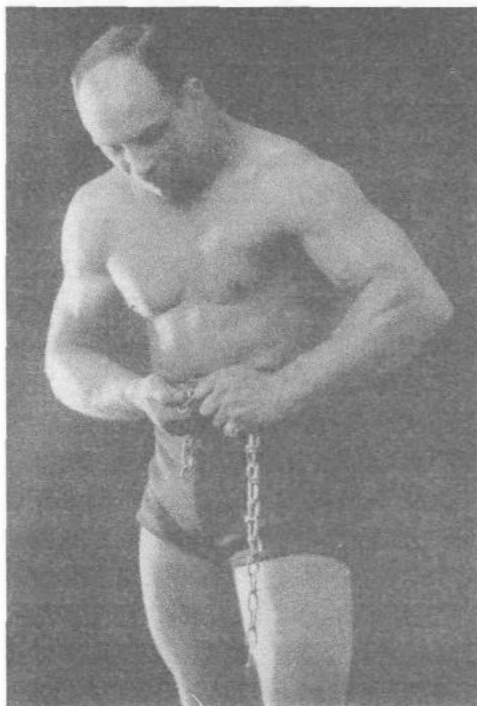
Саксон и Максикк были, конечно же штангистами, тогда как Самсон — нет, или, по крайней мере, он не претендует на это звание, и это в какой-то степени объясняет, почему его сверхъестественная сила подверглась сомнению. Сообщество физкультурников в нашей стране, видите ли, за множество лет приучилось к тому, что выступления штангистов, какими бы величественными они не были, их не впечатляли и оставляли невозмутимыми. Если они удосуживаются проявить интерес к общению с теми, кто проверяет подлинность оспариваемых трюков, сам факт вращения в таких кругах так влияет на их умонастроения, что напрочь лишает способности волноваться или удивляться. Если, с другой стороны, они не так хорошо знакомы с исполнителями такого уровня, их настроения очень сходны, ибо они просто не верят. Или, опять же, если они достаточно благосклонны, чтобы принять без вопросов подлинность трюков, предложенных их вниманию, простая неспособность вообразить физические затраты таких выступлений оставляет их равнодушными. Тут, однако, перед ними

Разрывание цепи грудной клеткой

было нечто совершенно иное! Прямо в сердце столицы приехал человек, намеревающийся делать вещи, о которых один здравый смысл подскажет любому: это просто невозможно сделать. То есть невозможно, если только не прибегать к волшебству и к ловкости рук, если не использовать на всю мощь жульнические приёмы. По крайней мере, так говорили те, кто тешит себя надеждой, что знает всё об атлетизме.

Самсон попал под подозрение из-за своего роста, или, возможно, правильное будет сказать, его недостаточности. Ибо, в сравнении с некоторыми великанами, посетившими нас в былые годы, он, несмотря на впечатляющий вид, который придают ему фотографии, очень невысок, примерно пять футов пять дюймов, и весит не более одного фунта свыше одиннадцати стоунов. Если б он был здоровенным детиной, то что бы он ни делал, принима-

Разрывание звеньев цепи пальцами

лось бы без споров. Как бы то ни было, таково моё мнение, и основания для него следующие: размер, хоть разумный человек знает, что это никакой не критерий силы, тем не менее в девяноста девяти случаев из ста принимается как достаточное её свидетельство. Если человек говорит, что он силён, и при этом ему случается быть крупным, тогда всё, что он может сказать или сделать, обычно воспринимается даже без поднятия брови. Но будь он хоть в чём-то отличным от такого ошибочного идеала, как немедленно его сила ставится под сомнение, какой бы неподдельной она ни была. Так получалось много раз в моём конкретном случае до тех пор, пока я, стараясь изо всех сил, не представил неоспоримые доказательства. И так, подобным же образом, оказалось с Самсоном.

Должен сознаться, что прошло некоторое время, прежде чем я решил подвергнуть этого замечательного артиста серьёзному

испытанию, так как когда я был свободен, он не выступал в Лондоне, а когда он был здесь, я оказывался очень занят другими делами. Однако мы наконец встретились. Однажды вечером я отправился в мюзик-холл Южного Лондона и просмотрел его выступление, сидя в первом ряду. Честно говоря, я не увидел в нём ничего подозрительного, хотя особенно внимательно приглядывался к тем моментам, на которые мне указывал предыдущий опыт. Естественно, я понимал, что если какое-то жульничество и имеет место, с первого ряда зрительного зала его не так легко обнаружить. Так что я настроился, поелику возможно, склонить Самсона к показу своих номеров с ещё более близкого расстояния.

Очевидно, удобным местом для того, чтобы подвергнуть его перекрёстной контактной проверке, являлась его гримёрка. Там, в относительно спокойных условиях, не было возможности для обмана. Конечно, если бы я был приглашён для этого осмотра, я бы выбрал совсем другое место, предпочтительно свой клуб. Но так это была полностью моя инициатива, мне просто надо было наилучшим образом использовать то помещение, которое предоставляли обстоятельства.

Мне не составило трудности договориться об интервью и никаких отговорок не выдвигалось, когда я предложил повторить некоторые номера здесь и сейчас. Этот отклик, могу сказать, хоть и произвёл на меня самое благоприятное впечатление, не заставил ослабить остроту моего осмотра, и не уменьшил никоим образом его тщательность. Признавая, что я не был насмехающимся скептиком, я в то же время не выступал и льстивым легионером. Я был совершенно беспристрастен, настроенный, проводя своё исследование, удостовериться либо в одном, либо в другом.

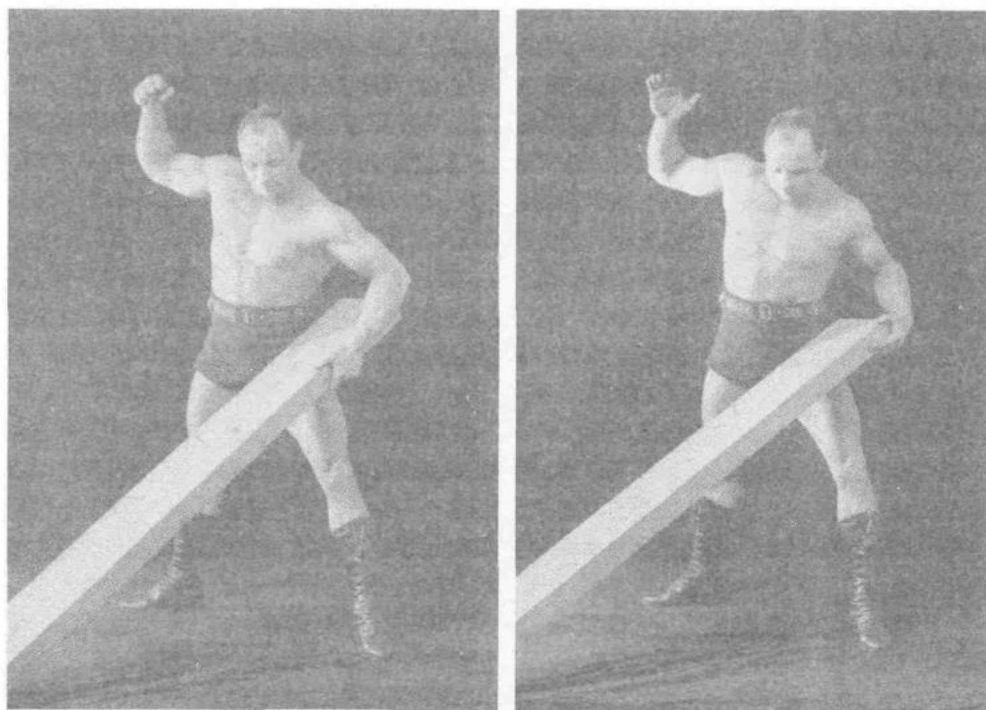
Итак, один из трюков, исполняемых Самсоном — такой, какой никто в этом жанре не пытался делать — разрыв прочной цепи пальцами. Было выдвинуто несколько объяснений этого замечательного трюка, некоторые из них я предложу как свидетельство изобретательности, которую ему приписывали. Грубая сила, как это будет отмечено, в этих объяснениях блистательно отсутствует. Первое

и, возможно самое лёгкое, утверждает, что в цепи есть звено, о котором позаботилась ножовка или напильник. Следующее объяснение утверждает, что часть цепи, в которой происходит разрыв, была особо обработана кислотой. И, наконец-то, что некоторым образом идёт по подобному ходу рассуждений, говорит, что ломающееся звено ловко помещается на время в определённое место, где его размягчают нагреванием или каким-то иным воздействием. Но как насчет того факта, что Самсон всегда спрашивает комиссию, располагающуюся на сцене, которое звено предпочтительно, чтобы он сломал? О да, это объясняется утверждением, что в комиссию включаются его работники, и эти люди знают, на какое звено показать.

Довольно рассуждать о мнимой фальшивости этого номера! Вот какое заключение я вывел из своего исследования.

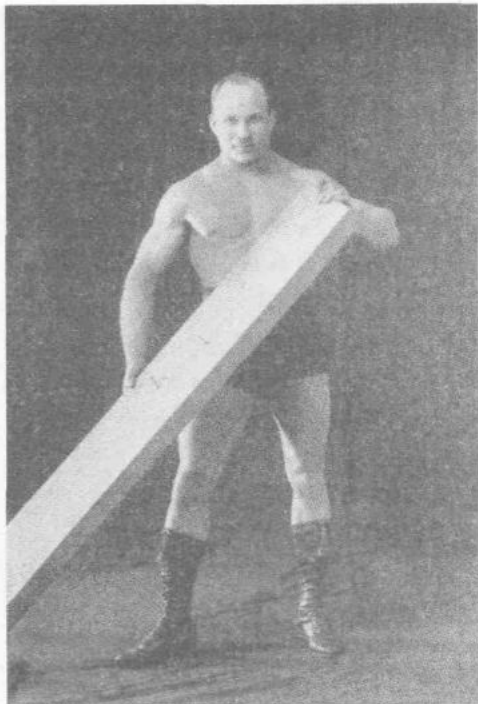
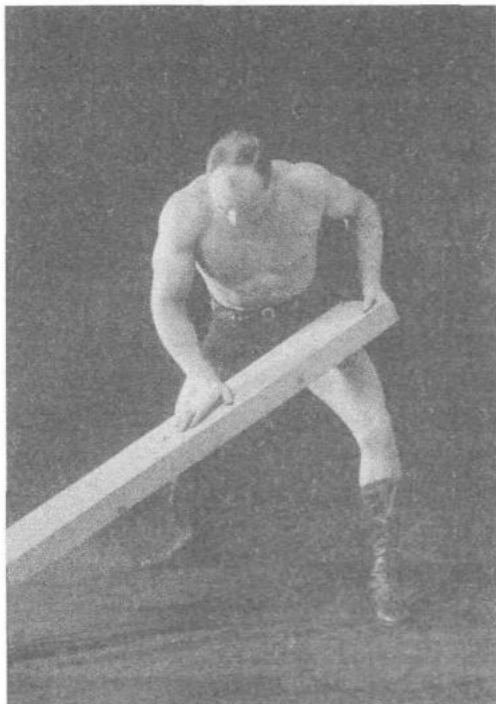
Я хорошенько рассмотрел цепь, которую по моей просьбе выдали, тщательно изучая каждое звено, из которых она составлена, а их было четыре. Позднее я уточнил, что в наличии имелись куски разной длины цепей этого вида, так как у Самсона большие их запасы. А этот кусок, как он пояснил, был частью цепи, которую он использовал на первом сеансе. Вспомнив, что ему велели сломать пятое звено, я попросил достать вторую половину этой цепи. Что проделали без колебаний. Конечно, в ней тоже было только четыре звена, а кроме того, на одном её конце всё ещё болтался обломок пятого. Это меня пока что удовлетворяло, так как я заметил, что в цепи, перед тем как её разорвали, насчитывалось девять звеньев, об этом чётко сказал его импресарио для публики и для комиссии.

Как только я закончил осмотр цепи, вернул её Самсону и попросил начинать, что он сделал без всяких колебаний и без суеты, просто скрутив её так, что она сломалась прямо на моих глазах. Это не просто оборот речи, всё действие происходило практически вплотную от меня. И, так как я следил за его движениями, секрет этого удивительного трюка немедленно раскрылся для меня. Самсон действительно изобретателен, но не в таком плане, какой ему приписывают. Он человек не только чрезы-

Забивание гвоздей ладонью

чайной физической силы, но умеющий думать. Я это объясню! Цепь, которую Самсон использует для своего трюка, необычна по конструкции. То есть, звенья, из которых она составлена, имеют любопытную форму. Их толщина примерно $1/8$ дюйма, а длина 2 дюйма, каждое представляет собой двойную петлю, образующую восьмёрку. Такое длинное перекрёщённое звено служит двум целям: во-первых, это даёт возможность ухватиться за него пальцами; во-вторых, даёт гарантию, что оно переломится пополам, если только приложить усилия с обоих его концов.

Взявшись за намеченное звено, Самсон крутил его концы в противоположных направлениях, создавая напряжение, разламывающее его. Иногда, говорит он, на это уходит около минуты; в других случаях ему удаётся сделать это меньше чем за половину этого времени. Всё зависит от прочности металла, а она всегда

Забивание гвоздей ладонью

неодинакова. В этом конкретном случае он выполнил трюк примерно за 30 секунд; в другой раз, позже, — ровно за 22 секунды. Я лично засекал время.

Полностью удостоверившись в совершенной подлинности трюка с разрыванием цепи — так как звено было сломано, а не просто раскрыто, как некоторые думали, — я предложил, показать мне трюк с цепью, лопающейся на его грудной клетке. То, что цепь именно лопалась, я убедился во время первого представления, наблюдая, как она отскакивала от его груди, распадаясь под его напором. И, как впоследствии оказалось, я был прав.

Цепь, которую Самсон выложил, я разглядел так же внимательно, как и прежнюю, и должен был признать, что с ней всё было в порядке. На звеньях не было решительно никаких следов ножовки и свидетельств использования напильника — такие существо-

вали подозрения относительно этого сенсационного трюка. Цепь никоим образом не была обработана какими-либо якобы скрытыми методами. Но, как вы заметите, есть одна оговорка. Перед тем, как я взял цепь для изучения, пальцы Самсона поработали над ней очень любопытным образом.

Я сначала думал, что для этого трюка он будет использовать другую цепь — или другой кусок цепи, — отличающуюся от той, что видел порванной на сцене. Но нет же, он спокойно сообщил, что заменяет лопнувшие звенья другими; и, к моему великому изумлению, от слов перешёл к делу. Показав, где цепь была сломана и вновь соединена, он взял плоскогубцы, раскрыл заменённое звено и вставил ещё одно из нового куска цепи того же калибра.

Это сам по себе был силовой номер, такой же замечательный, как и разрывание другой цепи, так как его пальцы ни в чём не уступали плоскогубцам, зажавшим другой конец звена. Иначе бы он не смог его раздвинуть. И если б я не увидел это свежее свидетельство феноменальной силы пальцев, мне трудно было бы поверить, что такое возможно. Это я признаю без колебаний. Видите ли, я проверял эту самую цепь при помощи тисков и плоскогубцев. Поверьте, даже так её совсем нелегко раскрыть.

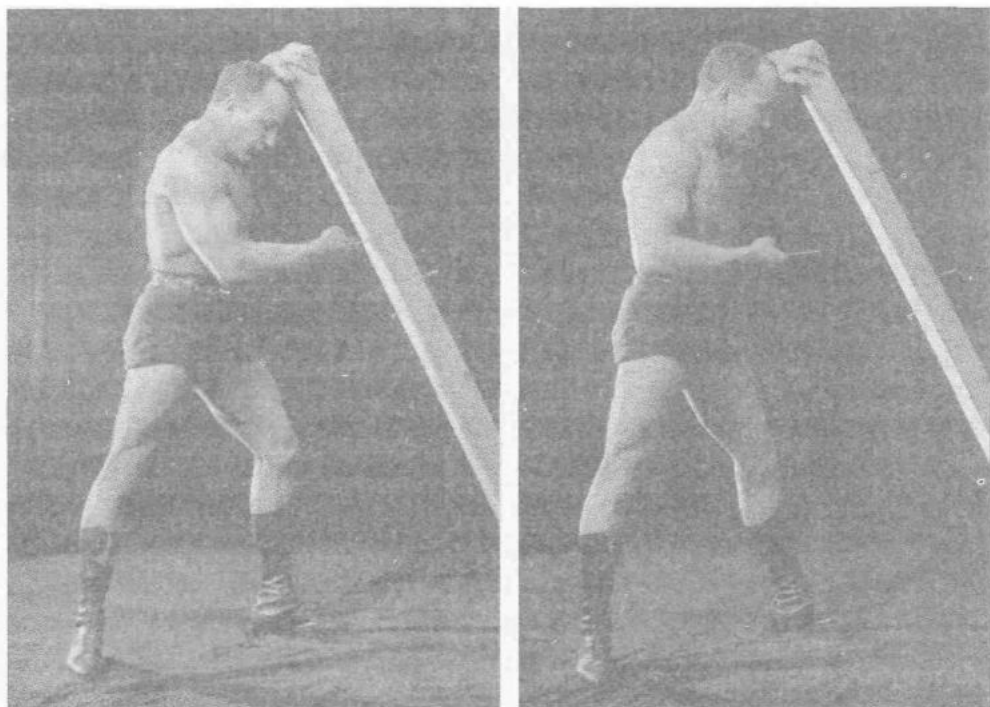
Когда цепь была починена, я попросил Самсона, не станет ли он возражать, если я сам закреплю её. Он согласился. Так я и сделал, особенно стараясь зацепить концы так, чтобы совершенно нельзя было использовать какие-то уловки для их разъединения. Но в них совсем не было нужды, так как могучим усилием этот замечательный малый разорвал цепь через несколько секунд после того, как я столь надёжно соединил её вокруг этого массивного торса. Я должен был признать, что удовлетворён; ничего другого не оставалось. Но я не закончил! Я ещё должен точно описать, как выполняется этот трюк.

Как упомянул ранее, Самсон разрывает цепь, опутывающую его грудную клетку, не разламывая звенья, а раскрывая одно из них давлением с помощью расширения торса и распрямления спины. Для этого он соединяет цепь так, чтобы крюк, закреплённый на

одном конце, зацеплял звено в месте соединения таким способом, что если приложить к нему достаточное усилие, оно раскроется. Этого напряжения он достигает, во-первых, наполнением лёгких стольким количеством воздуха, сколько они могут втянуть, а во-вторых – расширением спины. Когда он это делает, происходит нечто: расширение его грудной клетки и мускулов спины чудовищно. Это очень впечатляющая работа, в которой он долго практиковался, перед тем как научился выполнять её без опасения провалиться. В то, что ему пришлось долго отрабатывать этот трюк, охотно верю. Загрубевшие спинные мускулы, хорошо различимые даже на фотографиях, доказывают это.

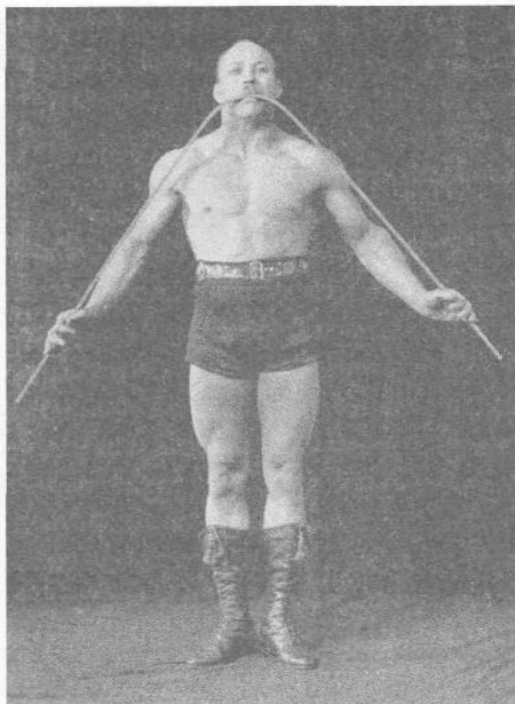
Следующими я рассмотрел его стальные прутья, их у него всегда много под рукой, они нужны для состязаний, которые он проводит – очень популярное действо, так как призовые деньги честно раздаются, а не просто вручаются на сцене, чтобы потом быть возвращёнными в гримёрке. (Такие уловки способствовали гибели соревнований по борьбе, которые проводились в залах много лет назад). Десять фунтов делятся на троих, причем победитель получает пять фунтов, остальные – три и два фунта, согласно полученному месту. Могу сказать, что победителем считается тот, кто сможет сильнее всего согнуть один из таких прутьев. Никому, сказал Самсон, ещё не удавалось соединить концы прута, за исключением его самого. Почти всегда соперники не могли создать хоть какую-то видимость, что железка поддалась.

Проверив эти прутья напильником, специально прихваченными с собой для этой цели, я вытащил один из них, который казался исключительно твёрдым. Точнее говоря, это можно сразу отметить, ни один из них нельзя было назвать мягким, но отобранный образец был, несомненно, твёрже остальных. Его концы я попросил соединить Самсона, что тот и сделал без всяких хлопот. На проверку оказалось, что он делает это намного быстрее, чем во время выступления на сцене. Когда я сказал ему об этом, а также о твёрдости того куска, он рассказал нечто интересное. Эти короткие прутья – их длина обычно 12 дюймов, – рассказал Самсон, –

Извлечение забитых гвоздей

очень различаются силой сопротивления, даже если они сделаны из одной заготовки, иногда три-четыре оказываются крайне прочными и действительно трудными для сгибания. Трудными для него самого, он это имел в виду, а для других — просто невозможными. Другие прутья могут быть слабее. Такие время от времени попадают ему в руки, их он использует обдуманно. Когда участникам состязания достаточно везёт, что им попадаются слабые прутья, и они более-менее сильны, то получается хорошее шоу. А если нет — то нет и зрелища.

Относительно вопроса, почему на сцене он сгибает прутья дольше, чем в своей уборной, Самсон сказал так: если он будет сгибать прутья слишком быстро, люди подумают, что они, конечно, мягкие и согнуть их легко. Но если потратить больше времени на этот трюк, зрители его лучше оценят. Поэтому, несмотря на то,

Сгибание металлического прута

что он может, фигурально выражаясь, сомкнуть любой из этих прутьев — хоть жёсткие, хоть мягкие — в мгновение ока, он этого не делает, а тянет время и получает бурные аплодисменты за то, что выглядит напряжённой борьбой. В этом чувствуется мудрость. Самсон не только истинный исполнитель трюков, но также и шоумен — такое сочетание редко встречается.

Так закончилась моя первая встреча с Самсоном, и я ушёл совершенно удовлетворённый тем, что его трюки с цепями и прутьями были вне подозрений во всех отношениях. На этот счёт никому не следует питать ни малейшего сомнения. Этот человек феноменален в своём мастерстве. И если такое сказано, этим сказано всё.

Вскоре Самсон, исполняя обещание, данное тем вечером, зашёл в мою школу в Кэмбервелле и продолжил показывать свою силу мне и нескольким моим друзьям, которых я специально при-

гласил, чтобы они убедились. На этот раз он поднял зубами громадный вес — одну из моих штанг, весящую 400 фунтов, — и забил парочку 5-дюймовых гвоздей в трёхдюймовую доску совершенно не защищённой ладонью. Этот трюк с гвоздями заслуживает некоторого объяснения, особенно если учесть, что насчёт него циркулируют веские сомнения. Поэтому предлагаю привести это описание прямо сейчас.

Есть версия, к тому же распространённая, что Самсон не забивает гвозди в доску, вопреки очевидному. А дело всё якобы в том, что в доске предварительно делаются отверстия и так искусно маскируются замазкой, что их даже нельзя найти. Ну, всё, что могу сказать, что если бы до такой хитрости кто-то и дошёл, то это был бы не Самсон. Ибо в моём присутствии он не только забил гвозди в мою трёхдюймовую доску серией ударов открытой ладонью, но также вдавил их незащищённой рукой равномерно и уверенно. Более того, он выбил их назад при помощи деревянного бруска и вытащил одним указательным пальцем, зацепив выступающую двухдюймовую часть и вытянув её так же легко, как будто бы пользовался клещами. Наконец, я видел, как Самсон выпрямил один гвоздь, который попал на сучок и согнулся пополам, когда он пытался забить его. Для этого просто приставил указательный палец к гвоздю, надавил на него без видимых усилий, и тот распрямился. Невозможно никак отрицать, что эти вещи исполняются, хотя могут казаться невероятными. Они делаются и делаются без обмана. Объявлять их фальшивыми просто потому, что они уникальны, значит просто не замечать все существующие свидетельства, которые доказывают обратное.

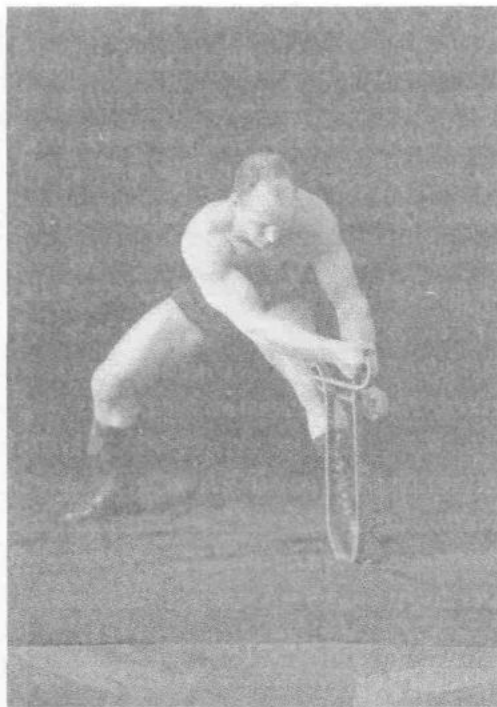
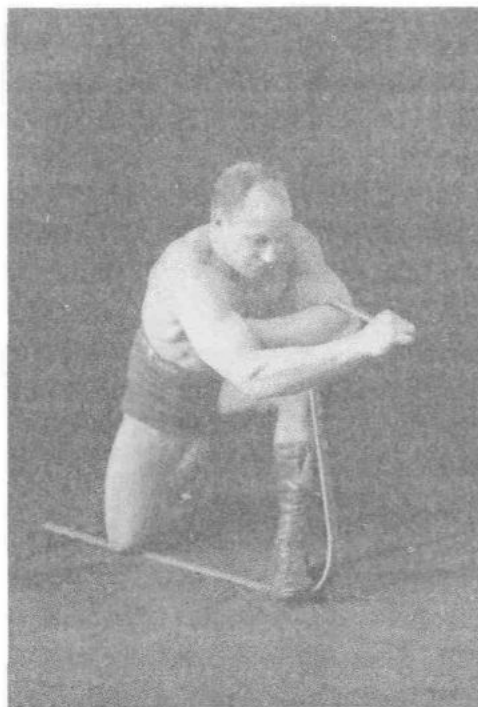
Перед тем как покончить с гвоздями, многим может быть интересно, что его способность вдавливать гвозди по самую шляпку, а не забивать, обнаружена сравнительно недавно. Однажды вечером не очень точный удар наклонил гвоздь, и шляпка сильно поранила ему руку, так что некоторое время у Самсона появилось много забот — рана воспалилась. Но, не желая исключать этот трюк

из шоу (с точки зрения возможности заработать аплодисменты, этот — один из лучших), ему пришла мысль, что у него получится вдавливать гвоздь, равномерно нажимая на него, и так же, как под ударами, он погрузится по шляпку и, конечно, без риска пораниться. Он попробовал, и через некоторое время у него получилось. Теперь трюк, которому он научился по несчастью, постоянно входит в его программу.

Ещё один трюк, который Самсон показал во время своего официального визита в кэмбервелльский клуб штангистов, был повторением очень впечатляющего номера, он его часто включает в свою программу — превращение прямого железного прута длиной 6 футов шириной 1 дюйм и толщиной $3/8$ дюйма в очень искусную комбинацию изгибов и колец. Снова в поисках объяснения, отличного от верного, люди сказали, что это не очень трудно, как может показаться, просто потому что железо мягкое, а прут имеет особо подобранные свойства. Ну, хорошо, любому, кто взаправду верит в это, советую тотчас же выбросить эту мысль. Нет ничего особого в железе, которое Самсон использует для этого трюка. Но способ, которым он его исполняет, и верно, особенный! Это, однако, разглядели очень немногие.

Этот номер со скручиванием прута представляет собой шедевр продуманных движений — доказывающий, как я сказал ранее, что Самсон использует своё серое вещество наряду с мускульными волокнами. Должен сознаться, что когда я впервые увидел, как он исполняется, мне не всё было так понятно, как после повторного просмотра. Попытаюсь описать то, что мне удалось в совокупности разглядеть (а метод исполнения трюка неизменен).

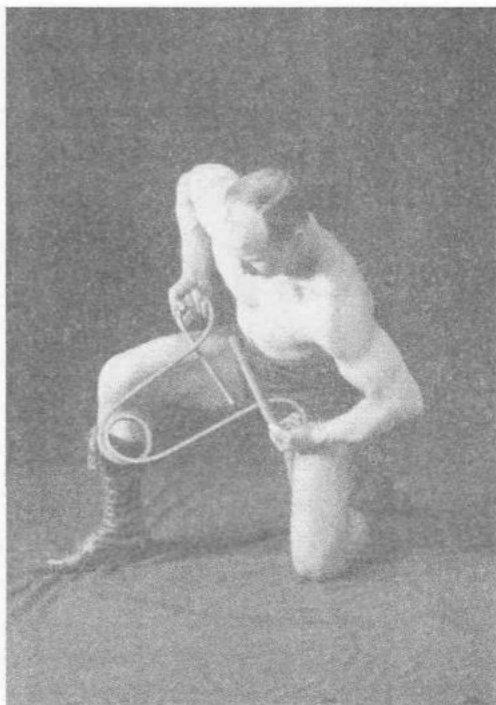
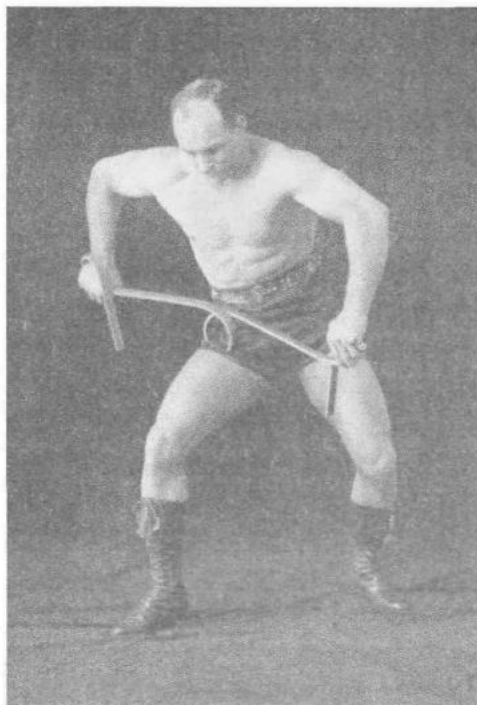
Прут сначала балансируется на указательном пальце, чтобы точно определить его середину. На этой точке наматывается носовой платок, Самсон зажимает его зубами и сгибает под прямым углом просто одновременно надавливая на концы обеими руками, при этом нажим делается не плавно, как можно подумать, а очень резко. Зубы, конечно, не соприкасаются с металлом, так как зажимают его через платок. Несмотря на это такая работа

Сгибание металлического прута

всё же, очень тяжела. Согнув упомянутый угол, Самсон затем сооружает пару ручек на концах прута следующим изощрённым способом: поместив половину прута следующим изощрённым способом: поместив половину прута на пол, он прижимает его правым коленом, а левую ногу ставит вплотную к месту сгиба так, что вертикальная часть угла прижимается примерно посередине к левому колену, а её конец он сгибает о левое предплечье правой рукой, помогая ей головой. Когда конец таким образом изогнут, движение не прекращается, эта же рука тянет прут дальше в сторону корпуса, и это продолжается до тех пор, пока не получается эллиптическая петля. После этого он переворачивает прут и обрабатывает второй конец таким же образом.

Так получаются рукоятки, и он приступает к спирали в середине. Для этого он встаёт, ставя железку на кончик против левой ноги, и тянет правую рукоять влево, опирая левую половину на

Сгибание металлического прута

левое колено. Дойдя до этого места, он выворачивает оба конца наружу, пока прут вновь не становится прямым. А на его середине по завершении этого манёвра появляется круговой завиток.

Работа, которая привела к такому результату, продолжается, но с несколько другими движениями. Держась за рукоятки, он упирает закруглённую середину о верхнюю часть бедра и жмёт вниз, и снова половинки прута становятся параллельными или почти такими. Затем он снова становится на колени и ещё раз сводит концы навстречу друг другу и завершает новое кольцо, так же, как и раньше, опирая кольцо на бедро и нажимая на рукоятки книзу. Иногда он делает и тройные завитки, используя подобные только что описанные рычажные методы. Когда он впервые посетил клуб штангистов Кэмбервелля, как раз был такой случай. Тогда же он соединил концы короткого прута за 22 секунды, про

этот трюк я ранее упоминал. Теперь мы переходим к замечательному трюку — где он с совершенно обнажённой спиной лежит на зубьях сотен гвоздей, а на его груди уместился камень, по которому бьют молотами. Это, признаю, требует подробного объяснения. Естественно, несколько таких объяснений было предложено, и перед тем как пойти дальше, может быть интересно все их рассмотреть.

Во-первых, было сказано, что Самсон совсем не лежит на гвоздях: широкий кожаный пояс, который он носит на талии, ловко сдвигается и защищает его тело от кончиков гвоздей. Абсолютная чушь! Этот пояс нельзя настолько сдвинуть вверх из-за существенной разницы между объемом талии и грудной клетки: их размеры немедленно приходят на ум, так что гвоздям противостоит главным образом именно широкая часть спины, а не чресла.

Затем есть те, кто говорят, что гвозди не острые, а также что камень не тяжёлый. Ну, если кончики гвоздей тупые, то они стали такими от того, что Самсон слишком часто на них лежит. Что касается камня, то всем известно; у разных людей совершенно разные представления о том, что такое тяжелое, что лёгкое. Некоторые назовут тяжёлой обычную гирю в 56 фунтов, а другие настолько развиты и мускулисты, что могут ею жонглировать. Но до сих пор я не встречал человека, считающего половину тонны несущественным весом. То есть человека, кто сам поднимает такой вес, не пользуясь подъёмным краном. Ибо полтонны — это то, что Самсон удерживает на груди, насколько мне известно, лёжа при этом на этих гвоздях. И если найдётся кто-нибудь, кто считает мои показания несущественными, — что ж, есть ещё многие, у кого можно об этом спросить.

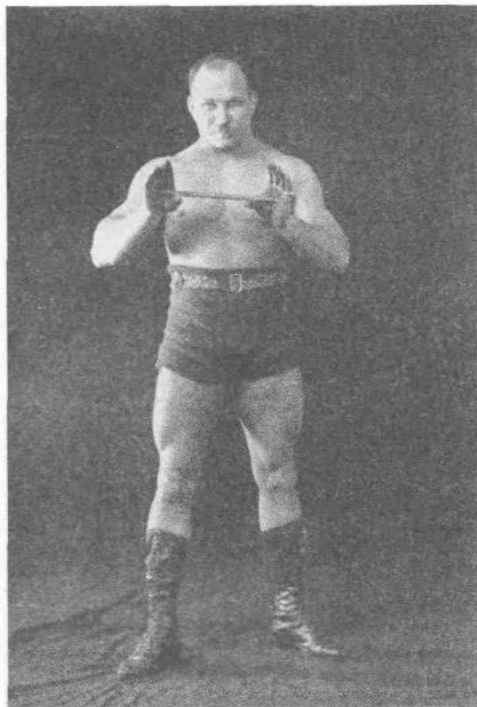
Увидев впервые, как Самсон исполняет этот трюк (в мюзикхолле Южного Лондона), я прикинул вес камня, который он использовал, и по моей оценке груз составлял около шести-семи центнеров. Я счёл это довольно тяжёлым для организма, причём под этим телом не было ничего мягче, чем кончики четырёхсот-пятисот гвоздей. Удары молотками по камню, сказать честно,

меня не особо впечатляют. Тот, кто вообще способен размышлять, немедленно поймёт, что при таком весе и таких размерах это едва ощутимо. Номер, конечно, смотрится хорошо, поэтому он и включается в программу. Но кроме зрелищности в нём мало что есть. Конечно, будет непозволительно отвлечься от действительно важного вопроса, который таков: как Самсон защищает свои рёбра от того, чтобы не раздавить их камнем, а ещё, как так получается, что его кожа даже не покрывается вмятинками от этого чрезвычайно сильного контакта с гвоздями?

Насколько мои исследования позволяют судить, могу лишь сказать, что способность Самсона сопротивляться смертельному давлению камня на его тело во многом объясняется мощью и силой, приобретёнными от частого исполнения другого трюка, когда по нему ходит лошадь и толпа из двух-трёх дюжин людей — я перейду к его описанию позднее. В то, что вес камня причиняет ему какое-то неудобство, я абсолютно отказываюсь верить, после того, как наблюдал, какой вес он удерживает в другом только что упомянутом грандиозном трюке. Но эти гвозди! Да уж, согласен, что это более чем загадочное дело.

Самсон мне объяснил — у него всегда был очень прочный кожный покров. Его кожа огрубела от того, что ребёнком он подолгу находился на открытом воздухе, так как в той части России, где он жил и работал, для малолеток являлось скорее правилом, чем исключением, трудиться в полях практически раздетыми. Затем нужно помнить, что цирковая жизнь и многолетние занятия борьбой значительно закалили его. Всё это совокупно способствовало укреплению его кожи.

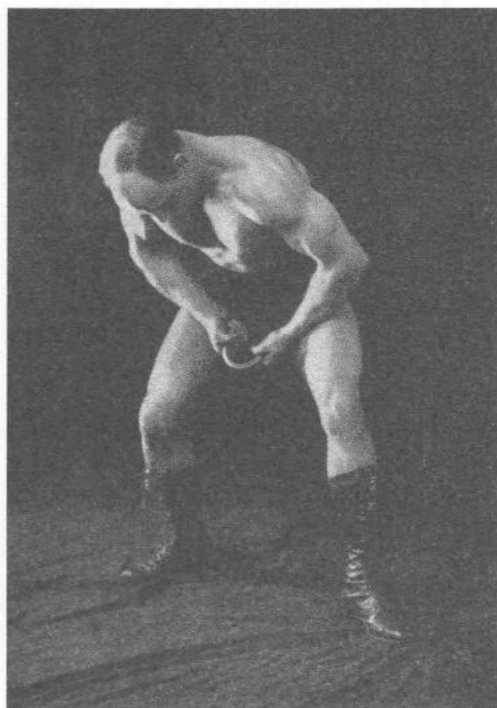
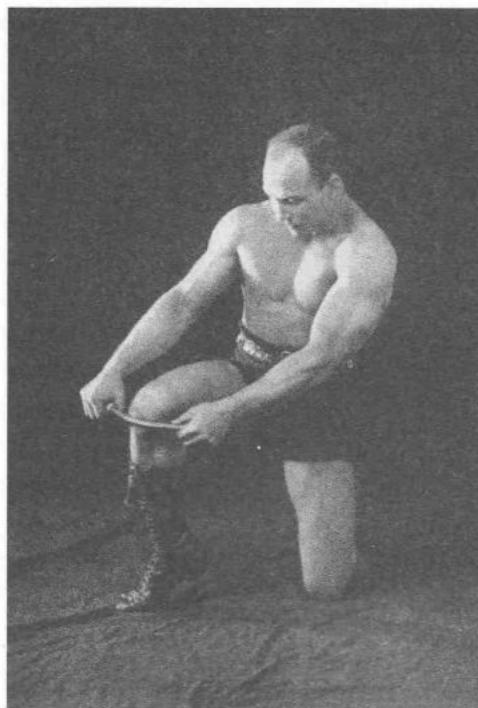
Самсон, конечно, не единственный человек, который может уютно возлежать на ложе из гвоздей — или, по крайней мере, делать вид, что ему это комфортно. Примеры тому хорошо известны в лице индийских факиров, которые это делают, хотя, следует признать, не могу припомнить, кто и где усугублял это испытание, отягощая тело грузами. В случае Самсона, должен сказать, это во многом итог просчитанной практики. В дополнение к этому бу-

Сгибание металлического стержня

дет правильным упомянуть, что он использует свою собственную особую мазь, в состав которой, как мне сказали, входит, помимо прочего, одноатомный кислород. В то, что это чрезвычайно действенный препарат, я готов поверить, так как немало людей, лично мне известных, с большой для себя пользой употребляли его и в некоторых случаях излечились от застарелого ревматизма.

Теперь мы добрались до сенсационного трюка с мостом, который, считаю, помог его способности удерживать гранитный блок на груди без всякой видимой трудности или дискомфорта. Объяснение, которое мне на этот счёт давали до того, как я увидел его исполнение, заключалось в том, что секрет кроется в особенности конструкции этого моста, устроенного так, что никогда его вес или вес чего-либо, находящегося на нём, не опирается на грудь артиста. Ну хорошо, думал я, в этом объяснении могло быть нечто, так как

Сгибание металлического стержня

те, кто могли держать за него ответ, сами никоим образом не были новичками в силовом поприще. Так что я решил при первой же возможности внимательно разглядеть вот эту самую часть выступления Самсона.

Такая возможность представилась быстрее, чем я ожидал. Мне понадобилось заехать по делам в район Портсмута, и я узнал, что Самсон работает в Саутси, так что я решил подъехать и посмотреть, что происходит. Первая новость — на этой неделе он использовал для трюка с ложем из гвоздей полутонный кусок гранита (я проверил вес, так что вполне уверенно сообщаю это). Я удивлялся, зачем нужна такая тяжесть, пока мне не объяснили, что это был единственный подходящий кусок камня, который удалось раздобыть в городишке. Естественно, надо понимать, что камень для своего трюка Самсон не возит с собой по всей стране. Выступая

в разных залах каждую неделю, он просто находит какой-нибудь на местной стройке. На этот раз он одолжил такой большой, что годился для памятника.

Итак, я хорошо разглядел этот мост — причину моего интереса — и нашёл, что это довольно существенное сооружение, похожее по устройству на дверную петлю. То есть когда он в сложенном состоянии, упакованный для транспортировки, — он представляет собой две плоскости, сомкнутые посередине, а когда он раскрыт, его концы опираются на землю. Но я быстро обнаружил: далеко не факт, что в раскрытом виде он может сам себя удерживать. Единственный, кто удерживает мост от падения — это артист, лежащий под ним. Мост непрерывно опирается на грудь, а сам он, в свою очередь, лежит на ящиках высотой по его колено, на них иногда есть подстилка, иногда нет.

Чтобы доказать мне, что он принимает всю массу на грудь, Самсон, когда на платформе собралось в тот вечер двадцать пять человек, поднял всё это бремя (мост и людей) на два дюйма обычным расширением своей грудной клетки. Этот чудесный трюк произвёл на меня большое впечатление, и я посоветовал артисту исполнять его постоянно, чтобы любой видел, что весь груз постоянно лежит на его теле. В итоге стало меньше, чем раньше, разговоров о том, что для успешного проведения трюка с мостом Самсон полагается на помощь плотника. Сдаётся, что чудесная мощь его лёгких и чрезвычайная крепость его рёбер теперь признаётся многими.

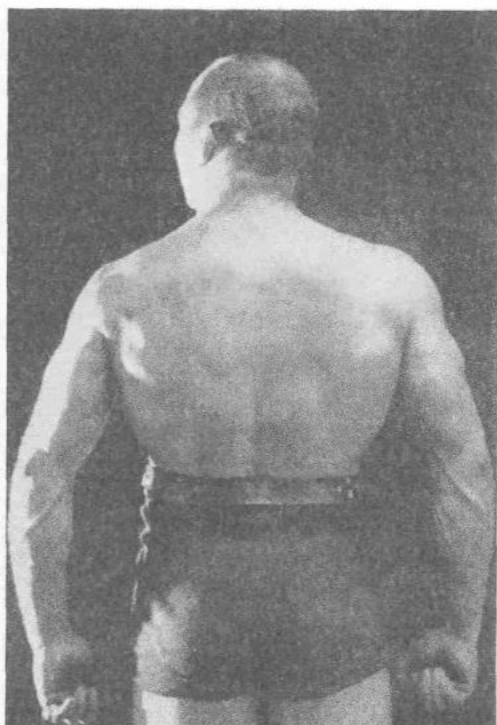
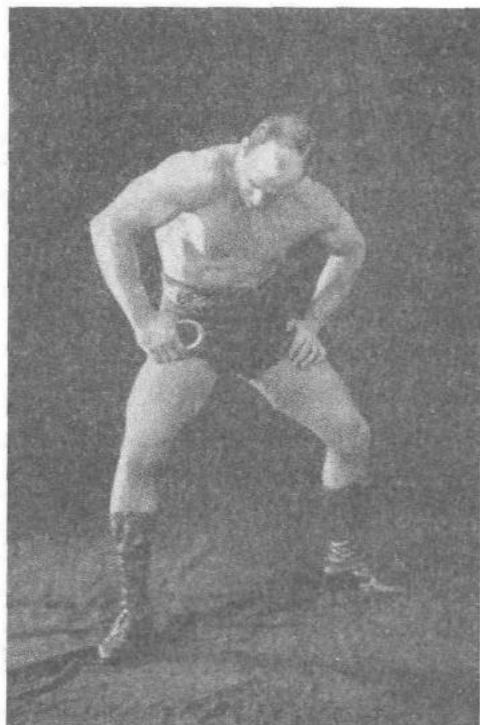
Трюк, в котором он успешно сопротивляется силе двух лошадей,двигающихся в противоположных направлениях, обсуждается не слишком бурно. Его сложность преуменьшают, рассматривая зависимым от дрессуры, если сравнивать с номерами, описанными мной ранее. Самсон, однако, склонен считать этот номер одним из тяжелейших из всех, что он исполняет. Напряжение скелета, когда две крупные лошади рвутся в разные стороны — это что-то ужасное, уверял он меня, — в такое заявление легко поверить. Он говорит, что сдерживать сорок человек, рас-

тягивающих его (по двадцать с каждой стороны), хотя и оказывается иногда труднее, но они не так для него опасны. Самое большое количество людей, чьим усилиям он смог сопротивляться в таком перетягивании каната, составило пятьдесят человек — поистине сверхчеловеческий номер! Предполагаю, что такое число и ему было бы непосильным, исполняясь трюк на траве. А так он проходил на сцене, на которой не было такого сцепления пола со ступнями, причём доски были щедро посыпаны песком. Но, тем не менее, это очень занятное зрелище.

Для тех, кто, возможно, не видел этот номер, коротко опишу, как Самсон его делает. Во-первых, он надевает на двух ломовых лошадей упряжь так, что они тянут канаты, протянутые через его согнутые локти: он сцепляет свои руки, чтобы образовать кольцо, которое и сопротивляется силе растяжения. Иногда лошади поскальзываются, хотя площадка посыпана песком. Тогда этот человек проявляет свою силу в театральной манере. Ибо мощнейшим усилием он ставит их на ноги. Далее он как будто бы поддается одной из лошадей, затем другой, таща их попеременно то в один, то в другой конец сцены. Затем на смену лошадям приходят люди, пытаясь таким же образом померяться с ним силами. Этот номер обычно завершает его выступление.

Я видел, как он показывает аномальную силу своей шеи и челюстей тремя способами. Самый исполняемый из них — это подъём зубами тяжёлой стальной балки весом от 350 до 500 фунтов. И даже этот вес, колоссальный по абсолютным цифрам, не отражает предела его возможностей. Однажды вечером, незадолго до подъёма занавеса, он одолел балку, весящую около 300 фунтов, на концах которой сидело по человеку, и каждый — по 10 стоунов.

Второй трюк ставится иначе. Самсон висит на канате, охватывающем петлёй его лодыжку, и держит в зубах кожаный «кляп», к которому прикреплены мостки, на них забираются три человека. Когда все расселись и канат натянут, Самсон закручивает руками весь груз, пока он не начинает вращаться с большой скоростью. Внушительный трюк, но не такой хороший, как с балкой, ведь её

надо поднимать, тогда как совокупный вес трёх человек и люльки нужно только удерживать — это явное различие.

Но великолепнейший из всех трюков — последний; Самсон обычно исполняет его на открытом воздухе по причинам, которые скоро станут очевидными. Снова в дело вступают две лошади, на этот раз они участвуют следующим образом.

На большую повозку взбираются человек двадцать, им предстоит прокатиться в ней новым способом. Постромки лошадей прикрепляются к особым удилам, которые Самсон, сидящий на месте возницы, зажимает в зубах, и на такой сцепке лошади тянут повозку около сотни ярдов. Когда лошади только трогают, Самсон ещё придерживает удила одной рукой, пока, уперевшись ногой в передний край подножки, не найдёт точку опоры. Но как только повозка набирает ход, он немедленно убирает руку и вся

нагрузка ложится на зубы, челюсти и шею. Это уникальнейший номер, который нужно видеть, чтобы по достоинству оценить; его исполнение на главных улицах городков, где Самсон выступает, непременно производит большую шумиху. Можно заметить, что относительно подлинности этого трюка никогда не было никаких сомнений. Он, конечно, вызывает сильное изумление и понятно почему. Реакция зрителей сводится именно к этому.

Таковы трюки Александра Засса — которого по праву называют «удивительным Самсоном». Теперь надо бросить взгляд на его методы, которые столь же интересны, как и сам этот человек.

На вопрос, как он приобрёл свою феноменальную силу, Самсон не пытался скрывать, что это всего лишь результат продуманных и настойчивых занятий физической культурой. Вероятно, сильный от природы, он долго изучал и усердно трудился, чтобы увеличить

врождённую силу, бывшую отправной точкой его успеха. И за многие годы терпение в союзе с упорством полностью вознаградили его.

Самсон почти не использует традиционные методы. То есть он не верит в свободные движения (упражнения без всяких снарядов) как в метод достижения большой силы. Но соглашается, что для подготовки организма к той степени развития, когда он способен эффективно исполнять задачи повседневной жизни, свободные упражнения бесподобны. Но и только.

Теперь о штанге. Над тем, что от неё люди становятся медлительными, что она связывает или делает чрезмерно жёсткими мускулы, ограничивает размах движений суставов, он откровенно смеётся. Точно так же у него вызывает улыбку всё ещё бытующая — впрочем, только среди неинформированных людей — мысль о том, что те, кто занимается именно этим направлением атлетики, могут так сильно перенапрячь сердце, что оно лопнет. И его отношение к этим вопросам оправданно. Думаю, что могу совершенно уверенно сказать: у меня самого имеется столько же опыта, как у всех, кто занят такой работой. Однако я никогда не сталкивался ни с одним официально засвидетельствованным случаем каких-либо неблагоприятных последствий, причинённых научно обоснованными занятиями штангой. Между прочим, я разубедил в этом нескольких ранее скептических врачей, точно так же, как переубедил и сотни дилетантов. Но это совсем другая история.

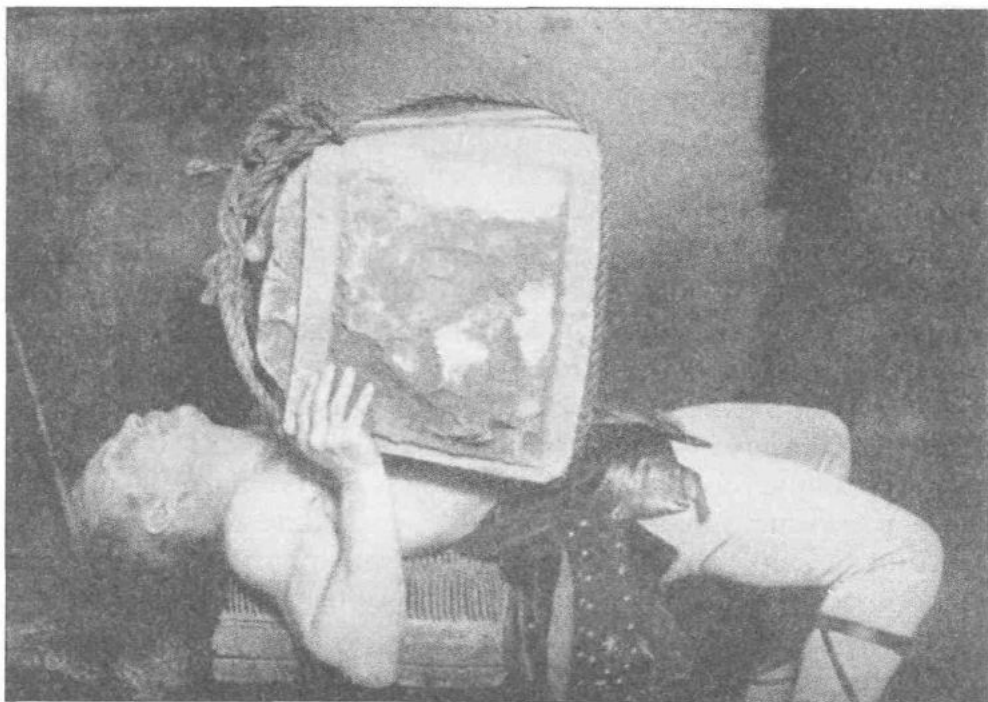
Самсон, который мог бы, если б захотел, показывать потрясающие представления со штангой, не включает этот вид демонстрации силы в своё шоу просто потому, что его антрепренёры не хотят, чтобы он это делал. Он это особо подчеркнул. В настоящее время он — артист, которого нанимают доставлять то развлечение, которое желает, как считают его агенты, публика. Если, когда бы то ни было, публика захочет увидеть, как он поднимает штанги, он это сделает. Но до той поры он продолжает показывать то, что быстро становится столь привычным. Покамест же, готовясь на случай, если возникнет такая потребность, он тренируется со

штангой под моим руководством. И уже, можно сказать, несмотря на очень короткий срок наших занятий, он многого добился. Методы, которым всецело доверяет этот замечательный человек, можно описать как самоновейшие упражнения на сопротивление. Этими методами, заявляет он, и только ими, получены наилучшие, с точки зрения увеличения силы, результаты. Он горячо верит в принцип накопления энергии вместо её расходования. И в методах, которые он принял и довёл до совершенства, твёрдо верит он, найден уникальный способ достижения в кратчайшие сроки самой высокой, какой возможно, степени силы.

По причинам, которые совершенно очевидны, я не уполномочен раскрывать в подробностях секреты методов Самсона. Но не будет вреда, если заявить, что его система принимает форму серии движений, при которых используются цепи разной длины и прочности, соответственно природе упражнений, в которых они применяются. Мысль, конечно, нова и изобилует особыми возможностями. Ибо если Самсон может так много делать, используя эти методы, то нельзя не предположить, что как только они станут широко известными, то и другие смогут физически усовершенствоваться до степени, считавшейся дотоле невозможной.

Краеугольный камень системы Самсона лежит в развитии силы сухожилий — тканей, соединяющих кости и мускулы. Любой, кто мало-мальски знаком с анатомией, знает, что различные движения, на которые способно тело, являются простым результатом сокращения мышц, воздействующих на кости скелета. Если соединение между костями и мускулами слабое или малоразвитое, тогда потенциальная сила мышц не может быть действительно передана. Другими словами, сильные сухожилия передают всю силу; слабые сухожилия передают только часть её.

Эта теория не нова! Артур Саксон всегда заявлял, что первой заботой для силачей должно быть развитие сухожилий, почитание одних только мускулов есть дело второстепенное. Я также очень давно признал логичность этого аргумента, и на протяжении своей карьеры штангиста сосредотачивал всю свою энергию

на развитие в максимальной степени мощности этой важной части тела. Тот факт, что мои сухожилия крепче, чем у большинства, в большей степени объясняет, почему я оказался способен исполнять, несмотря на маленький вес (8 стоунов и 10 фунтов), некоторые трюки, которые оказались выше пределов возможностей многих более корпулентных людей. Конечно, помогали и другие составляющие, было бы глупо это отрицать. Но основной секрет моих многочисленных рекордов кроется в силе того, что назвали моими «стальными сухожилиями».

Но в то время, когда выбранная и столь успешно использованная Самсоном теория никоим образом не нова, как я показал, следует признать, что способ её применения совершенно оригинален. Саксон разработал силу своих сухожилий поднятием и удержанием грузов; и я, в соразмерной степени, делал то же самое. Самсон, однако, не пошёл по этому пути, но нашёл совсем другие.

ПРИЛОЖЕНИЕ Б.

Никто, насколько знаю, не работал так, как он. Его идеи и методы их использования — полностью его собственные. И поскольку это так, он полностью имеет право на все лавры, которые, похоже, возникнут в результате широкого применения этих методов.

В различные отрезки времени нескольких прошедших десятилетий, хронику которых я вёл в другой части этой книги, выдающиеся фигуры появлялись и одаривали нас зрелищем своей феноменальной силы. Первым был Сандов с вдохновляющим посланием всему человечеству, показавший своим превосходным телосложением и пышущим здоровьем, что большинство телесных недугов положительно могут быть исцелены совместными упражнениями разума и тела. Следующим — Саксон, прирождённый силач, подобного ему штангиста, простого и чистого, мы не видавали тогда, не видели после и, возможно, никогда больше не увидим. Затем — чудесный маленький Максикк, пионер нового физкультурного искусства, чья власть над своими мускулами явилась откровением, таким же поразительным, как физическая мощь, которой она сопровождалась. А вот теперь — Александр Засс, разносторонний человек, многого достигший; человек, чья сила столь же неподдельна, сколь скромно им преподносится, полностью оправдывает по крайней мере первую часть титула, которого он удостоен по всеобщему согласию:

«Удивительный Самсон — Сильнейший в мире человек».

У.А. Пуллум,
редактор «Силача»,
директор всемирно известного
Кэмбервельского клуба штангистов

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Предисловие	9
Удивительный Самсон. История его жизни, рассказанная им самим	
<i>Часть первая</i>	
Глава первая	16
Глава вторая	25
Глава третья	33
Глава четвёртая	38
<i>Часть вторая</i>	
Глава первая	48
Глава вторая	58
Глава третья	66
<i>Часть третья</i>	
Глава первая	82
Глава вторая	92
Глава третья	98
Глава четвёртая	106
<i>Часть четвёртая</i>	
Глава первая	112
Глава вторая	120
Глава третья	133
Глава четвёртая	146
<i>Послесловие</i>	
Личная тайна Самсона	150
По следам Александра Засса	153
Алек, Бетти и Сид	156
Новый Самсон	164
В стране горцев	168
На родине Несси	173
«Опилки в моём сердце»	181
Возвращение Русского Самсона	204
Приложение	
А. «Силачи и годы» У.А. Пуллума к книге «Удивительный Самсон, рассказано им самим», Лондон, 1925 год	208
Б. Удивительный Самсон. Пояснения к его трюкам и методам У.А. Пуллума к книге «Удивительный Самсон, рассказано им самим», Лондон, 1925 год	271

И.В. Храмов и А.Д. Богданов у памятника Александру Зассу

Уважаемые господа!

Строительная компания «СМК»—«ПСК» в своей деятельности руководствуется принципом социальной ответственности бизнеса перед обществом, участвует в реализации многих социальных проектов и программ.

Когда мне предложили профинансировать издание этой книги, то я согласился без долгих раздумий. Яркая жизнь русского атлета, циркового артиста Александра Засса, носившего в прошлом веке титул «Сильнейший человек Земли», — это не только цветы, аплодисменты, слава, это непрерывный, каждодневный труд, строгий режим.

Высокая работоспособность, уникальное от природы физическое развитие, тренировки и твердость русского духа принесли свои плоды — феноменальные силовые номера на арене цирка и всемирную известность. Судьба Александра Засса — пример для подражания, и, надеюсь, она заинтересует многих сегодняшних мальчишек и открывает мир силы и спорта для них.

*А.Д. Богданов,
директор ООО ПФ «СМК» и ООО «ПСК»*

Удивительный Самсон

Рассказано им самим...
и не только

В качестве иллюстраций в книге использованы материалы, переданные в 2006 году Оренбургским благотворительным фондом «Евразия» в дар Музею истории Оренбурга, Государственному архиву Оренбургской области, снимки Игоря Храмова, Рустема Галимова, Олега Кудрявцева, Сергея Земцова, фотоматериалы и документы, переданные Ричардом и Лесли Вингоу, Дэном Леонардом, Жаклин Рикардо (Великобритания), копии документов, предоставленные Юрием Владимировичем и Лилией Фёдоровной Шапошниковыми (Москва)

Литературный редактор — Тамара Чернявская

Редактор — Мария Килеева

Типограф — Фёдор Абленин

Корректор — Ирина Чистякова

Формат 70х90/16. Усл. печ. л. 19

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Гарнитура NewBaskervilleExpOdC.

Тираж 2000 экз. Заказ № О-981.

ООО «Оренбургское книжное издательство»

460014, г. Оренбург, ул. 8 марта, 8

тел. (3532) 319355

www.orenburgkniga.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в филиале ОАО «ТАТМЕДИА» ПИК «ИДЕЛ-ПРЕСС»
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2
e-mail: idelpress@mail.ru

ISBN 978-5-88788-177-5

9 785887 881775

Судивительный
Самсон